Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО) МИД России
Кафедра демографической и миграционной политики

Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Центр социальной демографии

МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*Материалы
XI Международного научно-практического форума*

Москва, 5–6 декабря 2019 г.

Издательство «Экон-Информ»
Москва 2020

УДК 314
ББК 65.248:60.54:60.7
М57

М57 Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: Материалы XI Международного научно-практического форума (Москва, 5–6 декабря 2019 г.) / Под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. – 339 с.
ISBN 978-5-907233-49-2

В сборник вошли статьи по результатам работы XI Международного научно-практического форума «Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития», который прошел в Москве 5 и 6 декабря 2019 г. Форум был организован кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России и Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Форум проведен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-010-20083). Настоящий сборник рекомендуется студентам, аспирантам, преподавателям, ученым и экспертам в области миграции, формирования миграционной политики, рынка труда.

Migration bridges in Eurasia: new approaches to the formation of migration policy on behalf of the sustainable development: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Forum (Moscow, December 5–6, 2019) / Edited by Sergey V. Ryazantsev, and Marina N. Khramova. – M.: Econ-Inform, 2020. – 339 p.

The book include articles on the results of the XI International Scientific and Practical Forum "Migration Bridges in Eurasia: New Approaches to the Formation of Migration Policy for Sustainable Development", which was held in Moscow on December 5 and 6, 2019. The forum was organized by the Department of Demographic and Migration Policy MGIMO University and the Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS. The forum was held with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-010-20083). The book is recommended for students, graduate students, teachers, scientists and experts in the field of migration, the formation of migration policy, the labor market.

ISBN 978-5-907233-49-2

© МГИМО МИД России, 2020
© ИСПИ ФНИСЦ РАН – Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, 2020
© Оформление. Изд-во Экон-Информ, 2020

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В современных условиях миграция предоставляет государствам, обществам и мигрантам многочисленные возможности. Миграция превратилась в важнейшую политическую и экономическую проблему в таких вопросах, как интеграция, перемещение населения, безопасность и защита границ. По оценкам ООН, в 2019 г. в мире насчитывалось 272 млн. международных мигрантов (3,5% населения мира). Наибольшее количество мигрантов находится в Европе – 82 млн., США и Канаде – 59 млн., Северной Африке и Западной Азии – 49 млн. человек. Около половины всех мигрантов сосредоточено в крупнейших десяти принимающих странах – США (51 млн.), Германия и Саудовская Аравия (по 13 млн.), Россия (12 млн.), Великобритания (10 млн.), ОАЭ (9 млн.), Франция, Канада и Австралия (по 8 млн.), Италия (6 млн.). Главная страна происхождения мигрантов – Индия, которую покинуло 18 млн. человек. Мигранты из Мексики составляют вторую по численности группу в мире – 12 млн., выходцы из КНР – 11 млн., России – 10 млн., Сирии – 8 млн. человек. Также стала более распространенной в мире и внутригосударственная миграция, в которой участвует более 740 млн. человек. Три четверти международных мигрантов (202 млн. человек) – в трудоспособном возрасте (20–64 года). Примерно половину мигрантов составляют женщины и девочки – 48%. Около 13 млн. среди мигрантов приходится на беженцев и лиц, ищущих убежище.

Можно говорить о том, что миграционные сообщества сегодня сопоставимы с населением некоторых стран мира. В условиях социально-экономических и демографических диспропорций миграционные потоки помогают некоторым странам компенсировать дефицит трудовых ресурсов, омолаживают стареющие возрастные структуры населения, обеспечивают студентами и рабочими отрасли экономик некоторых стран.

Между странами донорами и странами реципиентами сформировались и функционируют устойчивые миграционные потоки. Беспрецедентные масштабы миграции существенно изменяют ценности, жизненные установки, демографическое поведение населения стран региона, причем населения как посылающих, так и принимающих государств.

Трудовая миграция стала реальной формой экономической интеграции стран Центральной Азии и Российской Федерации, во многом способствовав образованию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включившего Российскую Федерацию, Республику Казахстан, Республику Беларусь, Республику Армению, Кыргызскую Республику.

Обмен эффективными практиками регулирования миграционных процессов приобретает новое измерение с учетом подписания Глобального соглашения о миграции на саммите в Марракеше (Марокко) 11–12 декабря 2018 года. В этом смысле площадка Международного научно-практического форума «Миграционные мосты в Евразии» может считаться важным элементом в механизме глобального дискурса в поиске общих подходов к регулированию миграции в мировом масштабе.

В этом году форум объединил ученых и экспертов из 33 стран мира, академий, университетов, государственных структур, посольств, неправительственных организаций, международных организаций системы ООН. В данном сборнике представлены некоторые материалы участников Форума: как известных в своей области российских и зарубежных ученых, так и молодых исследователей.

Председатель организационного комитета, директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН

С.В. Рязанцев

Раздел 1.

**ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
МИГРАЦИИ**

PUBLIC OPINION OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA ON THE ISSUE OF HUMAN TRAFFICKING

Oxana S. Alistratova, master of political science, PhD student, Doctoral school of social sciences, Moldova State University, Chisinau (Republic of Moldova), E-mail: oalistratova@yahoo.co.uk

Abstract. The Republic of Moldova encountered the human trafficking in the mid-1990-s. The conducted sociological survey identified public opinion of the residents of Moldova on the phenomenon of human trafficking, risks and consequences associated with it. It is greatly important both for government agencies and for non-governmental organizations to study public opinion on this issue. It is necessary to raise public awareness, as it is one of the tools to prevent human trafficking.

Keywords: human trafficking; public opinion; public awareness; state and public institutions; countering of human trafficking.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА О ПРОБЛЕМЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Алистратова Оксана Степановна, магистр политологии, аспирант, Школа социальных наук Молдавского государственного университета, Кишинев, (Республика Молдова), E-mail: oalistratova@yahoo.co.uk

Аннотация. С торговлей людьми Республика Молдова столкнулась с середины 1990-х годов. Проведенный социологический опрос позволил выявить общественное мнение жителей Молдовы о феномене торговли людьми, рисках и последствиях, связанных с ней. Изучение общественного мнения по данной проблеме является очень важным для государственных и общественных

институтов для того, чтобы предпринять необходимые действия по повышению осведомленности населения как одного из инструментов предотвращения торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, общественное мнение, информированность населения, государственные и общественные институты, противодействие торговле людьми.

Initial Remarks. The issue of human trafficking is relevant for the Republic of Moldova. Moldova has faced various forms of it since mid-1990-s: for labour and sexual exploitation, exploitation of women and children (begging), for sale of human organs [2]. Main trends of human trafficking were defined. Moldova has become a country of origin and, to a lesser extent, of transit and a country of destination for victims of human trafficking [1].

Public authorities of Moldova make efforts to investigate and prosecute traffickers, to assist and protect victims of human trafficking. However, despite the ongoing efforts of government, international and non-governmental organizations, number of victims of human trafficking in Moldova remains quite high.

Public awareness, in particular – among young people, about risks and consequences of human trafficking, about what should be done to avoid it, is one of the important measures, aimed to prevent human trafficking. It is greatly important both for government agencies and for non-governmental organizations to study public opinion on this issue. It is necessary to raise public awareness, as it is one of the tools to prevent human trafficking.

The study of public opinion on the issue of human trafficking was not conducted in Moldova. The research conducted is an important step in this regard, because it helps to determine the level of public awareness about the threat, methods of recruitment, risks and consequences of human trafficking, about necessary actions for

preventing this dangerous phenomenon. All these issues became the subject of this particular article.

Research results. In January-February 2019, the author conducted a sociological survey on studying public opinion of residents of Moldova on the issue of human trafficking. 865 people, living in all regions of the Republic of Moldova, including Transnistria, were interviewed.

Primary sociological data were collected in a survey, based on a questionnaire that the author compiled herself. Standardized face-to-face interview was the main method of the survey.

Social-demographic characteristics of survey participants. By gender, 38% of men and 62% of women were interviewed. According to the age criterion, the participants of the survey were divided into the following groups: 14–17 years – 3,9%, 18–29 years – 48,2%, 30–39 years – 16,3%, 40–49 years – 13,1%, 50–59 years – 11,3% and over 60 years – 7%.

Natives of various types of localities are presented among the participants of the survey: large towns (Chisinau, Balti, Tiraspol), small towns and rural area. Residents of large towns account more than half of the respondents (51,7%), living in small towns – 26,8%, in rural area – 21,5%. The survey was conducted in all regions of the country, including Transnistria.

Taking into account, that young people are one of the vulnerable groups for human trafficking, we interviewed college and university students in various regions of the Republic of Moldova to know their level of awareness about risks of human trafficking. College students made up 16,7% of respondents, university students – 22,3% of the total number of respondents.

In the course of the study, the respondents received several definitions of human trafficking and had to choose one, which, in their opinion, reflected the essence of this phenomenon better. The

majority of the respondents (69%) consider that human trafficking – is taking people out of their country of citizenship by threat, deception or violence for illegal sexual and labour exploitation. Every seventh respondent considers that human trafficking is illegal migration for various purposes. According to 7% of respondents, human trafficking is departure of citizens from the country for employment. 5% indicated, that human trafficking is related to low-waged labour under poor conditions for 10–12 hours a day and only 3,7% of the respondents think, that human trafficking – is consensual departure of women abroad for prostitution (Table 1).

Table 1.

What does human trafficking mean?

Definition of human trafficking	%
Human trafficking – is illegal migration for various purposes	14.7
Human trafficking is consensual departure of women abroad for prostitution	3.7
Human trafficking is departure of citizens from the country for employment.	7.0
Human trafficking – is trafficking of citizens by threat, deception or violence for illegal exploitation (sexual and labor).	69.0
Human trafficking – is low-waged labour under poor conditions for 10–12 hours a day	5.0
Other	0.6

Source: Sociological research conducted by the author

The vast majority of respondents know or have heard about human trafficking. 70,5% of respondents answered television and radio, 66,2% – Internet as main sources of information on this issue. 37,3% of the survey participants learned about human trafficking from friends, 27,3% – from films. Educational institutions do not give due attention to this critical issue. Only 17,3% of respondents answered teachers and professors as source of information. The re-

search showed a minor role of family in awareness about this issue (9,1%), although family by the strength of its influence has huge impact on personality. The same number of respondents answered law-enforcement agencies as source of information. 6,2% of the interviewed learned about human trafficking from the interviewer during the interview and 3,8% of respondents faced this issue in their life (Table 2).

Table 2.

Sources of information about human trafficking

Sources of information	%
television, radio	70.5
newspapers	13.3
Internet	66.2
family members	9.1
friends, acquaintances, rumours	37.3
teachers, professors	17.3
from the interviewer during the interview	6.2
faced in life	3.8
films	27.3
law-enforcement agencies	9.1
difficult to tell	3.1

Source: Sociological research conducted by the author

*There are several possible answers

Almost 3/5 of the respondents consider that issue of human trafficking is relevant for the Republic of Moldova. 12,3% of the interviewed answered negatively and every fourth respondent found it difficult to answer this question. This indicator is more than a half in all age categories. But if number of those who consider this issue relevant in 14–17, 18–29, 50–59 years old age categories is more than 60% and in the category older than 60 years old is approaching to this value (59%), in the 30–39 years old category positively answered 51,4% of interviewed, and in 40–49 years old category –

only a half of respondents. Meanwhile most of those, who found it difficult to answer this question, are concentrated in these two ages categories – 36,8% of 40–49 years old and 34,3% of 30–39 years old category.

The survey conducted showed, that 3/5 of the respondents affirmatively answered the question about existence of internal human trafficking in Moldova. Every sixth respondent considers that there is no human trafficking in our country, and every tenth indicated, that human trafficking is always associated with travelling abroad.

As the research conducted showed, more than a half of respondents consider human trafficking for labour (57,8%) and sexual (54%) exploitation as the most prevailed form of human trafficking that occurs in their town (region) of residence. One third of respondents noted human trafficking for begging as the prevailing form, 26,9% of the interviewed mentioned trafficking of children. Almost every fourth respondent included organ trafficking to prevailed forms and every sixth – involvement in criminal activity. One-sixth part of all respondents found it difficult to answer this question.

Human trafficking forms prevalence varies among residents of various localities. Respondents in large towns consider human trafficking for sexual (23,1%) and labour (22,7%) exploitation, begging (16,8%) and trafficking of children (11,9%) as the most prevailed forms. Respondents, living in small towns and rural area, recognized human trafficking for labour exploitation as the most prevailed (25,9% and 23,9% respectively). Human trafficking for sexual exploitation is second in order of prevalence. However, in rural areas, this indicator is 22,3% and in small towns, it is less, then 20%. As the third most prevalent form residents of rural area indicated trafficking of children (12,2%), and people living in small towns – human trafficking for begging (9,4%).

Among respondents, living in large towns, every sixth indicated prevalence of human trafficking for begging. In rural area this form of human trafficking indicated every ninth respondent, and in small towns – less than 10% of respondents. This is probably because residents of large towns face begging more often, compared to people living in small towns and villages because incomes from this business are higher in large towns.

It should be noted, that number of residents of large towns and rural area, who noted trafficking of children as prevailed form of human trafficking is almost equal – 11,9% in large towns and 12,2% in villages. In small towns this indicator is much lower – 7,6%. Every tenth resident of rural area indicated prevalence of organ trafficking. Among residents of large towns, every eleventh noted prevalence of this human trafficking form, and in small towns – every twelfth respondent.

The research showed that forced marriage is the only form of human trafficking where negative answers prevailed positive. Nevertheless, most of those, who indicated prevalence of this form, are in 14–17 years old age group. The highest number of those, who consider organ trafficking to be the most prevailed form, is among representatives of this age category – 16,1% of respondents, that is higher, than the indicator of human trafficking for sexual exploitation (15%).

Our survey showed that quick and easy enrichment desire primarily contributes to being lured by human traffickers. 64,2% of respondents think so. Moreover, according to respondents, unemployment in the country (41,9%), overcredulity of citizens (31,7%), low level of public awareness about human trafficking danger (28,3%), demand for cheap labour in host countries (24,7%) contribute to this. Every fifth respondent indicated such reasons as individuals' low moral and ethical values and citizens' legal illiteracy.

19,3% of respondents indicated law-enforcement agencies insufficient work, every sixth noted unbelief in positive changes in the country. Every eighth respondent considers that steady demand for sexual services contributes to being lured by human traffickers. 12,3% of respondents indicated desire to avoid psychological or physical abuse in family (Table 3).

Table 3.

Reasons for being lured by human traffickers

Human trafficking forms	%
Desire for quick and easy enrichment	64.2
Unemployment	41.9
Demand for cheap labour in host countries	24.7
Legal illiteracy	20.0
Overcredulity	31.7
Steady demand for sexual services	13.1
Individuals' low moral and ethical values	20.7
Law-enforcement agencies insufficient work	19.3
Low level of public awareness about human trafficking danger	28.3
Lack of belief in positive changes in the country	15.6
Gender discrimination	4.7
Desire to avoid psychological or physical abuse in family	12.3
Other	1.2

Source: Sociological research conducted by the author

* There are several possible answers

According to the survey results, absolute majority of respondents (71,5%) consider women to be a major risk group for human trafficking, because women are particularly vulnerable to sexual exploitation. Young, with low educational level, without steady work or sources of income, women with many children, single mothers, women, experiencing violence or other problems in family are especially vulnerable.

More than a third of respondents indicated that children are also at risk of human trafficking. Children from dysfunctional families, the ones without parents, from children's homes, street and neglected children, etc. are especially vulnerable. Children are begging, are involved in criminal activity, commit minor offences, but in fact they are victims of exploitation by human traffickers.

Every ninth respondent noted men as risk group with regard to human trafficking. Men are often subject to labour exploitation, carrying out hard, unskilled work in building, agriculture, etc, not getting the money earned. Every tenth respondent found it difficult to answer this question.

The sociological research conducted showed, that 21,3% of respondents or their friends / acquaintances have encountered with human trafficking. 58,2% of respondents answered negatively to this question and one fifth of all respondents found it difficult to answer this question. 39,3% of respondents, answering to the specific question about difficult situations abroad, similar to the situation of human trafficking, in which respondents or their acquaintances fell, indicated, that have faced situation, similar to slavery or received poor salary for accomplished work. More than a quarter of respondents indicated situations, related to the fact when passport or other documents were taken away, and 2,8% indicated forced labour. Every sixth respondent noted that they were not free to move around, and every seventh – sexual services. Every tenth respondent answered, that encountered with situations when their acquaintances went missing abroad. 5,7% of respondents indicated begging, 2,8% noted such a rare for the European continent situation as forcing into military actions, and 2,4% of respondents – organ transplantation.

The research conducted showed, that almost two thirds of respondents asses level of public awareness about human trafficking

risks and countering of it as low and relatively low. About a quarter of respondents consider, that level of public awareness about this issue is high and relatively high. Every eighth respondent found it difficult to answer this question (Table 4).

Table 4.

Public awareness about human trafficking

Level of awareness	%
high	6.9
relatively high	16.8
relatively low	36.7
low	27.1
difficult to tell	12.5

Source: Sociological research conducted by the author

Analyses of data obtained shows, that number of respondents, who defined level of public awareness about risks of human trafficking and countering of it as high and quite high is higher among college and university students, than among "not-students". 29,1% of student youth support the same point of view, meanwhile, among "not-students" this indicator is 20,5% of respondents.

Number of respondents, who assessed level of awareness as quite low is slightly higher among "not-students" (38,1%) than compared to students (34,7%). But overall number of those, who asses level of awareness about human trafficking risks and countering of it as low and quite low prevails in both groups – 63,7% among students and 64,9% among "not-students".

In the course of the study, the respondents were asked if they believed they were completely safe from becoming a victim of human trafficking. 45% of respondents answered, that believe themselves safe from becoming a victim of human trafficking, 43,2% of

respondents do not believe themselves safe from such situations and every eighth found it difficult to answer this question

Preventing and countering of human trafficking is among national priorities of the Republic of Moldova. The principle of actions coordination of state and public institutions provides interdisciplinary and intersectoral approach usage in countering of human trafficking.

During the survey we tried to find out how respondents assess state and public institutions activities on identification and suppressing of facts of human trafficking. One third of respondents assessed as effective and mostly effective law-enforcement agencies and educational institutions activities, 30,4% – public organizations activities. The fewest number of respondents (27%) indicated social services effectiveness.

Meanwhile, most of respondents (37,5%) assess social services activities as ineffective and mostly ineffective. 36,2% of respondents assessed educational institutions activities as ineffective and mostly ineffective, law-enforcement agencies activities – 32%, public organizations activities – 31% of respondents. There is a significant number of respondents who found it difficult to answer this question – starting from 38,6% – about public organizations activities, up to 30,9% – about educational institutions activities.

As for the media, respondents assess Internet and television as most effective. Almost two thirds of respondents assess it as effective and mostly effective, but television received higher assessment as "mostly effective" and Internet – as "effective". Lower assessment marks received radio (24,8%) and newspapers (21,5%). This is, largely, due to less popularity of these media among population.

As the research conducted showed, respondents think, that various factors (economic, legal, social) should be used for tackling human trafficking. According to the absolute majority of survey

participants, level of life for people raise will contribute to tackle human trafficking. 69,3% of respondents answered so (Table 5). 52,1% of respondents identified job opportunities expand as the solution for human trafficking.

Table 5.

Factors that contribute to tackling human trafficking

Factors	%
level of life for people raise	69.3
job opportunities expand	52.1
law-enforcement agencies better work	40.5
tougher criminal punishments for human trafficking	50.3
public awareness raises	36.9
family values strengthening	25.1
other	1.2

Source: Sociological research conducted by the author

* There are several possible answers

More than a half of respondents consider that tougher criminal punishments are necessary for tackling human trafficking. 40,5% of respondents think that law-enforcement agencies better work will contribute to this. According to 36,9% of respondents, raising of public awareness about risks and consequences of human trafficking is important. A one-fourth part of the respondents considers that family values strengthening will contribute tackle human trafficking.

Final remarks. The research conducted allows drawing the following conclusions.

Survey respondents have different understandings of human trafficking. The majority of respondents tend to define human trafficking as taking people out of their country of citizenship by threat, deception or violence for illegal sexual and labour exploitation. The vast majority of respondents know or have heard about this issue.

Television and radio, Internet, films as well as friends, acquaintances and rumours are sources of information.

The issue of human trafficking is relevant for the Republic of Moldova. The respondents acknowledge that human trafficking also exists within the country. Human trafficking for labour exploitation, sexual exploitation, begging, trafficking of children, organ trafficking is mentioned as the most prevailed forms, but prevalence differs depending on the place of residence and age of respondents.

According to the research results, a whole range of "push" and "pull" factors contributes to being lured by human traffickers. On the one hand, they are associated with situation in the country: high level of unemployment, unbelief in positive changes, law-enforcement agencies insufficient work. On the other hand, there is steady demand for cheap labour and sexual services in host countries. To the reasons mentioned may be added quick and easy enrichment desire, overcredulity and citizens' legal illiteracy, low level of public awareness about human trafficking danger, individuals' low moral and ethical values.

Sociological research showed that number of respondents, who assess level of Moldavian citizens awareness as low and quite low prevails on those, who assess it as high and quite high. Nevertheless, number of those, who considers citizens' level of awareness as high and mostly high is higher among students, compared to other participants of the survey.

The research showed that a certain part of respondents and their acquaintances faced abroad situations, similar to human trafficking: situations, similar to slavery, poor salary; taking away of passport or other documents; forced labour; lack of freedom to move around; sexual services; missing persons. Less than a half of respondents consider themselves completely safe from human traf-

ficking, others do not consider they are completely safe from such situations or found it difficult to answer this question.

Joining forces of state and public institutions, based on interdisciplinary and intersectoral approach in countering of human trafficking is necessary to identify and suppress human trafficking. Economic, legal, social factors should be used in tackling human trafficking. Among these factors, public awareness plays an important role as one of tools to prevent human trafficking.

References and Sources

1. Trafficking in Persons Report (2017). [Electronic resource]. Access mode: <https://www.state.gov/documents/organization/271339.pdf>
2. Mosneaga V., Rusnac Gh. Politics of the Republic of Moldova on combating trafficking in human beings (2000–2012). // MOLDOSCOPIE (Problems of Political Analysis). 2013. nr.3 (LXII). P.18–33.

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В КНР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Баженова Елена Степановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН, Москва (Россия). E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Аннотация. В статье показывается, как дальнейшее расширение торгово-экономических связей с Китаем может привести к увеличению китайской диаспоры на территории России. О “китайской угрозе” имеет смысл говорить только в долгосрочной перспективе при сохранении нынешних тенденций быстрого экономического роста Китая и дальнейшего экономического ослабления российского Дальнего Востока. Тогда может сложиться большая разность экономических потенциалов и относительной плотности населения на сопредельных территориях, что может привести к экономическому доминированию Китая в той или иной форме.

Ключевые слова: население Китая, рынок рабочей силы КНР, миграция населения Китая.

MIGRATION SITUATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Elena S. Bazhenova, PhD in Economics, leading researcher, Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Abstract. The article shows how the further expansion of trade and economic ties with China can lead to an increase in the Chinese diaspora in Russia. It makes sense to talk about the “Chinese threat” only in the long term, while maintaining current trends in China's rapid economic growth and further economic weakening of the Russian

Far East. Then there will be a big difference in economic potentials and relative population density in adjacent territories, which may lead to the economic domination of China in one form or another.

Keywords: Chinese population, labor market of China, migration of the Chinese population.

В настоящее время Китай по абсолютной численности городского населения занимает одно из первых мест в мире [3]. Доля городского населения увеличивается при сокращении доли сельского (с 1953 г. по 2018 г.: число горожан возросло с 77 млн. до 831 млн. человек, численность сельских жителей – с 505 млн. до 546 млн., при этом удельный вес городского населения за это же время увеличился с 13% до 60%). Рост городского населения происходил не только за счёт естественного прироста населения, но в основном за счёт миграции, а также за счёт расширения количества населённых пунктов, получавших статус города по мере перемещения части экономически активного населения из сферы сельского хозяйства в несельскохозяйственную сферу.

По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн. человек (к этому времени будет 220 городов с числом жителей более 1 млн. человек и 23 мегаполиса с числом жителей более 5 млн. человек), а в дальнейшем, к 2030 г., составит 1020 млн. человек, 70% общей численности населения, к 2050 г. – 76% общего числа жителей КНР.

Основные параметры развития населения Китая определяются демографическими тенденциями последнего десятилетия – численность населения страны увеличивалась, но коэффициенты естественного движения населения стабилизировались, достигнув умеренных величин; средние размеры семьи постепенно снижались; ускоряющимися темпа-

ми шло старение населения, особенно в крупных городах; все большее число мигрантов покидали села, чтобы заняться несельскохозяйственным трудом – бурно рос объем миграций (286 млн. человек в 2018 г.) [2].

В отличие от крупных городов, где сосредоточена значительная часть городского населения, до недавнего времени резко отставал рост средних и особенно малых городов, где не было достаточно средств для экономического и культурного развития. В нынешних условиях перенаселенности крупных городов и наличия избыточной рабочей силы в деревне единственной разумной альтернативой решения вопроса является развитие малых городов и посёлков и создание в сельской местности широкой сети предприятий несельскохозяйственной сферы. Этот путь в условиях перенаселённости крупных и средних городов оказывается довольно эффективным и при определённых условиях позволяет решить ряд серьёзных проблем китайской экономики – трудоустройство избыточного населения, создание фондов накопления для модернизации сельского хозяйства, развитие материально-технической основы малых городов, и как следствие всего этого, постепенное стирание граней между городом и деревней.

Наибольший приток мигрантов идёт в наиболее экономически развитые районы Китая, где наряду с большим количеством предприятий государственного сектора действуют и предприятия других форм собственности, таких как коллективные, частные, индивидуальные, смешанные, с участием иностранного капитала и т.д. В частности, наиболее высокие показатели нетто-миграции характерны для городов центрального подчинения Пекина, Шанхая и Тяньцзиня и приморских провинций Ляонин, Гуандун, Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу, где наиболее активно развиваются предприятия всех форм собственности, и

мигрантам из других провинций легче найти работу [1]. В то же время, в ряде внутренних провинций Китая, причём вне зависимости от их географического положения, наблюдается отрицательное миграционное сальдо, связанное, с неразвитостью именно альтернативных форм экономики, что затрудняет поиски работы для избыточного сельского населения в рамках этих провинций. В частности, наиболее высокие показатели чистого оттока населения характерны для таких провинций как Сычуань, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Гуанси, Хунань, Хэбэй и Цзилинь.

Миграция населения как легальная, так и нелегальная – происходит в основном из тех провинций, где слабо развит негосударственный сектор экономики, но хорошо развита транспортная сеть, например, провинция Сычуань. Как мы видим, миграционные потоки в Китае направлены в те провинции, которые привлекают больше иностранных инвестиций и соответственно могут создать больше рабочих мест со сравнительно высокой оплатой труда.

В начале XXI века на рынке рабочей силы КНР произошли заметные изменения, связанные с растущей нехваткой рабочей силы в приморских и западных районах страны. В восточных районах это было связано с заметным старением населения и низкой рождаемостью. В большинстве приморских провинций с высоким уровнем экономического развития (высокий объем ВВП и доходы на душу населения) количество вакантных рабочих мест, как правило, превышает количество зарегистрированных безработных в местных бюро по трудоустройству, а в западных районах Китая был достигнут примерный баланс.

Таким образом, в настоящее время для заполнения вакантных рабочих мест в приморских и западных районах,

единственным источником пополнения рабочей силы остаются центральные районы Китая, в которых по-прежнему количество вакантных рабочих мест меньше, чем зарегистрированных безработных.

Важным инструментом в борьбе регионов за рабочую силу стало повышение заработной платы. В 2018 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составила 7456 юаней в месяц (около 74560 руб. в месяц). Среднемесячный доход на душу населения по стране в целом – 2083 юаней; 2773 в городе и 1088 в деревне (соответственно около 20830 руб., 27730 руб. и 10880 руб.) [3]. Эта зарплата по ее покупательной способности уже выше средней зарплаты в России с учетом намного более низких цен на продовольственные и промышленные товары, особенно во внутренних районах Китая.

Анализ миграционных потоков в Китае из пограничных с Россией провинций показывает, что большая часть населения стремится устроиться на работу в приморские районы, например, в провинции Ляонин, Шаньдун, Чжэцзян. Поэтому в обозримом будущем, вряд ли следует опасаться массового наплыва китайской рабочей силы в Россию, так как средний уровень заработной платы в России в целом, и на Дальнем Востоке, в частности, уже вполне сопоставим со средним уровнем по КНР, а по ряду рабочих профессий и среди интеллигенции – уже выше, чем в России.

На наш взгляд, в нынешней ситуации нехватки рабочей силы на Дальнем Востоке и в Сибири экспорт трудовых услуг из Китая в Россию является взаимовыгодным. Для Китая Россия – один из крупнейших рынков экспорта рабочей силы, а для провинции Хэйлунцзян – единственный рынок. Для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из Китая решает проблему нехватки рабочей силы в

сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве. В принципе добрососедство, интенсивное экономическое сотрудничество предполагает и требует интенсивной миграции в приграничных районах обеих стран. Однако пока роста импорта рабочей силы из Китая в Россию ожидать не приходится из-за застоя в экономике российского Дальнего Востока и Сибири.

В настоящее время общая численность жителей КНР, находящихся на территории России, невелика (около 0,2% общей численности населения). По нашим оценкам, одномоментная численность китайцев в России составляет примерно 350–400 тыс. чел.

Половина всех китайских трудовых мигрантов, которые официально трудятся на территории РФ, как правило, сконцентрирована в Центральном федеральном округе, пятая часть (21%) – на Дальнем Востоке. На территории Дальневосточного федерального округа трудится 33% всех граждан КНР, работающих в стране, а в Сибири – 28%. Основными легальными сферами деятельности этой категории граждан на Дальнем Востоке являются оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта, бытовых изделий – в этих отраслях работают более 62% китайцев. Далее в порядке убывания предпочтения следуют: строительный бизнес, сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях, и обрабатывающие производства.

В дальнейшем расширение торгово-экономических связей с Китаем, которое важно для России и, особенно для её азиатской части, приведёт к увеличению китайской диаспоры на территории России. О “китайской угрозе” имеет смысл говорить только в долгосрочной перспективе при сохранении нынешних тенденций быстрого экономического роста Китая и

дальнейшего экономического ослабления российского Дальнего Востока. Тогда сложится большая разность экономических потенциалов и относительной плотности населения на сопредельных территориях, что может привести к экономическому доминированию Китая в той или иной форме. Однако в случае успешной реализации выдвинутых последними съездами КПК задач в области социально-экономического развития, что повлечет за собой дальнейшее обеспечение трудоспособного населения рабочими местами, рост его материального благосостояния и заметное повышение его жизненного уровня по сравнению с российским Дальним Востоком, вряд ли следует ожидать интенсивной миграции из Китая на территорию России.

Для решения всех потенциальных проблем, связанных с миграциями из Китая, лучшим средством является создание экономически сильной России и наращивание экономического потенциала на восточных территориях России – Дальнем Востоке и Сибири.

Список литературы и источников

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2018 нянь гоминь цзинцзи хэ шэнуэй фачжань тунцзи гунбао (Statistical communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National economic and social development). National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing. 28.02.2019. P.2 .
2. Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения КНР 2000 года). Пекин. Чжунго тунцзи чубаньшэ. 2003. Т.1. С. 12–15).
3. Чжунго тунцзи чжайяо – 2019 (Статистический справочник КНР). Пекин. 2019, с.17, 40).

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ: ДО И ПОСЛЕ 2015 ГОДА

Бутенко Владислав Александрович, аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва (Россия). E-mail: vladislav_butenko@list.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению опыта реализации миграционной политики в Швеции. Роль миграционной политики в социально-экономическом развитии Швеции существенно возросла в 2015 году. Миграционный кризис, охвативший Европейский Союз, не оставил в стороне и Швецию. Увеличившийся поток иммигрантов и беженцев не только привел к острым политическим дебатам, увеличению уровня поддержки партии «Шведские демократы», но и спровоцировал введение временных ограничительных мер.

Ключевые слова: миграция, миграционный кризис, миграционная политика, Швеция.

SWEDISH MIGRATION POLICY: BEFORE AND AFTER 2015

Vladislav A. Butenko, PhD student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia). E-mail: vladislav_butenko@list.ru

Abstract. The article is devoted to Swedish migration policy. The author reveals that this issue caused controversy after 2015. Migration crisis in the European Union did not leave Sweden aside. The increased flow of immigrants and refugees not only led to heated political debate and increased support for the Swedish Democrats party, but also provoked the introduction of temporary restrictive measures.

Keywords: migration, migration crisis, migration policy, Sweden.

На протяжении последних сорока лет Швеция остается привлекательной для мигрантов страной. Королевство занимает первое место по уровню свободы в мире [4] и седьмое место по индексу человеческого развития [6].

До 1930-х гг. Швеция была преимущественно страной эмиграции. Несмотря на то, что в 1500-е гг. в Швецию активно переселялись финны, в 1600-е гг. привлекались валлоны для обучения местного населения железному делу, в 1700-е гг. поощрялась иммиграция французских художников и философов, а в 1800-е гг. – итальянских строителей, с середины 1800-х гг. до 1930-х гг. имела место масштабная эмиграция подданных Королевства в США, Канаду, Южную Америку и Австралию. Как отмечает шведский ученый Ларс Халлберг, «в 1800-е годы, во время великой эмиграции, иммиграция была относительно незначительной и в основном состояла из возвращающихся шведоамериканцев» [13].

Изменения начали происходить с 1930-х гг., когда число иммигрантов превысило число эмигрантов.

Во время Второй мировой войны в основной массе иммигранты в Швеции были выходцами из скандинавских стран. При этом большая часть из них вернулась в страны исхода после окончания военных действий. Послевоенный период характеризуется трудовой миграцией, особенно из Финляндии, Дании и Норвегии [8]. Главной причиной иммиграции в Швецию из соседних стран были более высокие заработные платы. Согласно докладу Статистического управления Швеции (2004: 5), число рожденных за границей возросло почти в три раза: со 198 тыс. в 1950 году до 538 тыс. человек в 1970 году [12]. В указанный период число мигрантов из Финляндии составляло 200 тыс., из других европейских нескандинавских государств –

около 100 тыс., выходцев из неевропейских стран (Турции, Канады, США и др.) – до 20 тыс. человек [9, с. 15].

Закон об иностранцах 1954 г. подчеркивал приверженность свободному перемещению людей. Однако в законе оговаривалось, что миграционные потоки могут быть ограничены ввиду политической или экономической целесообразности [17, с. 45]. Важно отметить, что закон закрепил право на убежище. Причем оснований для предоставления убежища обозначалось больше, нежели в Женевской конвенции о статусе беженцев.

В 1968 году вводилась регулируемая трудовая миграция, позволяющая привлекать иностранную рабочую силу только в случае невозможности удовлетворить трудовые потребности за счет местного населения. Более того, все иностранные граждане должны были иметь разрешения на работу, оформленные до въезда в Швецию.

С середины 1970-х гг. Швеция стала активно принимать беженцев из Латинской Америки, а позже – из стран Восточной Африки и Ближнего Востока. Приток беженцев составлял примерно 10 тыс. человек в год [7, с. 6].

В связи с увеличением потока беженцев в начале 1980-х гг. возникла необходимость пересмотреть руководящие принципы миграционной политики 1968 года. Особых изменений новые руководящие принципы (1983 г.) не внесли: в них закреплена взаимосвязь миграционной политики и других видов политики, а также подчеркивалось, что иммиграция не должна ставить под угрозу политику социального обеспечения и политику на рынке труда [14].

К середине 1980-х гг. число просителей убежища из Ирака, Ирана, Сирии, Ливана, Турции, Эритреи увеличилось, что открыло путь для политических дебатов по поводу политики предоставления убежища [11]. Закон об иностранцах претерпел

изменения: вопрос обеспечения безопасности был вынесен на передний план в разработке миграционной политики. Против такого положения дел выступили Либеральная партия, Партия зеленых и Левая партия, заключившие договоры с такими организациями, как Международный комитет Красного Креста, Save the Children, Amnesty International [3, с. 5].

В начале 1990-х годов более 100 тыс. человек в результате этнических чисток прибыло из Югославии в Швецию. Большинство из них составляли боснийцы. Визовый режим с Боснией и Герцеговиной был автоматически введен после признания независимости государства в мае 1992 г., однако под давлением мировой общественности и неправительственных организаций был отменен в октябре того же года. Тем не менее в июне 1993 г. Швеция вновь ввела визовый режим для боснийцев. Важно отметить, что с целью ограничения притока иммигрантов и беженцев из новых образовавшихся постъюгославских государств были установлены визовые требования [17, с. 69–70].

Период нахождения у власти правоцентристского правительства (2006–2010 гг.) не внес существенных изменений в миграционную политику государства.

В 2010 г. антииммигрантской партии «Шведские демократы» впервые с 1991 г. удалось попасть в парламент. Однако внедрения политики, ограничивающей иммиграцию, так и не последовало, что было обусловлено заключением союза правоцентристского альянса с Партией зеленых, ратующей за миграцию и защищающей право на предоставление убежища.

Шведская миграционная политика претерпела существенные изменения в 2015–2016 гг., когда число иммигрантов и беженцев значительно увеличилось во всем Европейском Союзе. Лишь в 2015 г. Швеция приняла более 162 тыс. беженцев

[2]. Как отмечает Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 2014–2015 гг. в Швеции был зафиксирован рекордный приток лиц, ищущих убежища, среди всех стран ОЭСР [10]. Первой реакцией на кризис в Королевстве Швеция стало подписание октябрьского соглашения между правительством социал-демократов и зеленых и четырьмя правоцентристскими партиями [15]. Партия левых документ не одобрила, а «Шведские демократы» для обсуждения сложившейся ситуации приглашены не были. В соглашении были определены меры, необходимые для более упорядоченного приема беженцев.

Более того, был принят Закон о специальных мерах в случае серьезной угрозы общественному порядку или внутренней безопасности страны, позволяющий осуществлять проверки личности [16]. Для сокращения притока иммигрантов и беженцев в ноябре 2015 г. был введен временный пограничный контроль.

Изменения в законодательстве привели к замене для лиц, получивших убежище, постоянного вида на жительство (ВНЖ) на временный. При этом предусматривается, что по истечении срока действия временного вида на жительство лицо может получить постоянный ВНЖ, если докажет, что способно себя содержать. Однако проблема, по мнению Хенрика Эмильссона, заключается в том, что для выдачи постоянного вида на жительство отсутствуют требования к гражданской интеграции, в частности требование к уровню владения языком [3, с. 11].

Важным вопросам является взаимодействие муниципалитетов с иммигрантами и беженцами. Как отмечают исследователи Магнус Хенрексон, Озге Онер и Тино Санандаджи, муниципалитеты, испытывающие большие экономические трудности, принимают зачастую большее число мигрантов, что

связано: 1) либо с возмещением «расходов в долгосрочной перспективе, когда иммигранты станут самостоятельными налогоплательщиками»; 2) либо с денежными «переводами, которые они получают от национального правительства» [5, с. 12].

Эволюция миграционной политики Швеции вызвана увеличившимися масштабами миграции, затрагивающей фундаментальные принципы: солидарность, толерантность и политкорректность [1, с. 131]. Необходимо учитывать, что до миграционного кризиса политика предоставления убежища была более широкой, чем минимальные стандарты, установленные ЕС, в частности лицу, получившему международную защиту, сразу же выдавался постоянный вид на жительство. Более того, спектр оснований для получения убежища на территории Швеции был шире. Однако введение таких мер краткосрочно. Таким образом, Швеции после временного периода ограничений предстоит определиться с курсом миграционной политики, направленным либо на ее ужесточение, либо на либерализацию.

Список литературы и источников

1. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – Москва: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.
2. Asylum and First Time Asylum Applicants – Annual Aggregated Data (Rounded) // Eurostat [Electronic resource]. Access mode: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00191/default/table?lang=en>
3. Emilsson H. Continuity or Change? The Refugee Crisis and the End of Swedish exceptionalism // MIM Working Papers Series. – No. 18: 3. – 22 pp.
4. Freedom in the World 2019 // Freedom House [Electronic resource]. Access mode: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Feb2019_FH_FITW_2019_Report_ForWeb-compressed.pdf

5. Henrekson M., Öner Ö., Sanandaji T. The Refugee Crisis and the Reinvigoration of the Nation State: Does the EU Have a Common Asylum Policy? // IFN Working Paper. – 2019. – No. 1265. – 27 pp.
6. Human Development Index and its Components // United Nations Development Programme. 2018 [Electronic resource]. Access mode: <http://hdr.undp.org/en/composite/HDI>
7. Joyce P. Integration after 2015. What Can Sweden Learn from Germany? // Ratio Working Paper. – 2018. – No. 307. – 26 pp.
8. Rauhut D. Integration of Immigrants in Sweden 1945–1975 // Finnish Yearbook of Population Research. – 2010. – Vol. 45. – Pp. 103–122.
9. Sanandaji T. Swedes and Immigration: End of Homogeneity? // The Foundation pour l'innovation politique, 2018. – Part 1. – 60 pp.
10. Working Together: Skills and Labour Market Integration of Immigrants and Their Children in Sweden // OECD. 2016 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.oecd.org/publications/working-together-skills-and-labour-market-integration-of-immigrants-and-their-children-in-sweden-9789264257382-en.htm>
11. Darvishpour M., Westin C. Migration och etnicitet: perspektiv på ett mångkulturellt Sverige. – Budapest: Reálszisztéma Dabas Printing House, 2008.
12. Efterkrigstidens invandring och utvandring. Demografiska rapporter 2004:5 / Åke Nilsson. – Stockholm: Statistiska centralbyrån, 2004. – 139 s.
13. Hallberg L. Källor till invandringens historia i statliga myndigheters arkiv 1840–1990. – Stockholm: Riksarkivet, 2001. – 264 s.
14. Invandringspolitiken – förslag. Delbetänkande av invandrapolitiska kommittén (SOU 1983:29) / Lagen.nu [Electronic resource]. Access mode: <https://lagen.nu/sou/1983:29>
15. Insatser med anledning av flyktingkrisen // Regeringen. 2015 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.regeringen.se/contentassets/6519e46a9780457f8f90e64aefed1b04/overenskommelsen-insatser-med-anledning-av-flyktingkrisen.pdf>
16. SFS 2016:724 Lag om ändring i lagen (2015:1073) om särskilda åtgärder vid allvarlig fara för den allmänna ordningen eller den inre säkerheten i landet // Lagboken. 2016 [Electronic resource]. Access mode: https://www.lagboken.se/Lagboken/sfs/sfs/2016/700-799/d_2749393-sfs-2016_724-lag-om-andring-i-lagen-2015_1073-om-sarskilda-atgarder-vid-allvarlig-fara-for-den
17. Spång M. Svensk invandringspolitik i demokratiskt perspektiv // Svensk invandringspolitik i demokratiskt perspektiv. – 2008. – No. 8. – 186 pp.

УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Волох Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор Государственного университета управления, Москва (Россия). E-mail: v.volokh@yandex.ru

Суворова Вера Александровна, кандидат политических наук, доцент Государственного университета управления, Москва (Россия). E-mail: sailor_mun@mail.ru

Аннотация. В статье авторы анализируют ситуацию в сфере международной миграции в контексте выработки мер противодействия экстремистской и террористической деятельности, исследуют понятие и сущность международного терроризма, правовое и институциональное обеспечение в сфере международной миграции, факторы, влияющие на эскалацию терроризма. Особое внимание уделено адаптации и интеграции мигрантов как важнейшему инструменту в деле профилактики межнациональных конфликтов. Рассмотрены проблемы миграции и предложен ряд мер по равномерному расселению по стране граждан из трудоизбыточных регионов в трудонедостаточные, что позволит значительно стабилизировать ситуацию на рынке труда, и в сфере межнациональных отношений.

Ключевые слова: международная миграция, терроризм, законодательство, политика, общество, государство, концепция, стратегия

THREATS OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL MIGRATION

Vladimir A. Volokh, Doctor of Political Sciences, Professor, the State University of management, Moscow (Russia). E-mail: v.volokh@yandex.ru

Vera A. Suvorova, PhD in Politics, Associate Professor, the State University of management, Moscow (Russia). E-mail: sailor_mun@mail.ru

Abstract. In the article the authors analyze the situation in the sphere of international migration in the context of developing measures to counter extremist and terrorist activities, explore the concept and essence of international terrorism, legal and institutional support in the field of international migration, factors affecting the escalation of terrorism. Special attention is paid to the adaptation and integration of migrants as an important tool in the prevention of ethnic conflicts. The problems of migration are considered and a number of measures for the uniform resettlement of citizens from labor-surplus regions to labor-self-sufficient regions are proposed, which will significantly stabilize the situation on the labor market and in the sphere of inter-ethnic relations.

Keywords: international migration, terrorism, legislation, politics, society, state, concept, strategy.

В России вопросы международной миграции относятся к ключевым проблемам российского общества и государства, в том числе его национальной, демографической и экономической безопасности.

Одной из серьезных проблем являются угрозы экстремистской и террористической деятельности в сфере миграции. По мнению российского исследователя В.Е. Петрищева, неконтролируемая внешняя миграция угрожает некоторым сферам жиз-

ни общества и государства, например, экономике, системе правопорядка, демографической безопасности [7].

Исследователи также отмечают, что «в современном мире происходит криминализация тех сфер экономики, в которых присутствует определенный процент легальных и нелегальных мигрантов... Сращивание этнического бизнеса и криминалитета становится настоящей проблемой, которая детерминирована спецификой социального положения групп мигрантов в инокультурном и иноэтническом окружении...» [6].

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622 [2], основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Однако для повышения уровня естественного воспроизводства населения страны одной программы материнского капитала недостаточно. Для этого необходимо создать стабильную экономику и укрепить национальную валюту, способствовать становлению среднего класса, который является стержнем любого государства и основным источником роста населения. Не обойтись здесь и без оптимизации системы налогообложения, возрождения эффективной системы здравоохранения и доступного образования. Пришло время задуматься над тем, есть ли будущее у государства, в котором больше половины молодежи мечтает уехать за границу для постоянного проживания.

Важным фактором минимизации некоторых негативных последствий внешней миграции является культурная и правовая адаптация и интеграция мигрантов в принимающее общество, и именно эта задача оказалась самой трудно выполнимой.

Совершенно очевидно, культурная и правовая адаптация нескольких миллионов человек даже в такой огромной стране, как Россия, является очень сложной задачей, требующей много времени и средств. Значительным препятствием для этого является не только нежелание части принимающего общества интегрировать мигрантов, но и в ряде случаев сопротивление этому самих мигрантов, которые органично и комфортно чувствуют себя в своих закрытых моноэтнических анклавах. По нашему мнению эту задачу можно решить путем проведения значительной организационной работы органов государственного управления и институтов гражданского общества по адаптации и интеграции мигрантов в устоявшуюся этно-национальную структуру населения небольшими группами, успевая адаптировать их к новым для них условиям, с уважением относясь к существующим в стране пребывания действующим законам, порядкам и правилам проживания.

Исследователи выделяют четыре возможных модели адаптации мигрантов в общество принимающей страны: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация.

Ассимиляция предполагает полный отказ мигрантов от собственной культурной и национальной идентичности и переход в принимающее общество.

Интеграция заключается в стремлении к одновременному включению мигрантов в принимающее общество с сохранением отдельных компонентов национальной идентичности.

Сепарация или сегрегация заключается в полной изоляции мигрантов от общества принимающей страны и сохранении собственной идентичности.

В случае маргинализации мигранты теряют культурную связь с родиной, но и не приобретают ее с принимающим об-

ществом, что способствуют криминализации мигрантской среды, росту преступности и агрессии в мигрантской среде [7].

Необходимо признать, что основными тенденциями в адаптации внешних мигрантов в России являются сегрегация и маргинализация.

Одним из выходов из этого демографического тупика, по нашему мнению, является увеличение масштабов и темпов государственной программы возвращения соотечественников, проживающих за рубежом. Для этого необходимо значительное увеличение масштабов финансирования этой программы и ее эффективности. Кроме того, недостаточно используется и потенциал внутренней миграции.

Многие исследователи сводят большинство проблем в сфере миграции к так называемой незаконной миграции. На самом деле, вызывает сомнение корректность употребления в научном и административном обиходе такого понятия. Незаконной можно назвать внешнюю миграцию в Россию в обход пограничных постов, без регистрации въезда в страну. Этим преступным бизнесом занимаются и российские граждане, и граждане государств СНГ, используя самые различные способы перемещения через границу нелегальной рабочей силы. Но масштабы и способы подобного рода миграции в силу технических причин ограничены.

Большая часть мигрантов въезжает в страну на совершенно законных основаниях, пользуясь правом безвизового въезда, но некоторые из них не регистрируются в месте пребывания и переходят на нелегальное положение. Нелегальным мигрант становится также в случае, когда он не покидает территорию России после окончания срока его официального, разрешенного законом, пребывания в стране. Незаконная же миграция в виде тайного пересечения границы, в обход пограничных по-

стов, составляет незначительный процент по отношению к общим объемам внешней миграции.

Причины нелегальной миграции различны и в формировании их участвует несколько сторон:

- мигрант, который в силу каких-то обстоятельств не хочет регистрироваться по месту пребывания, оплачивать патент и услуги медицинского страхования или после окончания срока пребывания переходит на нелегальное положение;

- работодатель, который хочет получить дешевую, нетребовательную и бесправную рабочую силу, при экономии на технике безопасности, бытовых условиях и нередко невыплате части заработной платы;

- представители правоохранительных органов и миграционных учреждений за определенную мзду, закрывающие глаза на правонарушения, связанных с нелегальной миграцией;

- участники преступных группировок, занимающиеся перевозкой мигрантов в обход пограничных постов в случае незаконной миграции, в которой также присутствует коррупционный элемент.

Совершенно очевидна коррупционная составляющая нелегальной миграции, так как введение крупных штрафов делает для того же малого бизнеса разорительным использование нелегальной рабочей силы. Но для крупных строек, подпольных заводов и фабрик, где трудятся сотни и даже тысячи нелегальных мигрантов, использование дешевой рабочей силы выгодно, так как они платят определенную долю от прибыли представителям правоохранительных органов и миграционных учреждений. Поэтому борьба с коррупцией в этих структурах является основой успешного противодействия нелегальной миграции.

Однако было бы неверно все проблемы, связанные с внешней миграцией, сводить к последствиям нелегальной миграции [1].

Любая внешняя миграция, легальная, контролируемая, становится огромной проблемой для любого государства, когда ее масштабы приобретают такой массовый характер, что угрожают его суверенитету и целостности, а адаптация и интеграция регулярно прибывающих в страну мигрантов в силу разных причин становится невозможной. Возникает ситуация, когда уже принимающее общество вынуждено адаптироваться к вызывающему и агрессивному поведению внешних мигрантов, как это сегодня происходит в Западной Европе, и отчасти, в России.

Одной из угроз, связанной с внешней миграцией, является усиление террористической опасности по мере увеличения численности мигрантов в стране. Сама по себе внешняя миграция не может быть прямым источником терроризма, но ряд факторов, сопровождающих ее, усиливают террористическую опасность.

Один из главных факторов – это социальное неравенство (реальное или мнимое), которые ощущают мигранты в принимающем государстве. Наличие любой формы социального неравенства при существовании других причин и условий оказывает на граждан негативно мотивационное влияние.

Некоторые мигранты, особенно нелегальные, часто становятся легкой добычей идеологов международного терроризма, которые используют это чувство протеста, во многих случаях вполне справедливое, в своих деструктивных целях. При этом они почти всегда используют религиозный дискурс, делая акцент на мнимом противостоянии христианства и ислама.

Для лишения международных террористов этого инструмента воздействия, необходимо представителям конфессий объяснять истинные цели террористов, которые не имеют ничего общего с религией, а носят прагматический характер [6].

Общественные организации являются важной составной частью гражданского общества. Большинство из них – это патриоты, тратят свои силы и знания для решения государственных и общественно значимых проблем. Сотрудничество с ними и уважительное отношение к ним – один из факторов гармонизации межнациональных отношений, в то же время их необходимо поддерживать, в том числе и на грантовой основе [5].

К числу основных факторов успешного противодействия международному терроризму является совершенствование антитеррористической стратегии и законодательства.

Активизация международных террористических организаций и транснациональной организованной преступности поставили государства постсоветского пространства перед необходимостью координации антитеррористической деятельности. Тем более важно в условиях безвизового сообщения между большинством из этих стран. Прозрачность границ облегчала криминальным группировкам и террористическим организациям перемещение оружия, наркотиков, наличных денег (особенно в условиях массовых миграционных передвижений) и усложняла компетентным органам противодействие их преступной деятельности.

В связи с этими и другими обстоятельствами государства – участники СНГ предприняли определенные меры по борьбе с терроризмом на региональном уровне. Так, 4 июня 1999 г. был подписан Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом [3], согласно которому стороны договорились осуществлять сотрудничество в вопросах предупреждения, выявления, пре-

сечения и расследования актов терроризма в соответствии с принятым документом, национальным законодательством и международными обязательствами.

Договор определил ряд новых форм в противодействии террористической деятельности:

- обмен информацией;
- выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- разработка и принятие согласованных мер для предупреждения, выявления, пресечения или расследования актов терроризма и взаимоуведомления об этих мерах;
- принятие мер для предотвращения и пресечения на своей территории подготовки к совершению актов терроризма на территории другой Стороны;
- оказание содействия в оценке состояния системы физической защиты объектов повышенной технологической и экологической опасности, разработке и реализации мер для совершенствования этой системы;
- направление по согласованию между заинтересованными государствами специальных антитеррористических формирований для оказания практической помощи в пресечении актов терроризма и в борьбе с их последствиями;
- совместное по согласованию сторон финансирование и проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по разработке систем и средств физической защиты объектов повышенной технологической и экологической опасности;
- осуществление на договорной основе поставок специальных средств, техники и оборудования для обеспечения антитеррористической деятельности [4].

Стороны договорились, что компетентные органы государств информацией о вопросах, представляющих взаимный интерес, в том числе о:

а) распространяемых на территориях своих государств материалах, содержащих сведения о террористических угрозах, о готовящихся и совершенных террористических актах, выявленных намерениях отдельных лиц, групп лиц или организаций совершить акты терроризма;

б) готовящихся актах терроризма, направленных против руководителей государств, лиц, находящихся под международной защитой, сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений и международных организаций Сторон, участников государственных визитов, международных и национальных, политических, спортивных и других мероприятий;

в) фактах незаконного оборота ядерных материалов, химического, бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, высокотоксичных химических веществ, патогенных микроорганизмов;

г) террористических организациях, группах и отдельных лицах, представляющих угрозу безопасности их государств, установлении контактов между террористическими организациями, группами или отдельными лицами; д) незаконных вооруженных формированиях, использующих методы террористической деятельности, их структуре, членах, целях и задачах;

е) выявленных методах, приемах и средствах террористической деятельности;

ж) средствах обеспечения и оснащения, которые могут быть предоставлены Сторонами друг другу в рамках имеющихся у них возможностей;

з) практике законодательного и иного нормативного регулирования вопросов, связанных с предметом настоящего Договора;

и) выявленных и предполагаемых каналах финансирования и нелегальной доставки на территории их государств оружия и иных средств совершения террористических актов;

к) террористических посягательствах, направленных на нарушение суверенитета и территориальной целостности сторон, других вопросах, представляющих интерес для Сторон [4].

Совет глав государств – участников СНГ 21 июня 2000 г. принял Решение о создании Антитеррористического центра (АТЦ). Согласно Положению, АТЦ является постоянно действующим специализированным отраслевым органом, предназначенным для координации взаимодействия соответствующих институтов государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма [4].

Основными задачами и функциями Центра являются:

- выработка предложений Совету глав государств Содружества Независимых Государств и другим органам СНГ о направлениях развития сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

- обеспечение координации взаимодействия компетентных органов государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

- анализ поступающей информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлениях экстремизма в государствах – участниках СНГ и других государствах;

- формирование на базе объединенного банка данных органов безопасности, специальных служб и других компетент-

ных органов государств – участников СНГ специализированного банка данных: о международных террористических и иных экстремистских организациях, их лидерах, а также причастных к ним лицах; о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах – участниках СНГ и других государствах; о неправительственных структурах и лицах, оказывающих поддержку международным террористам; предоставление информации на регулярной основе и по запросам компетентным органам государств – участников СНГ, участвующим в формировании специализированного банка данных;

- участие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений, организуемых по решению Совета глав государств Содружества Независимых Государств, а при необходимости – по поручению глав заинтересованных государств – участников СНГ в соответствии с установленным порядком;

- содействие заинтересованным государствам – участникам СНГ в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий и комплексных операций по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

- содействие заинтересованным государствам – участникам СНГ в осуществлении межгосударственного розыска лиц, совершивших преступления террористического характера и скрывающихся от уголовного преследования или исполнения судебного приговора.

В Минске 17 января 2019 г. на заседании экспертной группы согласован проект Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020 – 2022 гг.

В обсуждении проекта Программы приняли участие эксперты Антитеррористического центра-государств-участников СНГ (АТЦ СНГ), представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана, Исполнительного комитета и рабочих структур органов отраслевого сотрудничества государств-участников СНГ.

Программа сотрудничества стран Содружества в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020 – 2022 гг. стала восьмым по счету аналогичным документом, принятым в рамках СНГ, начиная с 2000 г. Целью таких программ является совершенствование сотрудничества государств – участников СНГ, органов СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма [8].

Однако, по мнению многих ученых, борьба с терроризмом только силовыми методами неспособна решить проблему, в антитеррористическую деятельность нужно включать культурно-просветительские и образовательные учреждения, лидеров общественных движений, религиозных авторитетов всех конфессий, средства массовой информации. В первую очередь, нужно решить проблемы социально-экономического характера для того, чтобы устранить социальные причины возникновения терроризма: социальное неравенство, нищету, безработицу, отсутствие перспектив на образование, охрану здоровья, социальную несправедливость.

Государство и общество должны осознавать, что миграция сегодня является неизбежностью, с которой придется согласиться для того, чтобы избежать демографического и экономического коллапса. Главная задача и власти, и гражданских институтов минимизировать ее негативные последствия и оптимизировать позитивные.

Список литературы и источников

1. Волох В.А., Суворова В.А. Проблемы и угрозы нелегальной миграции для национальной безопасности страны / В сб.: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Миграция и межнациональные отношения в современной России» / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.экон.н., профессора А.Б. Паскачева, зам. директора Института миграции и межнациональных отношений, профессора ГУУ, д.полит.н. В.А. Волоха, зам. директора Института миграции и межнациональных отношений, доцента ГУУ, к.полит.н. В.А. Суворовой – М.: Литера, 2018. С. 50–64
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (Дата обращения 08.07.2019)
3. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. М., 2003. С.187 – 188.
4. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. М., 2003. С.189–190.
5. Паскачев А.Б. Выступление на семинаре-совещании с высшими должностными лицами ЮФО. Ростов-на-Дону, 6 июня 2014 г.
6. Петрищев В.Е. Что такое терроризм или Ведение в террорологию. Монография. М., URSS, 2013. 462 с.
7. Тарасов В.И., Трофимова В.В., Нехайчук Д.В. Россия в условиях глобальных вызовов третьего тысячелетия: основные тенденции, проблемы и перспективы развития. Симферополь, 2017.
8. Сайт Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cisatc.org/139/1281/8944>

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КНР В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Кочнев Денис Владимирович, магистрант второго года обучения, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: den27sw3@yandex.ru

Аннотация. Реализация пятым поколением руководства КНР во главе с Си Цзиньпином концепции «китайской мечты», являющейся, по сути, попыткой достижения глобального национального консенсуса на базе возрождения традиционных комплексов позиционирования Китая в мире ставит новые задачи перед мировым сообществом. Не случаен, в связи с этим, интерес как отечественной, так и зарубежной синологии к проблеме хуацяо (заморских этнических китайцев), ставших мощнейшим ресурсом модернизации Китая и усиления его внешнеполитического потенциала. В работе на базе жесткой историографической привязки выявлены основные компоненты складывания глобальной китайской диаспоры в их динамике и эволюции. Также затрагивается процесс формирования курса китайской элиты в отношении различных волн миграции и в сжатом виде обобщаются основные подходы китайского правительства к решению проблем миграции китайских граждан на современном этапе.

Ключевые слова: миграция, миграционные потоки, этапы миграции, Китай, хуацяо, исторические характеристики, ситуативная этничность.

MIGRATION POLICY OF PRC IN NEW CIRCUMSTANCE

Denis V. Kochnev, master's student of the School of International Relations, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: den27sw3@yandex.ru

Abstract. The PRC fifth generation leadership led by Xi Jinping implementing the “Chinese dream” concept, which is, in fact, an attempt to achieve global national consensus based on the revival of China’s traditional positioning systems in the world, poses new challenges to international community. In this regard, the problem of huaqiao (overseas ethnic Chinese), which have become a powerful resource for modernizing China and strengthening its foreign policy potential, is, obviously, a matter of concern to both domestic and foreign sinology. Based on a rigid historical reference this work reveals the main components of the global Chinese diaspora forging in their dynamics and evolution. It also touches upon the process of shaping Chinese elite’s attitude towards various waves of migration and summarizes the major approaches of the PRC government to resolving migration problems in the new circumstance.

Keywords: migration, migration flows, stages of migration, China, huaqiao, historical characteristics, situational ethnicity.

Определение важнейших понятий. Для правильного понимания процессов китайской миграции необходимо иметь чёткое представление о различиях между важнейшими понятиями, фигурирующими в китайской и российской литературе, а также в официальных китайских документах. Кратко охарактеризуем те понятия, речь о которых пойдет ниже:

华裔(кит.«хуай») – все проживающие за рубежом лица китайского происхождения;

华侨 (кит. «хуацяо») – китайский гражданин, постоянно проживающий за границей и имеющий законное право на проживание в той или иной стране;

海外华人 (кит. «хайвай хуажэнь») – зарубежные китайцы (английская калька данного термина – «overseas Chinese»);

外籍华人(кит. «вайцзы хуажэнь») – потомки хуацяо, получившие иностранное гражданство, утратив таким образом китайское гражданство;

归侨 (кит. «гуйцяо») – реэмигранты или хуацяо, вернувшиеся на родину;

同胞 (кит. «тунбао») – букв. «соотечественники» (жители САРС, САРА и Тайваня);

侨眷 (кит. «цяоцзюань») – родственники эмигрантов-хуацяо и реэмигрантов-гуйцяо, проживающие в КНР.

Для облегчения восприятия информации без перевода будет использоваться лишь термин «хуацяо» (т.е. китайский гражданин, эмигрировавший за рубеж), так как он довольно широко распространён в отечественных исследованиях. При этом следует отметить, что как в отечественной, так и в зарубежной литературе авторы часто допускают ошибки, используя неправильные термины для описания различных явлений, что часто бросается в глаза профессиональным синологам, знакомым с тонкостями китайского языка и влияет на качество проводимых исследований.

Основные этапы китайской эмиграции и их исторические характеристики. В российской и зарубежной китаеведческой литературе мало внимания уделяется процессам переселения китайского народа за границу в историческом контексте. Тем не менее, рассмотрение данных процессов позволит понять, каким образом китайская зарубежная диаспора функционирует на современном этапе и какова специфика её взаимоотношений с властями материкового Китая.

В истории внешней миграции населения Китая целесообразно выделить следующие этапы китайской эмиграции:

- I этап: с XIV века и до первой половины XIX века;
- II этап: с первой половины XIX века и до 90-х гг. XIX века (не включая);
- III этап: с 90-х годов XIX века по 1949 год;
- IV этап: с 1949 г. до конца 1970-х годов.

Рассмотрим основные исторические характеристики различным этапам эмиграции: причины эмиграции (или стимулы), территориальный охват (в какие регионы и страны происходит эмиграция), структура и численность мигрантов. Указанные компоненты рассматриваются известным исследователем миграции населения Анджеем Марианьским при характеристике миграционных процессов.

Особенности взаимоотношений хуацяо с местными властями также важны для понимания специфики их экономической деятельности, а также их психологии, которая характеризуется стремлением сохранить духовную связь со своей родиной вне зависимости от того, какую политику в отношении них проводит Пекин.

I этап: с XIV века и до первой половины XIX века. В рассматриваемый период можно выделить несколько причин для эмиграции: экономические (нехватка пахотных земель, перенаселенность) и политические (налаживание дипломатических и культурных связей с ЮВА в период правления династии Мин, дискриминация китайского населения, выражаемая стремлением цинской династии поставить маньчжуров над китайцами). Основным направлением эмиграции являлись страны Юго-Восточной Азии; эмигрирует – в основном – бедное мужское население (земледельцы, ремесленники) в поисках заработка; эмиграция еще не массовая; на территории Юго-Восточной Азии китайские эмигранты создают поселения, независимые от центральной власти в Китае и от местных властей, что необхо-

димо для защиты их интересов в чужой стране и сохранения этнической идентичности. Таким образом эмиграция в данный период: как экономическая, так и политическая, межгосударственная (еще пока не межконтинентальная), немассовая.

II этап: с первой половины XIX века и до 90-х гг. XIX века (не включая). На втором этапе китайской эмиграции обостряются экономические причины, характерные для первого этапа (нехватка земель, перенаселенность); появляются «временные» причины эмиграции («золотая лихорадка»; появляется такое явление как вывоз рабочей силы из Китая иностранцами ; эмигрирует – как и на первом этапе – бедное население, в основном крестьяне и ремесленники; появляется торговля китайским рабочими «кули», эмигрирует и торговая буржуазия, способствуя затем исходу бедного населения из своей страны. Основная масса эмигрантов направляется в страны Юго-Восточной Азии или США, где уже есть или создаются формы социальной организации (чайнатауны в США) для защиты своих интересов и этнической идентичности (к этому китайцев вынуждает дискриминация со стороны местного населения и отсутствия защиты со стороны правительства родного государства). Эмиграция на данном этапе: как экономическая, так и политическая, межконтинентальная, массовая.

III этап: с 90-х годов XIX века по 1949 год. Китайская эмиграция оставалась экономической, политической, межконтинентальной. На этом этапе активизировалась образовательная миграция; произошли значимые изменения в структуре эмигрантов: начали эмигрировать с семьями, исчезли кули; сформировалась китайская диаспора, изменившая отношение властей внутри Китая и властей стран проживания к китайским эмигрантам. Формирование диаспоры повлияло на ход эмиграционных процессов и на характер эмиграции.

IV этап: с 1949 г. до конца 1970-х годов. На данном этапе эмиграция была практически сведена к нулю. Тем не менее, велась работа по поддержанию отношений с зарубежной диаспорой, привлечению зарубежных китайцев к участию в управлении страной (до начала «культурной революции»).

Таким образом, процесс китайской эмиграции отнюдь не однороден. Каждому этапу эмиграции свойственны свои черты и особенности, хотя есть и такие характеристики, которые подходят для описания каждого из выделенных этапов, как, например, нехватка пахотных земель в качестве побуждающего фактора внешней миграции. Даже после 1949 года, когда Коммунистическая партия Китая (КПК) стремилась всеми средствами предотвратить массовую эмиграцию с использованием армии, такая проблема, как нехватка земель в связи с перенаселённостью (обострившаяся после длительного периода войн, который ввёл страну в глубокий экономический кризис) всё равно была настолько сильным мотивом эмиграции, что китайское население находило способы миновать «кордоны» китайской армии в прибрежных зонах.

Так или иначе, представленные выше исторические характеристики основных этапов внешней миграции китайского населения, чрезвычайно важны не только для понимания эмиграционных процессов, которые имели место на разных этапах существования китайского государства, но и специфики хозяйственной деятельности китайской диаспоры, позволившей китайскому правительству использовать её экономический потенциал для модернизации КНР после 1978 года, а затем – уже на современном этапе – как средство продвижения своих внешнеполитических интересов.

Эмиграционные процессы в политике КНР (современный этап). На сегодня КНР продолжает оставаться крупней-

шим в мире источником мигрантов в странах мира. Внушительный рост эмиграции из КНР стоит рассматривать как частный случай общего роста международной миграции, связанного с процессами глобализации мировой экономики. Побудительными факторами современной китайской миграции являются аграрное перенаселение (в результате которого образуется избыток рабочей силы в городах), а также высвобождение рабочей силы в самих городах, которое связано со структурными экономическими реформами, направленными на модернизацию, роботизацию, цифровизацию производства и т.д. Сравнительно невысокий уровень жизни вынуждает эмигрировать в благополучные страны людей с высоким уровнем образования.

Одновременно развитые страны испытывают недостаток рабочей силы как в сфере физического, так и в некоторых видах интеллектуального труда, принимая у себя определенное количество иммигрантов требуемых специальностей из развивающихся стран, в том числе из КНР.

Эти факторы определяют подход китайского правительства к процессам эмиграции: организация и финансирование выезда молодых людей на работу; согласие на выезд квалифицированных специалистов в сочетании с усилиями, направленными на их возвращение на родину в будущем; поэтапная либерализация правил, регламентирующих выезд китайских граждан за рубеж; организация экспорта рабочей силы по контрактам; борьба с нелегальной эмиграцией.

Некоторые выводы и результаты исследования. История развития китайской диаспоры, особенности её хозяйственной деятельности обуславливают формы воздействия на общественность и внутривнутриполитические процессы в государствах приема в контексте продвижения Китаем своих внешнеполи-

тических интересов: экономические рычаги давления, политический лоббизм, участие в культурной и публичной дипломатии КНР (диаспора как «мягкая сила»), спекуляции на теме притеснений хуацяо как в собственных интересах, так и в интересах Пекина. Воздействуя таким образом на общественность и политические процессы внутри государств проживания, хуацяо дают КНР возможность косвенно влиять на внутривнутриполитическую обстановку внутри иностранных государств, что особенно ярко выражено в странах Юго-Восточной Азии. Такой феномен, как «ситуативная этничность» – в то же время – сокращает возможности КНР по использованию диаспоры для продвижения внешнеполитических интересов. Таким образом, китайская зарубежная диаспора – явление неоднозначное. Она не является «полноценным» внешнеполитическим ресурсом Китая (давая возможность Пекину только опосредованно воздействовать на процессы внутри иностранных государств), но является его «мягкой силой» также, как массовая американская культура (со всеми её известными атрибутами) – для США.

Очевидно, Пекин всё больше и больше будет использовать диаспору для продвижения своих интересов на фоне выдвижения инициативы «Один пояс, один путь». Если ранее наиболее активными «лобби» интересов КНР были диаспоры в США и Юго-Восточной Азии (затем – Европа и Латинская Америка), то сегодня китайские диаспоры в Центральной Азии и Африке начинают всё активнее «включаться» во внешнюю политику КНР.

В России проживает относительно небольшое количество хуацяо. Тем не менее, прогнозируется увеличение численности китайской диаспоры. По мере того, как будет развиваться российско-китайское сотрудничество в экономической и военной

сферах, будет расти и численность китайского населения, будут создаваться новые организационные структуры хуацяо (на данный момент функционирует только две: ассоциации китайцев в Москве и Санкт-Петербурге), будет всё сильнее ощущаться воздействие диаспоры на политические круги и т.д. Китайское правительство всегда довольно умеренно и, в то же время, жёстко реагирует, если считает, что в России нарушаются права хуацяо. К примеру, после закрытия Черкизовского рынка (в 2009 году) китайские предприниматели организовали акции протеста практически сразу, но правительство КНР официально отреагировало на закрытие рынка только через месяц. Не имея никаких обвинений в адрес российского руководства, китайское правительство обратилось к нему с просьбой защитить права китайских коммерсантов, локализовав тем самым конфликт. Увеличение численности китайской диаспоры в России, скорее всего, неизбежно, ведь численность населения КНР продолжает расти, а территории, пригодной для жизни, в КНР становится все меньше вследствие влияния процессов глобального изменения климата. Увеличение численности хуацяо в России может привести к обострению религиозных, социальных противоречий, возникновению межрасовых и межнациональных конфликтов. По указанной проблеме можно сделать следующие предложения: усилить контроль над деятельностью китайской диаспоры в России (особенно – на Дальнем Востоке), в том числе контроль со стороны органов государственной безопасности Российской Федерации; разработать «прозрачное» законодательство, с помощью которого можно было бы регулировать взаимодействие китайской диаспоры с гражданами Российской Федерации и ее руководством; следить за защитой прав китайцев в России, не позволяя Пекину «спекулировать» на теме синофобии; установить более жесткий

контроль на российско-китайской границе с целью предотвращения нелегальной эмиграции и массового переселения китайцев в Россию; изучить историю эмиграции китайцев в Россию, структуру диаспоры и ее функционирование, чтобы иметь представление о том, какой может быть модель ее поведения; изучить и использовать китайский опыт взаимодействия с зарубежной диаспорой для выработки собственной стратегии построения взаимоотношений с российской диаспорой.

Некоторые из вышеизложенных предложений не стоит рассматривать как выводы о существовании «китайской угрозы» и опасности взаимодействия с российскими хуацяо. Наоборот, с ними нужно выстраивать стабильные взаимоотношения на долгосрочную перспективу, используя экономический потенциал, перенимая китайские технологии и опыт экономической модернизации для оживления и модернизации российской экономики, способствуя укреплению отношений «всеобъемлющего стратегического партнёрства и взаимодействия».

Список литературы и источников

1. Chang D.W. Current Status of Chinese Minorities in Southeast Asia // Asian Survey. Berkeley, 1973, №6.
2. Chen Ta. Chinese Migrations, with Special Reference to Labor Conditions. Washington, DC: Government Printing Office, 1923. – 237 p.
3. Kerry Brown. The rise of the dragon. Inward and outward investment in China in the reform period 1978–2007. Oxford, 2008.
4. MacNair, Harley. The Chinese abroad, Their Position, and Protection // Commercial Press, Shanghai, China, 1924. – 179 p.
5. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М.: Международные отношения, 1990, 352 с.
6. Баженова Е.С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. – М.: ИД «Форум», 2010. – 304 с.
7. Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М.: Наука, 1983, 142 с.
8. Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв., М.: Наука, 1968.

9. Большой словарь иностранных слов – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2011. – 992 с.
10. Вестад О.А. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года / Пер. с англ. С.А. Белоусова. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 637 с.
11. Законодательные акты КНР. /Пер. с кит. под ред. к.э.н. Е.Ф. Ковалева. / М.: Изд-во ин. лит-ры, 1952. 424 с.
12. Лайнгер С.Р. Из истории китайского эмиграционного движения: сер. 19–н.20вв. М.: Наука, 1992, 176 с.
13. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. М.: ИДВ РАН, 2008. – 78 с.
14. Марианьский А. Современные миграции населения. М.: Наука, 1969. – 256 с.
15. Си Цзиньпин. О государственном управлении. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 613 с.
16. Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ–УПИ. – 2008. – № 2.
17. Уиткомб, В. Современный Китай/ пер. с англ. И.В. Павловой. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – XVI, 318 с.
18. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гуйцяо цяо цзюань цюань баоху фа (Закон КНР об охране прав инвесторов, вернувшихся хуацяо и родственников-цяоцзюань). п.2
19. Чжунго цяоу чжэнцэ гайшу: [Обзор политики Канцелярии по делам эмигрантов в Китае]. Пекин, 1993.
20. Чэнь Юй. Хуэйго чуанье сяньци «дисаньци ланчао»: [Поднимается «третья волна» возвращений на родину с целью открытия бизнеса] // Цзинцзи жибао. 14.10.2003.
21. Шицзе хуацяо хуажэнь цыдянь: [Словарь по зарубежным китайцам в мире] / гл. ред. Чжоу Наньцзин. Пекин, 1993.

В ПОИСКАХ СОЛИДАРНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРИИ, ИТАЛИИ И СТРАН ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕС

Кузнецов Вадим Борисович, студент факультета Управления и Политики, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: kuznetz18@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности политического урегулирования миграционного кризиса 2015 г. и его последствий в ЕС на наднациональном уровне и на уровне отдельных стран-членов: Австрии, Италии и государств-участников Вышеградской группы. Анализируется влияние политических решений ЕС на взаимоотношения с указанными странами с учётом проводимой ими миграционной политики. Определяются ключевые противоречия по вопросу миграции и их роль в эрозии солидарности.

Ключевые слова: миграционный кризис, ЕС, миграционная политика Австрии, миграционная политика Италии, Вышеградская группа.

IN SEARCH OF SOLIDARITY: POLITICAL ASPECT OF MIGRATION POLICIES OF AUSTRIA, ITALY AND THE VISEGRAD GROUP STATES WITHIN THE CONTEXT OF THE EU MIGRATION CRISIS

Vadim B. Kuznetsov, School of Governance and Politics student,
MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: kuznetz18@mail.ru

Abstract. This article investigates specific characteristics of political resolution of the 2015 European migration crisis and its implications at both supranational and national levels including those of Austria, Italy and Visegrad group States. An analysis of EU political decisions' influence on relations with the above-mentioned member states is given in regard with their migration policies. Main political controversy and its role in vanishing solidarity between EU countries are defined.

Keywords: migration crisis, EU, Austrian migration policy, Italian migration policy, Visegrad group.

Миграционный кризис в странах Европейского Союза (ЕС), начавшийся в 2015 г., стал беспрецедентным вызовом для интеграционного объединения в силу своего масштаба. Лишь за первый год на территорию ЕС прибыло свыше 1,2 млн. беженцев [1]. Однако, достигнув пика в 2016 г., численность беженцев постепенно снизилась за период с 2017 по 2019 гг. Сокращение потока беженцев, прибывающих в государства Европейского Союза, к 2019 г. означает конец непосредственно гуманитарного кризиса и переход миграционной проблемы в разряд политически значимых, причём именно от качества об-

щего политического решения, которое европейцам предстоит найти, зависит дальнейшее развитие процесса интеграции ЕС.

В ходе политического урегулирования миграционного кризиса отдельными странами ЕС их действия всё же подлежали согласованию, хотя бы пост-фактум, на общеевропейском уровне. Необходимость оперативной выработки единой позиции по миграционной проблематике и методам её решения была очевидной для всех участников объединения [2, с. 16]. Единственным препятствием на пути к скорейшему нахождению точек соприкосновения являлся взаимоисключающий характер мер, предлагаемых либо либерально-ориентированными, либо реалистски-ориентированными правительствами государств ЕС. В данном случае вектор политической дискуссии зависел от того, какую сторону займёт официальное руководство Евросоюза.

В свете рассмотрения противоречий, возникших между национальными позициями стран-членов и позицией ЕС, представляется необходимым изначально определить последнюю. Подчёркивая тот факт, что право на убежище является неотъемлемым и одним из основных прав человека, Еврокомиссия приняла политику "открытых дверей" в качестве приоритетной и призвала все правительства государств-членов ЕС следовать единому подходу. Отсутствие солидарности предлагалось восполнить системой обязательных квот на распределение мигрантов среди всех участников интеграционного объединения.

На фоне трагической ситуации в Средиземном море летом 2015 г., Комиссия представила "Европейскую повестку дня по миграции" [3, с. 2–5], наметившую главные направления деятельности Евросоюза для постановки нелегальной иммиграции под контроль. Документ включал четыре пункта, подлежащих скорейшей реализации: противодействие незаконной миграции

и борьба с сетью контрабандистов и торговцев людьми, охрана границ и спасение терпящих бедствие в Средиземном море, обновление политики предоставления убежища, включая основания для его получения, совершенствование системы европейской интеграции легальных мигрантов. Данные меры, по сути, не являлись выражением новой политики институтов ЕС, а представляли собой обобщение задач, стоящих перед Европой в кризисный период. Тем не менее, "Повестка" стала базовым документом, задающим вектор всем последующим политическим шагам ЕС.

Амбициозные инициативы, тем не менее, не привели к достижению общеевропейского консенсуса по вопросу урегулирования миграционного кризиса. В результате несогласия с проектом единой иммиграционной политики в ЕС сформировались две группы государств, чьи позиции по миграционному вопросу вступили в конфликт с официальной линией Брюсселя. Первая группа государств довольно условная, так как усилия стран, входящих в неё, не скоординированы, а их действия не закрепляются на общих встречах и саммитах: к данной группе стоит отнести Италию и Австрию. Что касается второй группы, то она представлена странами Вышеградской "четвёрки" – Венгрией, Польшей, Словакией и Чешской Республикой, хотя и не институционализирована. Правительства государств, входящих в Вышеградскую группу, поддерживают тесные четырёхсторонние связи и координируют позиции своих стран по вопросу иммиграции на европейской политической арене, выступая активными противниками ряда предложений, исходящих от европейских институтов.

Представляется необходимым начать анализ национальных позиций данных стран в отношении миграционного урегулирования с Австрии, так как на сегодняшний день риторику

австрийского правительства невозможно однозначно классифицировать как противоречащую официальному Брюсселю. Кабинет канцлера С.Курца последовательно настаивает лишь на трёх ключевых аспектах: создании центров спасения за пределами Европейского союза; развитии обновлённой системы предоставления убежища, согласно которой запросы на предоставление убежища подаются до въезда беженца на территорию ЕС; отмена обязательных квот. В период председательства в Совете ЕС с 1 июля по 31 декабря 2018 г. Австрия в рамках программы "Европа, которая защищает" [4] выдвинула инициативу заключить двусторонние договоры между ЕС и определёнными странами Африки и Ближнего Востока с целью локализовать в них поток беженцев. Данное предложение нашло отклик среди лидеров государств ЕС, так как ещё партнёрство с Турцией, регламентированное соглашением от 18 марта 2016 г. [5], продемонстрировало положительные перемены в миграционной проблеме ЕС. Несмотря на выражаемые сомнения в перспективе соблюдения прав человека в лагерях размещения в-третьих странах, Европейскому Союзу не остаётся альтернатив, кроме как наращивать двустороннее сотрудничество со странами-транзитёрами [6, с. 31–32]. В отношении системы обязательного квотирования числа мигрантов федеральный канцлер С.Курц выразил уверенность в том, что обязательных квот больше не будет, если ЕС пойдёт по пути развития "обязательной солидарности": кооперация стран-членов будет заключаться в том, что каждый будет вносить посильный вклад в разрешение миграционной проблемы.

Таким образом, Австрия проявила готовность стать связующим звеном в процессе политической конфронтации официального Брюсселя и стран Вышеградской группы и Италии. Выражая приверженность концепции европейской солидарно-

сти, Австрия, воспользовавшись председательством в Совете ЕС, предприняла попытку вывести сотрудничество стран на качественно новый уровень. Не вызывает сомнений, что прагматичная австрийская политика не приведёт к ослаблению доверия между Брюсселем и Веной и не будет способствовать снижению интенсивности участия Австрии в европейском интеграционном проекте.

Италия при действующем правительстве Дж.Конте настроена в отношении европейских институтов значительно скептичнее своих австрийских коллег. В силу большого числа вызванных миграционным кризисом внутривнутриполитических проблем, с которыми Италии приходилось долгое время справляться в одиночку, позиция данной страны сформировалась более жёсткой и принципиальной. Несмотря на множество противоречий, возникших в отношениях ЕС и Италии по поводу методов разрешения миграционного кризиса, некоторые из них утратили актуальность в процессе совместной работы на наднациональном уровне. Так, осенью 2015 г. Еврокомиссия направила Италии специальный финансовый транш с целью предотвратить нехватку средств оказания медицинской помощи беженцам и расширить сеть центров по их размещению. Также Италия приветствовала расширение полномочий европейского агентства по безопасности внешних границ (FRONTEX), что было закреплено актом Европейского парламента [7, с. 2] от 14 сентября 2016 г. Италия остро нуждалась в укреплении коллективной обороноспособности ЕС, что безусловно требовало структурных реформ со стороны Еврокомиссии и Европарламента. Однако на сегодняшний день ключевые требования итальянской стороны остаются не удовлетворены. Итальянский премьер-министр Дж.Конте на саммите глав стран ЕС в июне 2018 г. отказался подписывать итоговое со-

вместное заявление стран Евросоюза, так как решение саммита ущемляло национальные интересы Италии. Позиция Италии заключается в том, что все члены ЕС должны разделять ответственность за приём беженцев, а не только страны, которые их принимают первыми [8, с. 32]. Более того, Рим защищает идею распределения мигрантов среди всех государств-членов без исключения. Добиться реализации данного требования на современном этапе представляется невозможным, так как как минимум четыре восточноевропейские страны ЕС (страны Вышеградской группы) отвергают любые попытки ввести принудительный механизм иммиграционного расселения. В качестве одного из требований, касающихся внешней политики ЕС, Италия выдвигает сотрудничество со странами-транзитёрами, а именно – учреждение центров приёма всех категорий мигрантов на территории вне ЕС с последующим временным содержанием мигрантов только в данных центрах без автоматически предоставляемого права въезда в Европейский Союз [9].

Тем не менее, Италия так же, как и Австрия, видит разрешение разногласий вокруг миграционной проблемы в возвращении стран-участниц объединения к концепции политической солидарности. Её отсутствие нанесло значительный урон итальянской экономике, а также вынудило итальянский политический истеблишмент пожертвовать своей репутацией в контексте противостояния не только с институтами ЕС, но и с таким крупным актором европейской политики, как Франция. Анализ практики борьбы с последствиями миграционного кризиса выявляет неспособность Италии в одиночку с ними справиться, а потому республика прибегает к усилению двустороннего партнёрства с внешними акторами вне ЕС, например, странами транзита.

Диаметрально противоположная антимиграционная позиция наблюдается у стран Вышеградской группы – Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Стоит отметить, что данные государства хоть и выступают единым блоком против введения системы обязательного распределения прибывших мигрантов среди стран-членов ЕС, степень резкости риторики их национальных правительств существенно различаются.

Так, Чешская Республика почти не выдвигает требований, которые бы вступили в противоречие с позицией ЕС. Отказываясь принимать принудительно новых беженцев, Чехия следует практике Австрии и ФРГ и регулирует трансграничное передвижение мигрантов посредством заключения двусторонних пограничных соглашений со странами-соседями. Подобный подход лоббируется правительством А.Меркель и поддерживается на общеевропейском уровне как наименее затратный, но при этом наиболее эффективный, поскольку учитывает требования каждого заинтересованного государства, местную специфику (в т.ч. особенности работы служб пограничного контроля, расположения пунктов пропуска, т.д.) и подлежит тщательной разработке с обеих сторон, но при этом не требует долгосрочных согласований. Польша и Словакия также выступают против принудительных квот, последняя в 2017 г. совместно с Венгрией подавала иск в Суд ЕС об отмене системы квотирования [10, с. 43], однако получила отказ. В целом все три страны отмечают угрозу утраты национальной идентичности и подмены христианских ценностей вслед за потенциальным этнокультурным и демографическим сдвигом, а также неготовность национальных экономик трудоустроить большое количество неквалифицированных рабочих, не владеющих местными языками.

Более резкой националистической позиции придерживается Венгрия. Страна непреклонно выступает против обязательных квот приёма беженцев, отрицает необходимость одинаковой ответственности стран-членов за миграционный кризис и ратует за воплощение принципа "гибкой солидарности", позволившего бы разграничить разные виды участия членов ЕС в разрешении иммиграционной проблемы. Правительство В.Орбана критикуют за принятие ряда жёстких мер, включая ужесточение миграционного законодательства – закон предусматривает наказание в виде штрафов или тюремного заключения за оказание помощи нелегальным иммигрантам со стороны НПО [11, с. 1–3]. В результате Еврокомиссия сначала приняла решение начать штрафную процедуру против Венгрии из-за отказа принимать беженцев по предписанным квотам. В июле 2018 г. венгерским властям было направлено официальное уведомление о претензиях Еврокомиссии к закону о запрете помощи мигрантам со стороны НПО. Согласно ультиматуму, Будапешт получал два месяца на устранение нарушения. В документе отмечалось, что в противном случае страна может подпасть под внутренние санкции Евросоюза. Правительство Венгрии исполнять условия уведомления отказалось. В итоге на сентябрьской сессии 2018 г. Европарламент признал, что действия правительства Венгрии подвергли угрозе основополагающие принципы ЕС, и активировал на предварительном этапе применение пакета ограничительных мер. Решение имело под собой легальное основание: положения Статьи 7 Договора о Европейском союзе предусматривают возможность приостанавливать право голоса государства-члена ЕС в Совете ЕС [12, с. 19]. Таким образом, подтвердив неразрешимый характер противоречий с Венгрией, ЕС обострил и до того непростые отношения с одним из своих членов.

Подводя итог, необходимо отметить выявленный в ходе исследования парадокс: отсутствие солидарности по вопросу разрешения миграционного кризиса не только на наднациональном уровне Европейского Союза в целом, но даже среди государств-членов, чьи позиции противоречат текущей политике официального Брюсселя. Невозможность объединить усилия в борьбе за изменение господствующего общеевропейского подхода к иммиграции – отличительная черта сложившейся ситуации на политической карте Европы, где несогласные страны вступают в противоречия не только с ЕС, но и друг с другом. На фоне призывов Италии объединиться перед лицом миграционной проблемы и способствовать перераспределению временно находящихся на Апеннинском полуострове беженцев, заключить долгосрочные соглашения не только с Турцией, но и с третьими странами в Северной Африке и на Ближнем Востоке и таким образом локализовать миграционный поток за пределами ЕС, причём в тех регионах, где различия этнокультурного, религиозного и языкового характера чрезвычайно минимальны, страны Вышеградской "четвёрки" провозглашают категоричный отказ от принудительного приёма мигрантов из других стран ЕС и продвигают идею национально-ориентированной солидарности, способствующей укреплению суверенитета государств-членов и полной "национализации" миграционной политики. Вследствие этого Европейский Союз становится всё более фрагментированным, обострение противоречий в сфере миграции по принципу домино влечёт рост недоверия и замедление принятия положительных решений в иных сферах сотрудничества. Под угрозой находятся и вековые дипломатические отношения между членами Союза, как иллюстрирует пример политической баталии Италии и Франции по поводу порта прибытия судна "Aquarius" с мигрантами на бор-

ту, или полноправное членство в ЕС одной из его стран, как демонстрирует кейс запуска процедуры введения ограничительных мер против Венгрии. В целом можно наблюдать многочисленные проявления эрозии солидарности на пространстве ЕС, и именно новому составу Европейской Комиссии, возглавляемой У. фон дер Ляйен, предстоит разрешить накопившиеся противоречия, завоевать доверие правительств Италии и стран Вышеградской группы и нивелировать расхождение позиций с канцлером Австрии С.Курцем.

Список литературы и источников

1. IOM Global Migration Trends 2015 Factsheet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iom.int/news/iom-releases-global-migration-trends-2015-factsheet> (08.10.2019)
2. Апанович М.Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе: Научное изд / М. Ю. Апанович. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 176 с.
3. European Agenda on Migration [Текст] // European Commission. – Brussels, 2015. – pp. 2–5.
4. ‘A Europe that protects’ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eu2018.at/agenda-priorities/priorities.html> (15.10.19)
5. EU-Turkey statement [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/pdf> (16.10.19)
6. Большова Н. Н. Ответ ЕС на «кризис с беженцами» 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС / Н. Н. Большова // Ежегодник Института международных исследований МГИМО МИД России. – 2016. – №1 (15). С. 19–34.
7. Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council [Текст] // Official Journal of the European Union. – Brussels, 2016. – p. 2.
8. ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран [Текст] / под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева. – М.: ИМЭМО РАН. – 2016. – 52 с.
9. Fine S. All at Sea: Europe’s Crisis of Solidarity on Migration / Shoshana Fine // European Council on Foreign Relations. – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.ecfr.eu/publications/summary/all_at_sea_europes_crisis_of_solidarity_on_migration (28.10.19)

10. Потемкина О. Ю. Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. – 2015. – № 6. С. 36–46.

11. Act LXXVI of 2017 on the Transparency of Organisations Receiving Foreign Funds [Текст] // Ministry of Justice of Hungary. – Budapest, 2017. – p. 1–3.

12. Consolidated version of the Treaty on European Union [Текст] // Official Journal of the European Union. – Brussels, 2012. – p. 19.

CRIMINALIZATION OF SOLIDARITY IN EUROPE: A DICHOTOMY BETWEEN LEGALITY AND MORALITY

Silvia Lucibello, Master's program student (Governance and Global Affairs), MGIMO University, Moscow (Russia). Email: silvialucibello96@gmail.com

Abstract. Over the last decades, Europe went through an increasing process of criminalization of solidarity to migrants, which, since 2015, acquired a new extreme nature with a rising number of people placed under investigation and the emergence of new offences on the charge sheet. Notwithstanding, many people continue to challenge national and European legislation and risk serious punitive measures to save other human lives. Two questions naturally arise: why would they do that? And is disobedience to law in this case legitimate?

Keywords: migration, criminalization, solidarity, NGOs, civil society.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ В ЕВРОПЕ: ДИХОТОМИЯ МЕЖДУ ПРАВОВЫМ И НРАВСТВЕННЫМ

Лючибелло Сильвия, магистрант МГИМО МИД России, Москва (Россия). Email: silvialucibello96@gmail.com

Аннотация. За последние десятилетия в Европе усилился процесс криминализации солидарности с мигрантами, который с 2015 года приобрел новый экстремальный характер: все больше людей попадают под следствие и появляются новые преступления в обвинительном заключении. Несмотря на это, многие люди продолжают оспаривать национальное и европейское зако-

нодательство и рискуют попасть под серьезные карательные меры, чтобы спасти жизни других людей. Естественно, возникают два вопроса: зачем они это делают? И является ли в этом случае неповиновение закону законным?

Ключевые слова: миграция, криминализация, солидарность, НПО, гражданское общество.

Introduction

Over the last decades, Europe went through an increasing process of criminalization of solidarity to migrants, a multi-faceted phenomenon characterized by the policing of civil society actors assisting refugees and other migrants. Despite not being a new phenomenon, since 2015 it was dramatized and acquired a new extreme nature with an increasing number of people placed under investigation and the emergence of new offences on the charge sheet. In order to respond to the 2015 unprecedented migrant crisis with a huge flux of people seeking international protection in Europe, indeed, the European Union and national governments tried to restrict the migration flows toward the continent through several multilateral treaties. In a general atmosphere of rising support to far-right governments, nationalism and xenophobia and on the basis of securitization principles, non-governmental organizations (even long-established ones) and simple citizens have been turned into object of open political attack in political and media discourses. Moreover, during the last four years offences extended well beyond the traditional criminalization of migrants logics, criminally persecuting and penalizing civil citizens with fines and administrative penalties. Notwithstanding, on the sole ground of humanitarian aid, driven by a sense of solidarity, many people continue to challenge national and European legislation and risk serious punitive measures to save

other human lives. Two questions naturally arise: why would they do that? And is disobedience to law in this case legitimate?

The following essay aims at investigating the general features of criminalization of solidarity in Europe, focusing on its main stages, causes and consequences. A recent example of such process from the Italian press will be presented, involving an NGO's mission chief and a ship captain who were tried for the facilitation of entry of undocumented migrants on the territory of Italy. Finally, I will provide an analysis of the possible causes driving the resistance opposed to this phenomenon by the civil society and their justification of it based on the universal solidarity principle.

Criminalization process: three main modalities. In their research on criminalization of solidarity in Italy and Greece, S. Carrera and colleagues [1] mention three main practices used to police the civil society's solidarity to undocumented migrants, which eventually lead to its delegitimation and criminalization.

First of all, rescuers have been increasingly becoming object of intimidation through open verbal and physical attacks and harassment, and of suspicion in political and media discourses. As underlined by L. Pezzanti and C. Heller in a report documenting Mare Nostrum case in the Central Mediterranean [2], the de-legitimation and criminalization campaign against Search and Rescue (SAR) NGOs is primarily based on three underlying claims – which in their report they demonstrate to be based on biased analysis and spurious causality links. According to their objectors, SAR NGOs constitute a pull-factor leading to more migrants attempting the dangerous crossing; are ‘unintentionally helping criminals’ by encouraging smugglers to use even poorer quality boats and more dangerous tactics; and in turn making the crossing more dangerous for migrants.

The second modality of policing the civil society, says Carrera, consists in disciplining them. The EU Home Affairs agencies have been given particular salience in the process of implementation of anti-migrant smuggling policies (especially in border control and surveillance), indirectly reducing the role of NGOs in that field. Recent reforms of the anti-smuggling policy also involved increased levels of financial accountability and transparency regarding funding sources, or cutting or limiting funding. Therefore, the emergence of indirect (yet still profound) ways of policing often deterred or prevented civil society from having access to the scene where the law enforcement and humanitarian actors meet.

Finally, over the last years citizens and NGOs providing humanitarian aid to migrants have increasingly been involved in criminal prosecutions based on grounds of facilitating the entry, transit and residence of migrants in the Member States. Some of those cases ended by imposing punitive sanctions (fines or administrative penalties) upon them. This represents a formal criminalization, which gave birth to the so-called ‘crime of solidarity’.

According to the data of the Research Social Platform on Migration and Asylum (ReSOMA) 2019 Synthetic Report [3], between 2015 and the first quarter of 2019 there were at least 49 cases of investigation and criminal prosecution in 11 Member States. The number of cases exponentially increased after 2015 when only 8 cases were taking place and the peak of cases was recorded in 2018, despite a 90% decrease of irregular arrivals in Europe that year [4]. The targets of such cases were mainly volunteers, human rights defenders, crew members of boats involved in SAR missions, but also ordinary citizens, family members, mayors and religious leaders. They were mainly acting on humanitarian grounds or without the intent to gain financial or material benefits.

Main causes of criminalization of solidarity. Academia studies explained the emergence and rise of this phenomenon by pointing at several triggering factors. First of all, as the authors of Criminalization of solidarity [5] underline, looking at the full picture is of crucial importance in order to understand the roots of criminalization of solidarity. We cannot belittle the broader phenomenon of ‘criminalization of migration’ and the structural racism against migrants which is spreading through Europe. High level politicians and state agencies are increasingly adopting xenophobic and racist rhetoric and attitudes; by so doing, they are creating a hostile environment for both migrants and anyone who attempt to act ‘in solidarity’.

In addition, misguided persecutions of the civil society was also enabled by the vagueness and legal uncertainty stemming from the EU Facilitators Package. Published in 2002, it constitutes the cornerstone of European policies tackling migrant smuggling and criminalizing the facilitation of unauthorized entry, transit and residence. Although it establishes that the facilitation of entry is criminal in 24 out of 28 EU Member States, there is no clear classification of ‘migrant smuggling’. Financial gain or material benefit are only classified as an aggravating circumstance and not as a requirement for defining migrant smuggling as a crime; thus, the Facilitator’s Package is not in line with the U.N. Protocol against smuggling and its definition of the crime of facilitating the entry and transit of irregular migrants [6]. EU law, therefore, gives member states a wide margin of discretion to decide what is the base crime of migrant smuggling and whether civil society actors and family members will be exempted from criminalization.

This vagueness may originate a debate over the nature of pure humanitarian assistance and the cases in which it is legitimate. The blurred line between what is ‘legal’ or ‘illegal’ when working with

undocumented migrants often leads to misinformation and subsequent self-disciplining by the CSAs involved.

A study case: criminalization of solidarity in Italy Historical overview. Being one of the European front-line states which have been facing the widest majority of migrant flows over the last decade, Italy represents an interesting study case for the process of criminalization of solidarity.

In 2013, Italy launched a unilateral and ad hoc operation in the Central Mediterranean called Operation Mare Nostrum (OMN), focused primarily on SAR and disembarkation of people rescued in Italian territory with a predominantly humanitarian approach. After its closing in 2014, the authorities launched the joint operation Triton of Frontex, the European Border and Coast Guard Agency. However, the end of OMN left a protection gap, since Triton covered a different geographical area and had different purposes and practical aims. Triton, indeed, did formally engage in SAR as a general obligation under international law, but only in the context of border controls and surveillance activities and not as part of its official mandate. The launch of the EUNAVFOR-MED operation (‘Operation Sophia’) in May 2015 did not address the SAR gap either. Operation Sophia is of military nature with a main official goal of dismantling the criminal smuggling networks’ business model. Its mandate has been extended for four years in a row, including in 2019 until 2020. Thus, as the operational area of OMN extended 400 nautical miles south of Lampedusa, whereas Triton's extended 138 and Operation Sophia 200 nautical miles from Sicily, SAR NGOs entered the High Seas closer to Libyan territorial waters to close the gap.

Although a general atmosphere of suspension started spreading in the previous years, the controversy surrounding SAR NGOs in the Mediterranean reached its peak with the publication of an ar-

ticle in the UK's Financial Times in December 2016 [7] which brought to light a leaked confidential report by Frontex. It referenced accusations of 'collusion' between NGOs and Libyan smugglers. In February 2017, Frontex made its previous concerns public in its Annual Risk Analysis, justifying them with reference to the NGOs proximity to Libyan waters and the increasing numbers of people rescued by NGOs monthly.

The official SAR statistics of 2016 illustrate, however, that the Italian authorities rescued the greatest number of third country nationals at sea – 41% of total rescues against the 26% of total rescues rescued by NGO vessels alone.

Nevertheless, as the priority on 'saving lives at sea' shifted to 'fighting smuggling' among EU actors, the focus was shifted from State and EU operations to SAR NGOs, placed under the magnifying glass.

Three stages of civil society policing in Italy. 1. Intimidation and suspicion. As mentioned before, 2016 represented a turning point for the process of criminalization of solidarity (also called 'blaming the rescuers') in the Italian political and media discourse.

After the publication of 2016 Frontex report, in March 2017, Italian prosecutor Carmelo Zuccaro claimed in the media to possess evidence that NGOs conducting SAR are 'colluding with smugglers' and raised widespread suspicion about the activities of civil society at sea. A parliamentary committee was convened to investigate his claims and concluded that the prosecutor did not have sufficient evidence to make them. Nonetheless, the accusations have affected the general climate of mistrust in Italian society towards civil society NGOs. The open political attack to rescuers reached its peak in 2018, after the election of a new far-right coalition government and the new interior minister and deputy prime minister, the League's Matteo Salvini. He described NGO SAR missions as 'wil-

ful *modus operandi* that – in concrete terms – facilitates the illegal entry of rescued migrants into European territory’. His constant attempts to legalize the harassment of crews of rescue ships in the central Mediterranean dramatized this general atmosphere of mistrust.

2. **Disciplining.** Whereas in 2015 and 2016 a certain space was still available to SAR NGOs to fill the protection gaps created by the absence of state authorities in the Central Mediterranean, such space was considerably reduced by the introduction of the Italian government’s Code of Conduct. It was aimed at regulating the activity of NGOs in the Mediterranean. Under that code, NGOs are banned from entering Libyan waters to rescue migrants and obliged to accept the deployment of Italian vessels with armed police on board to investigate people trafficking in Libyan waters in cooperation with the Libyan authorities. Moreover, they are not permitted to transfer people who have been rescued to other vessels at sea, with rescue crews being required to return to port for disembarkation. Five NGOs refused to sign that document, that, as stated by Konstantinos Antonopoulos [8], Policy and Advocacy Adviser for *Mèdecines sans Frontières* (MSF), undermined their independence and neutrality, main principles of NGOs, and decreased consistently the effectiveness of SAR missions. As suggested by L. Pezzanti [9], the Code of Conduct, therefore, may be seen simply as one instrument within a larger campaign aimed at reducing the presence of NGOs in the Central Mediterranean and strengthen the Libyan coastguard so as to stop the arrival of migrants.

Thus, the externalization of migration control from Europe to Libya, in which Italy plays a central role, started in 2011 before Gaddafi's toppling and intensified in 2018 when Libya became the first non-EU country to be integrated into the EU’s satellite-supported ‘Seahorse Mediterranean’ network.

The agreement was followed by Italy's withdrawal from its leading role in coordinating rescues at sea and the creation of an expanded Libyan SAR zone in the central Mediterranean which increased the area of its coastguard's authority, giving its officials the right to intercept boats in international waters and take them back to Libya. In an attempt of disciplining NGOs and reducing their presence and operation in the Central Mediterranean, the Italian government adopted a new policy of refusing to allow ships to dock and those on board disembark. This led to a huge decrease in the number of both NGOs SAR activities (with 90% of the people rescued by Italian authorities¹¹) and of the migrants disembarked to Italy in 2018. Unfortunately, the number of deaths increased with almost one in five people who embarked from a Libyan port and attempted to reach Italy through the central Mediterranean route either drowning or going missing in September 2018, according to MSF [10].

3. Formal criminalization. In this general campaign of criminalization of migration, it is not surprising that in the last year the number of people put under investigation on grounds of abetting illegal migration or colluding with smugglers increased.

The hostile environment built around life-saving rescue missions was worsened by the adoption in 2019 of the Decree on Security B, a revision of the previous one adopted in 2018. It poses maximum fines for ships that enter Italian waters without authorization to 1 million euros (from a previous 50,000). It also provides with the arrest of captains who ignore orders to stay away and calls on naval authorities to seize their boats automatically.

In March 2019 for the first time an Italian-flagged rescue ship (Mare Jonio) was denied landing in Italy and its captain and the NGO's mission chief placed under investigation. Mediterranea – Saving Humans, a collective of aid groups, launched the ship Mare

Jonio in October 2018, not just to provide humanitarian aid but also to protest the ‘toxic politics of Italy,

Europe and the US’. Its crew believed it could not legally be refused landing in Italy, as an Italian-flagged ship. After rescuing 49 people in international waters, it was initially denied landing in Italian ports in a stand-off lasting several hours, before being escorted to Lampedusa, where its passengers were disembarked. The ship was seized and the captain, Pietro Marrone, with the

NGO’s head of mission Luca Casarini were placed under investigation for assisting illegal entry. The captain was also charged with disobeying the orders of a warship which ordered him to turn off the ship’s engines off the coast, which he refused to do by stating that it would have put lives at risk. After having had its vessel released, Mediterranea has organized another SAR mission in August 2019; however, the Mare Jonio rescue vessel has been seized and fined 300,000 euros for entering Italian territorial waters, although the authorities of the country authorized its entry into the Lampedusa port so that it could disembark the 31 migrants on board. Luca Casarini considered it ‘a small and miserable revenge’ by minister Salvini ‘in his last five minutes of office’ [11]. In fact, in early September 2019 a new government was formed without his participation. The new government also opened to the possibility of reviewing the security decrees approved by the previous one.

Consequences of criminalization process. Increasing campaigns aiming at de-legitimizing and criminalizing solidarity towards undocumented migrants are leading to important changes within the civil society.

First of all, there is an increasing lack of trust in NGOs and the sole humanitarian purpose driving their operations. Even if the majority of trials to individuals or NGOs for facilitating illegal entry and/or residence of migrants proved their innocence, their public

image has been inevitably damaged by the suspicion. As shown by Carrera and colleagues, once civil society is criminalized, it is too late to reverse a process that leads to widespread mistrust. In their research, they provide the example of prosecutor Zuccaro's accusations of collusion of SAR CSAs with smugglers, after which the overall trust in 'NGOs' was reported to have dropped quite significantly in Italy with some organizations reporting a decrease in national fundraising. In January 2017, the Edelman Trust Barometer indicated that 59% of Italians trusted CSOs, while in 2018 the percentage has dropped significantly to 36% [12].

Moreover, another consequence of the above-mentioned might be a broader polarization of civil society, split into the 'insiders' and the 'outsiders', loyal and disloyal citizens. Rescuers, in fact, may feel forced to choose between supporting EU and national policies and defending migrants' rights. On one hand, migration policies, often based on securitization principles, are ineffective in achieving their goals in full compliance with fundamental rights and humanitarianism and shrink the space for the activities of rescuers. On the other hand, by aligning with undocumented migrants, rescuers might face intimidation, the fear of punitive sanctions and a general hostile environment surrounding them both on higher and on lower level.

Disobedience to EU and national legislation: causes and possible legitimation. It is hard to understand the driving forces that lead citizens and NGOs to disobey the law and risk serious punitive measures in order to continue their activities. Based on the assumption that there is no intent of financial gain and material benefits moving their missions, they act only on humanitarian grounds in the attempt to save human lives. Therefore, firstly theirs represent a human response to the huge number of deaths and dangers in the Central Mediterranean that EU policies is often not able

to prevent. By so doing, they oppose resistance to a process of criminalization of both migration and solidarity to them.

This movement of solidarity may also be seen as a response to a general crisis of values that the EU is going through. Due to the lack in the Package of the mandatory exemption of humanitarian actors from prosecution, indeed, by leaving the right to decide to member states, the EU policy is often contributing to the criminalization of solidarity, although solidarity is one of the invisible and universal values on which the EU itself is based (EU Charter of Human Rights). Therefore, they believe that their resistance is legitimate by the universal principle of solidarity. As an example, in 2002 Platform for International Cooperation for Undocumented Migrants (PICUM) developed non-binding ethical guidelines [13] aimed for social workers, advisors, and supporters when assisting undocumented migrants. The guidelines were based on the general principle of protecting ‘the human dignity of all individuals’. It argued that it is legitimate to disobey laws if ‘a state excludes its inhabitants from essential means of survival’ then ‘these residents have the right to disobey (...) in order to survive’¹⁶, and forbidding assistance to undocumented migrants is in conflict with fundamental ethics.

Conclusions. The criminalization of solidarity in Europe is a very complex phenomenon whose roots may be found in a general criminalization of migration and structural racism spreading throughout the society. However, it can be indirectly linked also to the EU legal framework on smuggling which leaves the right to classify the crime of smuggling to its member states. Most of them, meanwhile, are shifting towards a far-right, nationalistic policy, attempting to externalize the control of migrants to other non-EU states and reduce consistently the number of arrivals. This strategy was used by the former Italian government as well.

With the increasing suspension, disciplining and formal criminalization of rescuers, a general distrust in NGOs is spreading, leading to a polarization of civil society. However, many people continue to defend the migrants rights, even though it means disobeying EU and national law and risking punitive measures. Trying to oppose to a general crisis of EU values, they are driven by the principle of universal solidarity and dignity which impose them to choose morality over legality. In conclusion, their decision might not be legal, but they believe it is deeply legitimate as based on those universal values.

References and Sources

1. Carrera S., Allsopp J. and Vosyliūtė L. Policing the mobility society: the effects of EU anti-migrant smuggling policies on humanitarianism. – *International Journal of Migration and Border Studies*, 2008, 4(3)
2. Fekete L. Migrants, Borders and the Criminalisation of solidarity in the EU. – *Race and Class* 59, 2018 (4)
3. Fekete, L., F. Webber and A. Edmond-Pettitt When witnesses won't be silenced: citizens' solidarity and criminalisation -Institute of Race Relations, 2018
4. Ministero dell'Interno Codice di Condotta per le ONG impegnate nel salvataggio dei migranti in mare – 2017 [electronics resource] Access mode: https://www.interno.gov.it/sites/default/files/codice_condotta_ong.pdf
5. Pezzati L., Heller C. Report: blaming the rescuers [electronic resource] Access mode: <https://blamingtherescuers.org/report/>
6. PICUM Some guidelines for assisting undocumented migrants – 2002
7. Robinson D. EU borders force flags concerns over charities' interactions with migrant smugglers – BRUSSELS, Financial Times, 15 December 2016 [electronics resource] Access mode: <https://www.ft.com/content/3e6b6450c1f7-11e6-9bca-2b93a6856354>
8. Telesurenglish.net, Mare Jonio Seized and Fined, it's Salvini miserable revenge. 3 September 2019
9. United Nations Protocol against the Smuggling of migrants by Land, Sea and Air – 2002
10. Vosyliūtė L. Conte C. Final Synthetic Report – Crackdown on NGOs and volunteers helping refugees and other migrants. – ReSOMA 2019

МОЛДАВСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ВОЗВРАЩЕНИЯ

Турко Татьяна Игоревна, кандидат политических наук, доцент, Молдавский государственный университет, Кишинев (Республика Молдова), E-mail: turco@inbox.ru

Турко Евгений Вениаминович, магистр политических наук, научный сотрудник, Лаборатория «Социология политики», Молдавский государственный университет, Кишинев (Республика Молдова), E-mail: evgheniiturco@gmail.com

Аннотация. В статье на основе данных социологических исследований рассматривается интеграция молдавских трудовых мигрантов в России. Процесс интеграции зависит от мигранта, государства приема, гражданского общества, населения страны приема. Результаты исследования показывают, что у многих молдавских мигрантов интеграция в российское общество происходит достаточно легко, что обусловлено целым рядом факторов. В свою очередь, успешность интеграции определяет стремление мигрантов к возвращению на родину.

Ключевые слова: молдавские мигранты, принимающее общество, интеграция мигрантов, связи с родиной, возвращение на родину.

MOLDOVAN LABOR MIGRANTS IN RUSSIA: INTEGRATION AND RETURN ISSUES

Tatiana I. Turco, PhD (Political Science), Associate Professor, Moldova State University, Kishinev (Republic of Moldova), E-mail: turco@inbox.ru

Evghenii V. Turco, MA (Political Science), researcher, Laboratory "Sociology of Politics", Moldova State University, Kishinev (Republic of Moldova), E-mail: evgheniiturco@gmail.com

Abstract. Based on sociological studies, the article explores the issue of the integration of Moldovan labor migrants in Russia. The integration process depends on the migrant, the receiving state, civil society, the population of the receiving country. The results of the study show that for many Moldovan migrants, integration into the Russian society is quite easy, due to a number of factors. In turn, the success of integration determines the desire of migrants to return to their homeland.

Keywords: Moldovan migrants, host society, integration of migrants, ties with the homeland, return to the homeland.

Массовая трудовая миграция молдавских граждан в Россию начинается во второй половине 90-х годов XX века, и на протяжении более чем двух десятилетий Россия остается основной страной приема молдавских трудовых мигрантов. Это объясняется, с одной стороны, общностью исторической судьбы, наличием кровнородственных, культурных, образовательных связей, а с другой, сохранением единого безвизового пространства после распада СССР, знанием русского языка, общностью менталитета, культуры и религии.

В сравнении с другими странами, где живут и работают молдавские мигранты, молдавское сообщество в России наиболее многочисленно. Согласно исследованию экспертов из Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, к концу 2018 года на территории России находились 357 229 молдавских граждан с целью «работы по найму» [9].

Социологический опрос по картографированию молдавской диаспоры в шести странах, включая Россию, показал, что

основными причинами миграции молдавских граждан в Россию являются экономические (80% респондентов). Несмотря на наличие иных причин (учеба, создание семьи, уклонение от службы в армии, отрешение от социума посылающей страны и прочее), более 4/5 представителей молдавской диаспоры стремятся, в первую очередь, заработать [3, с.207].

По половозрастному признаку около 2/3 молдавских мигрантов в России составляют мужчины и 1/3 – женщины. Абсолютное большинство – люди трудоспособного возраста. Несмотря на достаточно высокий уровень образования, молдавские мигранты в России заняты, в основном, неквалифицированным трудом. Мужчины заняты в строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания (грузчики, охранники, сторожа т.д.). Женщины, помимо строительства, общественных услуг (низший персонал гостиниц, фитнес-центров и т.д.) и торговли, работают в сфере оказания домашних услуг (уход за детьми, больными и престарелыми).

Острым вопросом как для мигрантов, так и для стран приема является проблема интеграции мигрантов в принимающее общество. Под интеграцией, применительно к внешним мигрантам, понимается процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов. Ответственность за интеграцию лежит как на самих мигрантах, так и на правительстве, организациях и населении принимающей страны. При этом путь, пройденный мигрантами, практически всегда намного больше, чем путь, пройденный местным населением [4, с.416].

По мнению И.В. Ивахнюк, «интеграцию мигрантов в принимающей стране следует рассматривать не как двусторонний процесс (мигранты и принимающее общество) и даже не как трехсторонний процесс (мигранты, принимающее общество и

принимающее государство), а как четырехсторонний процесс (мигранты, принимающее общество, принимающее государство и государство происхождения). Страны происхождения могут участвовать в содействии процессам интеграции их граждан в принимающих странах, обеспечивая потенциальным мигрантам предотъездную подготовку: профессиональное обучение, обучение языку, знакомство с законодательством страны назначения» [2, с.21].

Интеграция является индивидуальным процессом формирования идентичности у индивида (молдавского мигранта) в контексте его общности со страной пребывания, с населением данной страны. Этот процесс предполагает воздействие на индивида государственных структур страны приема, проводимой ими политики по интеграции мигрантов, гражданского общества и его институтов, отношение со стороны населения страны назначения. Кроме того, на этот процесс оказывает влияние и страна исхода мигранта [3, с.85].

У многих молдавских мигрантов интеграция в России происходит достаточно легко, что обусловлено не только общим историческим прошлым и знанием русского языка, но и близостью экономических, культурных и социально-психологических условий.

Во многом процесс интеграции зависит от самого мигранта, от тех установок, которых он придерживается. Категория мигрантов, нацеленная на долгосрочное пребывание в России, стремится к полноценной интеграции в стране приема. С другой стороны, в условиях сезонной, циркулярной миграции, доминирующей является установка на временное пребывание в стране назначения с целью заработка. Такие мигранты не стремятся интегрироваться в принимающее общество, а изначально нацелены на возвращение домой. Но за время пребывания в

России они имеют возможность получить новые профессиональные навыки, заработать и отправить на родину денежные переводы, а также приобрести опыт бесконфликтного пребывания в стране приема.

Успешность интеграции мигрантов в принимающее общество зависит от многих факторов. Немаловажную роль играет присутствие рядом семьи и друзей. Наличие родственников в России отметили 59% респондентов. Каждый пятый мигрант, приехавший в Россию, указал, что с ним приехали члены его семьи. Следует отметить, что наличие родственников, проживающих вместе с мигрантом, облегчает процесс интеграции, но затрудняет его возвращение на родину. Более половины опрошенных указали на такую категорию родственников, как братья/сестры, а 39,4% – двоюродные братья/сестры. Каждый седьмой респондент отметил, что приехал с друзьями. Это скорее характерно для циркулярных/сезонных мигрантов, которые приезжают в составе строительных бригад.

Дополнительным инструментом для дальнейшей интеграции в России выступает наличие российского гражданства. Проведенный опрос показал, что 23% опрошенных молдавских мигрантов в России имеют паспорт страны пребывания. Опрос показал, что около 66,5% молдавских мигрантов в России хотели бы иметь российское гражданство. Запуск программы упрощенного получения гражданства Российской Федерации людьми, владеющими русским языком, поможет многим молдавским мигрантам получить гражданство страны пребывания. Получение гражданства страны пребывания обеспечивает расширение возможностей человека в различных сферах жизнедеятельности. Кроме того, наличие гражданства страны пребывания создает более благоприятные условия для интеграции мигрантов в социум стран приема.

Интеграция в стране приема во многом зависит и от полученных знаний. Осмысляя, что именно из молдавского багажа (знания, навыки, опыт) принесло им пользу в стране назначения, мигранты отмечают общее (школьное и университетское) образование, профессиональные знания, навыки, умения, опыт работы, который они получили в Молдове. Молдавские мигранты также выделяют знания, опыт жизни, работы и общения, которые они получили в семье, от своих родителей.

Как показал опрос, 41,5% опрошенных молдавских мигрантов в России выполняют работу ниже имеющейся квалификации. Выделяя особенности молдавской трудовой миграции, на это указывает российский эксперт: «Те, кто имели опыт работы в Молдове, приезжая в Россию, они занимают рабочие места, которые вообще не требуют никакой квалификации. То есть, по международному классификатору рода занятий они попадают в самую низшую группу неквалифицированных работников. В том числе среди них очень большая доля лиц с высшим образованием. Особенно первое время, после приезда, они заняты неквалифицированным трудом» [3, с.48].

Интеграция также зависит и от политики, проводимой страной приема мигрантов; насколько эта политика нацелена на интеграцию мигрантов. Эксперты и респонденты отмечают, что миграционная политика России в последние годы претерпела изменения в лучшую сторону. Мигранты, которые прибыли в страны назначения в начале 2000-х годов, сталкивались с большими трудностями в процессе интеграции, по сравнению с нынешними мигрантами. Однако тот факт, что в последние годы государственные органы стали придавать значение проблеме интеграции мигрантов, является не столько результатом формирования более комплексного подхода к миграционной политике, сколько вынужденным ответом на рост числа откры-

тых столкновений между мигрантами и российскими гражданами, а также ответом на настойчивые усилия со стороны экспертного сообщества, правозащитных и международных организаций [2, с.11–12]

Успешную интеграцию в принимающее общество обусловливает и отношение местного населения к мигрантам. Молдавских мигрантов ценят за добросовестность, порядочность, трудолюбие. Кроме того, как показывают исследования, для россиян молдаване невидимы, не выделяясь физиономически, ни по другим параметрам в российских локальных сообществах. Соответственно, они практически не сталкиваются с ксенофобными настроениями, весьма широко распространенными в российском обществе [3, с.208].

В то же время среди основных проблем, с которыми сегодня сталкиваются молдавские граждане в России, следует назвать документирование в стране пребывания, трудоустройство, легализацию тех мигрантов, которые попали в «черный список» вследствие допущенных нарушений российского законодательства в области миграции [3, с.48]. По данным исследования, среди опрошенных молдавских мигрантов разрешение на пребывание в России имеют 63,3%, а разрешение на работу – 85% респондентов. Наличие значительного количества нелегальных мигрантов потребовало разработки механизма решения данной проблемы совместными усилиями как страны приема, так и страны исхода молдавских мигрантов [7].

Для трудовых мигрантов, приезжающих в Россию с целью трудоустройства, интеграция в российский социум отнюдь не означает разрыв отношений с родной страной. Молдавские мигранты в России поддерживают разнообразные связи со страной происхождения. Во-первых, это контакты с родственниками, оставшимися на родине. Наш опрос выявил, что

практически у всех молдавских мигрантов (99,5%) на родине имеются многочисленные родственники как из простой (нуклеарной) семьи, так и большой семьи, включающей и более далеких родственников. В первую очередь, это родители, на их наличие на родине указали 67,5% респондентов. Каждый третий мигрант указывает на наличие в Молдове супруга(и), а каждый второй – детей, около 2/3 молдавских мигрантов имеют на родине братьев и сестер. Наличие близких родственников на родине составляет большой потенциал как для возможного возвращения определенной части молдавских мигрантов, так и для поддержания связей со страной происхождения.

Во-вторых, посещение родины. Абсолютное большинство (92%) молдавских мигрантов посещали Молдову, с тех пор как они находятся в России. Наиболее часто встречающейся формой посещения родины является поездка «один раз в год» (38,4%), на втором месте – «каждые три месяца» (34,8%), на третьем – «каждые полгода» (22,7%). 4% респондентов посещают Молдову еще реже, что свидетельствует об утрате физической пространственно-временной связи с Молдовой, а также о том, что в будущем они вряд ли вернутся на родину.

В-третьих, использование современных виртуальных способов связи со страной происхождения. На первом месте по популярности находится скайп (92,3%), телефон (57,5%), социальные сети (29,5%). Частота общения с родственниками / друзьями, находящимися на родине, достаточно высока – несколько раз в неделю (50%), каждый день (29,5%).

В-четвертых, интерес к ситуации на родине. Большинство опрошенных (81,2%) интересуется происходящее в Молдове, они следят за политической, экономической, социальной ситуацией на родине. 92,3% респондентов посещали Молдову с тех пор, как уехали из страны. Однако настораживает тот факт, что

практически каждый шестой респондент не интересуется тем, что происходит в его родной стране.

В-пятых, денежные переводы, которые люди отправляют родным и близким на родину. Молдавские мигранты входят в тройку самых высокооплачиваемых трудовых мигрантов, работающих в России. Их средняя заработная плата в 2017 году составила 35,3 тыс. рублей при легальном трудоустройстве и 33,2 тыс. рублей – при нелегальном [8]. В 2018 году из России в Молдову было переведено 23,4 млн. долларов [1]. Частота денежных переводов варьируется от «время от времени» (49,5%) до «часто» (31,1%). Каждый пятый респондент вообще не отправляет денег на родину.

Следует отметить, что интеграция в стране назначения приводит к трансформации установки с временной миграции на постоянную. Вследствие этого меняется структура затрат на жилье, образование и т.д. Кроме того, установка на постоянную миграцию ведет к реинтеграции семей, и мигранты начинают перевозить в страну пребывания супругов, детей и родителей. Складывается ситуация, когда переводы на родину высылать просто некому.

Вместе с тем, 60% молдавских мигрантов в России хотят вернуться домой. Наиболее распространенный мотив связан с семейными причинами (быть рядом со своей семьей, детьми, и т.д.), далее следуют ответы патриотической направленности – «здесь мой дом, дома лучше», «это моя родина», и социально-психологические причины («здесь друзья», «душевный комфорт», «говорить на своем языке» и др.).

Возвращение на родину люди связывают и с изменениями в самой Молдове. В первую очередь, это повышение заработной платы, создание новых рабочих мест, достойный уровень жизни. Кроме того, люди отмечают необходимость изменений

в социальной и политической сферах, борьбу с коррупцией, приход к власти компетентных и достойных руководителей.

В оценке перспектив возвращения в Молдову молдавских мигрантов можно выделить три основные группы. Первая группа – это долгосрочные мигранты, убежденные невозвращенцы. Они однозначно не строят планов по возвращению на родину, имеют в России работу, недвижимость, перевезли туда детей, а некоторые и родителей. Они стремятся как можно полнее интегрироваться в российское общество.

Вторая группа – те, кто находится на перепутье. Возвращение увязывается как с собственными успехами на пути обретения материального благополучия в стране пребывания, так и с положительными изменениями на родине. Но пока социально-экономическая обстановка в Молдове не улучшится, мигранты не намереваются возвращаться в страну происхождения. Возвращение в Республику Молдова видится большинству мигрантов в старости. Противоречие в том, что по мере пребывания в России они обрastaют связями в стране назначения, их социальный капитал в России возрастает при одновременном его снижении в Молдове, что делает возвращение в Республику менее желаемым и более сложным [6, с.11].

Третья группа однозначно настроена на возвращение в Молдову. Это молодые циркулярные мигранты, у которых не получилось с интеграцией, работой, реализацией жизненных планов за рубежом. И они надеются найти новые перспективы на родине [4; 6]. Но их возвращение – при ухудшении ситуации на рынке труда России – может стать серьезным вызовом для Молдовы.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что большинство молдавских мигрантов успешно интегрируются в России. Молдавские мигранты хорошо мотивированы

к интеграции, трудоустройству в стране пребывания. Вместе с тем важным аспектом жизни мигранта остается общение с родной, родственниками и друзьями, интерес к ситуации в Молдове, посещение родной страны. В отношении планов на будущее определенная часть молдавских мигрантов ориентируется на возвращение домой, в Республику Молдова. Им интеграция дает возможность получения новых профессиональных навыков, отправки на родину денежных средств, позитивного миграционного опыта.

Список литературы и источников

1. Денежные переводы в Молдову выросли в 2018 году на 5,6%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infotag.md/financial-poster-ru/777321/>
2. Ивахнюк И.В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России / В сб.: Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 8–28.
3. Мошняга В. Картографирование молдавской диаспоры в Германии, Великобритании, Израиле, Италии, Португалии и России. – Кишинэу, Б.и., 2017. 222 с.
4. Мукомель В. Диаспоры в России: молдавская и таджикская диаспоры (сравнительный анализ) / В сб: Современные миграционные процессы: состояние и основные формы. – Кишинев, 2016. С. 207–210.
5. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В сб.: Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – 496 с.
6. Мукомель В., Кеяну-Андрей Д. Молдаване в Российской Федерации: социально-экономический профиль и вызовы на уровне политик. – Кишинев, 2013.
7. Президент РМ рассказал о второй волне миграционной амнистии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.sputnik.md/society/20180730/20886033/dodon-amnistia-grazhdane-moldova-russia.html>

8. Сколько зарабатывают в России трудовые мигранты из Молдовы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.moldovenii.md/ru/news/view/section/542/id/33021>

9. Число молдаван, работающих в России, резко сократилось. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://point.md/ru/novosti/obschestvo/chislo-moldavan-rabotaiushchikh-v-rossii-rezko-sokratiilos>

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Тихонова Людмила Ефимовна, доктор экономических наук, профессор кафедры международного менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета, Минск (Республика Беларусь), E-mail: tihonovale@mail.ru

Драгун Мария Витальевна, преподаватель кафедры международного менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета, Минск (Республика Беларусь), E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

Аннотация. В работе изучаются современные особенности внутренней (безвозвратной) миграции на постоянное место жительства. Анализируются внутриреспубликанские потоки и их влияние на социально-экономическое развитие страны, рассчитывается коэффициент интенсивности внутренней миграции. Изучаются миграционные потоки между городской и сельской местностью, межгородские и другие перемещения. Делается вывод, что в ближайшей перспективе устойчивое социально экономическое развитие Беларуси будет способствовать дальнейшему росту внутренних перемещений. При этом устойчиво будет продолжать расти межгородской обмен на фоне снижения потоков из села и роста перемещений из городской в сельскую местность.

Ключевые слова: внутренняя миграция, международная миграция, коэффициент интенсивности внутриреспубликанской миграции, миграционный прирост / убыль, сальдо миграции.

MODERN FEATURES OF INTERNAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Liudmila E. Tsikhanava, Doctor of Economics, Professor of International Management Department at Economic Faculty of Belarus State University, Minsk (Belarus), E-mail: tihonovale@mail.ru

Mariya V. Dragun, Teacher of International Management Department at Economic Faculty of Belarus State University, Minsk (Belarus), E-mail: dragun.maria.v@gmail.com

Abstract. The modern features of internal (irrevocable) migration to a permanent place of residence are being studied. The intra-republican flows and their influence on the socio-economic development of the country are analyzed, the coefficient of the intensity of internal migration is calculated. Migration flows between urban and rural areas, intercity and other movements are studied. It is concluded that in the near future, the sustainable social and economic development of Belarus will contribute to the further growth of internal movements. At the same time, intercity exchange will continue to grow steadily amid a decrease in flows from the village and an increase in movements from urban to rural areas.

Keywords: internal migration, international migration, coefficient of intensity of intra-republican migration, migration increase / decrease, migration balance.

Известно, что интенсивное развитие промышленности Беларуси в XX столетии привели к тому, что на ее территории начали формироваться крупные городские промышленные центры, сфокусировавшие на себе сельские миграционные потоки. В тот период в Республике основную роль играла внутренняя миграция, она сформировала устойчивые потоки внутриреспубликанского масштаба, обеспечивающие интересы

быстроразвивающейся промышленности в стране. Сложившиеся миграционные потоки обеспечивали отбор трудовых ресурсов особого социального качества, отличавшихся высокой мобильностью. Это было в основном молодое трудоспособное население села. Оттягивая из села молодежь, города подрывали базу своего будущего роста за счет сельского населения. Это привело сначала к депопуляции на селе, которое затем стало характерно для всей Беларуси. Ситуация осложнялась распадом Советского Союза и переходом страны к рыночной экономике. Депопуляционные явления стали характерны для всей Республики.

На современном этапе социально-демографического развития страны государство большое внимание уделяет снижению темпов депопуляции населения, в том числе проблемам внутренней миграции и особенно сокращению потоков из села в город. На государственном уровне принят ряд законодательных актов, регулирующих данные вопросы [2, 5, 6, 7, 8, 10]. В частности, утвержден проект «деревня будущего» [2], который направлен на создание современных сельских населенных пунктов с устойчиво функционирующим производством, сочетающим качество городской среды в социальном обслуживании, инженерно-транспортном обеспечении и благоустройстве с ценностями сельского уклада жизни [3]. Утвержден план развития отстающих в развитии регионов, предусматривающий создание новых предприятий и производств, модернизацию действующих предприятий, формирование необходимой производственной и социальной инфраструктуры [7]. Регламентировано создание регионального совета для взаимодействия деловых кругов с государственными органами в сфере поддержки и развития предпринимательства, оперативного решения проблем функционирования бизнеса [8].

Анализ показал, что на современном этапе развития миграционных процессов, как и в прошлом столетии, ведущее место занимают внутриреспубликанские перемещения. На их долю приходится около 90% всех перемещений. При этом их доля в общих миграционных перемещениях значительно возросла с 83 % в 1995 г. до 91 % в 2018г. (Таблица 1).

Таблица 1.

**Внутриреспубликанские миграционные потоки
за 1995–2018 гг., %**

	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Внутриреспубликанская миграция	100	100	100	100	100	100	100
Межобластная	40	41	43	45	47	51	51
Внутриобластная	60	59	57	55	53	49	49
<i>в т.ч.:</i>							
межрайонная	88	87	83	77	70	75	74
внутрирайонная	12	13	17	23	30	25	26

Источник: Рассчитано по данным [4]

Как видно из приведенной таблицы, в настоящее время, как и в прошлом периоде, доминирующей является внутриобластная миграция, на ее долю в среднем приходилось более 57 % оборота всей внутренней миграции. Новая ситуация наблюдается с 2017 г., когда во внутриреспубликанских перемещениях межобластная миграция превысила внутриобластную, ее доля составила 50,5% в 2017 г. и 51,3 % в 2018 г. Анализ показал, что для межобластной миграции характерна аккумулярующая роль г. Минска, все области в миграционном обмене с г. Минском имеют отрицательное сальдо. А начиная с 2013 г., как и в застойные времена, вновь быстро начал расти миграционный поток в Минскую область, который затем устремлялся в г. Минск, что видно из рис 1.

Рис. 1. Динамика коэффициента интенсивности внутривнутриреспубликанской миграции (по прибытию) за 1995 – 2018 гг., промилле [4]

Так, коэффициент интенсивности внутривнутриреспубликанской миграции увеличился с 16,9 промилле в 1995 г. до 25,0 промилле в 2018 г. (рис. 1), а самое высокое значение данного коэффициента было в 2015 г. – 25,86. В среднем интенсивность внутренней миграции в течение анализируемого периода была на уровне 22,7 промилле. Отметим, что по уровню интенсивности внутренней миграции Республики Беларусь лишь на несколько пунктов уступает России – в Российской Федерации исследуемый коэффициент за 2018 г. составил 29,58 промилле.

Характеризуя внутренние перемещения населения за последние годы, важно отметить, что за 2015 – 2018 гг. основные перемещения населения происходили из города в город – 43%. В то время как из села в город значительно снизились и составили около – 28%, это, как видим, новая тенденция. Начали расти потоки из города в село – 25%. Перемещения из села в село, как показывают расчеты, составляют – 4%. от общего числа всех внутренних потоков. Тем не менее, как показывают

наши исследования, сельская местность теряет население в миграционном обмене с городом в течение всего анализируемого периода. Отток населения из сельской местности наблюдается во всех областях. Самая высокая миграционная убыль сельского населения в 2018 г. произошла из Минской области – 13238 чел., это на 6% больше чем в 2012 г. Таким образом, наши расчеты показывают, что большинство мигрировавшего населения пополняет численность городов и поселков городского типа в своих же областях. Так, например, из числа всех выбывших из Брестской области 87% осталось в этой же области, в Витебской – 85%, а в Гомельской – 87%.

Таким образом, с одной стороны сельско-городские перемещения содействуют экономическому развитию страны, способствуя повышению уровня образования и профессиональной подготовки сельских граждан, с другой, активная миграция из села в город приводит к тому, что продолжает деформироваться половозрастная структура населения, происходит сокращение демографического потенциала и наблюдается дефицит рабочей силы в сельской местности.

Анализ показал, что по характеру миграции на территории Беларуси можно выделить две зоны. Первую – относительно с благоприятной миграционной ситуацией, которую формирует Столично-центральный регион (Минская область и г. Минск), где наблюдается положительное сальдо миграции в большинстве городов различной численности населения и в пяти районах сельской местности, преимущественно находящихся в зоне влияния столицы. Вторая зона с неблагоприятной миграционной ситуацией [1]. Для нее характерен рост миграционной убыли населения (Таблица 2).

Таблица 2.

**Внутриреспубликанские миграции
за период 2016–2018 гг., человек**

	Число прибывших			Число выбывших			Миграционный прирост, убыль		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018	2016	2017	2018
Брестская	34 175	35 824	34 329	37 834	37 660	37 267	-3 659	-1 836	-2 938
Витебская	29 818	29 905	28 873	32 361	32 077	31 149	-2 543	-2 102	-2 276
Гомельская	29 412	31 694	32 312	32 508	33 979	35 279	-3 096	-2 285	-2 967
Гродненская	25 927	28 102	27 341	28 440	28 948	28 304	-2 513	-846	-963
г. Минск	44 373	44 082	46 279	37 039	41 917	40 976	7 334	2 165	5 303
Минская	45366	45 941	44 623	39 388	39 150	38 972	5 978	6 791	5 651
Могилевская	22326	22851	23064	23 827	24 738	24 874	-1 501	-1 887	-1 810

Источник: Рассчитано по [4]

Отметим, также, что основным центром притяжения мигрантов, как и ранее, остаются г. Минск и Минская область. Так, за 2013 – 2018 гг. население Минской области за счет внутренних мигрантов увеличилось на 31361 чел., а население столицы за этот период увеличилось более чем на 49023 чел. При этом, важно отметить, что столица в последние годы прирастает меньшими темпами, чем в прошлом столетии. Так за последние три года миграционный прирост в г. Минск сократился от максимального в 2009 г. – 25847 чел., до минимального значения – 2165 чел. в 2017г. Структура миграционного прироста в г. Минск представлена на рис. 2.

Рис. 2 Структура миграционного прироста г. Минска в 2018 г. [4]

Как видно из рис. 2, население г. Минска в 2018 г. пополнялось как за счет мигрантов, прибывающих непосредственно из областей страны, так и тех, которые, сначала переехали в Минскую область из всех других областей, а затем в столицу. При этом миграционные потоки из других областей в столицу находятся фактически на одном уровне – от 16% из Брестской области, до 13% из Гродненской.

Таким образом, обобщая сложившуюся миграционную ситуацию на современном этапе развития миграционных процессов, можно отметить, прежде всего, сохранение социально-демографического характера ее развития. Основную роль в миграционных потоках страны, как и прежде, играет внутренняя миграция. Устойчивое социально-экономическое развитие страны, переход к рыночной экономике, появившаяся возможность в приобретении жилья в последние годы постепенно восстанавливает территориальную структуру регионального масштаба, которая потеряла свою устойчивость в период перестройки народного хозяйства страны. Потоки населения из

села в город происходят, как и прежде, но в значительно меньших размерах. Новой тенденцией является рост миграционных потоков из города в город, и из города в сельскую местность, при этом большинство мигрировавшего населения пополняет численность городов и поселков городского типа в своих же областях. Что касается г. Минска и Минской области, то, как показало исследование, миграционные потоки продолжают расти, однако темпы роста значительно сократились с около – 130% (1982 – 2000 гг.), до – 118% (2000 – 2018 гг.). Учитывая сложившуюся в настоящее время миграционную ситуацию, можно прогнозировать дальнейшее сокращение миграционных потоков из села в город и рост межрайонной и межгородской миграции, которой будут содействовать дальнейшее устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Список литературы и источников

1. Антипова Е.А. Региональные особенности демографического развития Республики Беларусь / В сб.: Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь; под общ. ред. Т.Н. Мирановой, С.В. Рязанцева. Минск: 2017. – С. 100–122.
2. Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/direktiva-6-ot-4-marta-2019-g-20628/
3. Концепцию «Деревни будущего» реализуют в трех агрогородках Брестской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/kontseptsiju-derevni-budushego-realizujut-v-treh-agrogorodkah-brestskoj-oblasti-342612-2019/>
4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>
5. Постановление Совета Министров от 14.03.2016 № 200 Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016 – 2020 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://www.government.by/ru/solutions/2431>

6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2019 г. № 314 «О комплексе мер по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли»». [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://pda.government.by/upload/docs/file651311a6b7a7175e.PDF>
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 «Об утверждении плана развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития». [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2019/october/41008/>
8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 604 «Об утверждении Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства». [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://www.government.by/ru/solutions/3642>
9. Тихонова Л. Е. Демография Беларуси: Учеб. пособие [Книга]. – Минск: БГУ, 2004. – 255 с.
10. Указ Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 «Об утверждении Программы социальноэкономического развития Республики Беларусь». [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31600466>
11. Шахотко Л. П. Миграционные процессы в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/432/137/1231/011_shahotko_dubl.pdf

Раздел 2.

**МИГРАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ
И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
МИГРАНТОВ**

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Воронина Наталия Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, Москва (Россия). E-mail: natalia.a.voronina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные объединения на евразийском пространстве, заключенные в рамках СНГ – от первых интеграционных проектов начала 1990-х годов и создания Союзного государства до формирования Евразийского экономического союза. Дается анализ их нормативной правовой базы и выявляются недостатки, мешающие эффективному развитию интеграционных процессов. Рассмотрены также проекты Европейского союза в данном регионе, выявлена их направленность и современные тенденции.

Ключевые слова: евразийское пространство, интеграционные проекты, интеграционные объединения, общее экономическое пространство, СНГ, соглашение, Европейский союз.

INTEGRATION PROJECTS IN THE EURASIAN AREA

Natalia A. Voronina, PhD (Law), Senior Researcher, Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences. Moscow (Russia). E-mail: natalia.a.voronina@gmail.com

Abstract. The article examines formation and development of integration alliances in the Eurasian area concluded within the CIS – from the first projects of the 90s and the formation of the Union state Russia and Belarus to the creation of the Eurasian economic Union. The analysis of their normative legal base is given. The author reveals the shortcomings that hinder the effective development of integration processes. The projects of the European Union in the region

are also considered, their orientation and modern tendencies are revealed.

Keywords: Eurasian area, integration projects, integration alliances, common economic space, CIS, agreement, European Union.

С самого начала образования Содружества Независимых Государств (Соглашение о создании СНГ было подписано руководителями Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины 8 декабря 1991 г.) возникли предпосылки к формированию интеграционных объединений [1]. Прежде всего, в самом Уставе СНГ были заложены основы будущих интеграционных процессов. Так, в Уставе Содружества [10] закреплялось, что СНГ основано на началах суверенного равенства всех его членов, служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами.

Неотъемлемой частью международной интеграции является миграционная составляющая, миграционная тематика входит практически во все международные договоры в рамках СНГ и других интеграционных объединений.

Одним из первых таких объединений явился Договор о создании Экономического союза (подписан 24 сентября 1993 г.), направленный на проведение экономических реформ в интересах повышения жизненного уровня населения путем поэтапного формирования общего экономического пространства, основанного на свободном перемещении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. Договор подписали главы Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Рос-

сии, Таджикистана и Узбекистана (от подписания документа отказалась Украина; Грузия и Туркменистан присоединились к Договору позднее).

В 1997 г. была принята Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств, в которой был обозначен основной организационный принцип СНГ – многоуровневое и разноскоростное сотрудничество. Указывалось, что стержнем Концепции является добровольность и самостоятельность государств в определении направлений и глубины участия в интеграционных процессах, постепенность и этапность реализации мероприятий по развитию межгосударственного сотрудничества.

Знаковым интеграционным проектом на пространстве СНГ явилось Союзное государство – Союз России и Беларуси, ознаменовавший собой смену центробежных тенденций на постсоветском пространстве центростремительными. Россия и Беларусь одними из первых государств-участников СНГ осознали необходимость тесной интеграции, явившись, таким образом, первопроходцами интеграционных процессов в регионе, воплотив на основе исторической общности, близости культурных и религиозных традиций, стремление двух народов совместно продвигаться к эффективному экономическому и социальному развитию.

Практически сразу после распада Советского Союза между Россией и Беларусью были заключены двусторонние торгово-экономические соглашения. 21 февраля 1995 г. был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, а 2 апреля 1996 г. состоялось подписание Договора об образовании Сообщества России и Беларуси [2]. В соответствии с Договором было решено создать политически и экономически интегриро-

ванное сообщество в целях объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств.

2 апреля 1997 г. в Москве президенты двух стран подписали Договор о Союзе России и Беларуси [3]. В 1997–1998 гг. происходило формирование исполнительных органов Союза, осуществлялась разработка и реализация первых союзных программ. 25 декабря 1998 г. были подписаны Декларация о дальнейшем единении Беларуси и России, Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования и Договор о равных правах граждан [4].

8 декабря 1999 г. в Москве состоялось подписание Договора о создании Союзного государства [5] (СГ) и принята программа действий по реализации положений Договора. 26 января 2000 г. после ратификации Договора парламентами двух стран он вступил в силу. Как видим, созданию Союзного государства предшествовала тщательная подготовительная работа.

Союзное государство является одной из форм интеграции на постсоветском пространстве и действует наряду с другими интеграционными союзами: Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). При этом Россия и Беларусь являются не только субъектами Союзного государства, но и участниками других интеграционных проектов в рамках СНГ.

Союзный Договор охватывает сферы государственного строительства, закрепляет основные принципы разграничения предметов ведения и полномочий между Союзным государством и государствами-участниками, принципы формирования единого экономического пространства, а также основные функции и структуру государственных органов СГ.

Граждане России и Беларуси имеют равные права в сфере труда, отдыха, здравоохранения, образования, а также право на беспрепятственное передвижение.

Отношение к созданию Союзного государства было неоднозначным. Однако за годы, прошедшие с начала объединительного процесса, Союзное государство проявило себя достаточно успешным интеграционным образованием на постсоветском пространстве. За время реализации союзных проектов были созданы многие тысячи рабочих мест, внедрены уникальные по мировым стандартам разработки. Накоплен опыт совместной подготовки и реализации крупных проектов, а также опыт переговорной деятельности, опыт преодоления противоречий в интересах сторон и выработки согласованной политики.

В рамках Союзного государства создана обширная правовая база сотрудничества – принято большое количество межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, многое сделано в деле гармонизации национальных законодательств. Именно Союзное государство явилось примером сотрудничества и фундаментом для создания последующих интеграционных объединений.

К сожалению, Союзное государство осталось институционально недостроенным – Союзная конституция принята не была. Остались и другие, не до конца урегулированные вопросы. Так, например, не выработан единый подход к правовому решению статуса граждан Союзного государства. В связи с этим граждане двух государств продолжают оставаться иностранцами применительно ко всем сферам гражданско-правовых отношений [11].

Следующим этапом интеграционной деятельности стало формирование Таможенного союза (ТС). Правительствами

России и Белоруссии 6 января 1995 г. было подписано Соглашение о Таможенном союзе, предусматривающее комплекс мероприятий по его формированию. 20 января 1995 г. к Таможенному союзу присоединился Казахстан, и была утверждена программа действий, а с 1 июля 2011 года – упразднены таможенные границы между тремя государствами.

10 октября 2000 г. было образовано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – Международная экономическая организация, занимавшаяся формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка.

18 ноября 2011 г. президенты Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь подписали Декларацию Евразийской экономической интеграции и Договор о Евразийской экономической комиссии. А 29 мая 2014 г. в г. Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (вступил в силу 1 января 2015 г.), основанный на кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и знаменующий переход евразийского экономического проекта на более глубокий формат интеграции государств-членов.

2 января 2015 года к Договору о Союзе присоединилась Республика Армения, а с 12 августа 2015 года – Киргизская Республика, что означало создание общего (единого) рынка пяти государств. Общий рынок основывается на четырех «свободах»: свободном перемещении товаров, услуг, капитала и рабочей силы и охватывает более 180 млн. потребителей.

Евразийский экономический союз представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектно-

стью, созданную в целях создания условий для стабильного развития национальных экономик в интересах повышения благосостояния и жизненного уровня населения государств-членов.

В соответствии с Договором, ЕАЭС осуществляет свою деятельность на принципах уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон (Статья 3).

Старт этого проекта, да и последующие годы пришлись на непростые условия противостояния России и Запада, что определенным образом сказалось на планах и темпах развития в рамках Союза. Тем не менее, Договор о ЕАЭС означал свободу передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Бизнес получил возможность участвовать в перспективных совместных проектах, создавать высокотехнологичные рабочие места.

Договор о ЕАЭС законодательно оформил регулирование вопросов трудовой миграции на едином пространстве ЕАЭС, объединяющем Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию. Договором были установлены основные принципы единого рынка труда, права и обязанности иностранных работников, а также определены основные направления сотрудничества стран-участниц Союза в сфере трудовой миграции [6].

Анализ деятельности первого пятилетия ЕАЭС выявляет ряд болевых моментов, в том числе, внутри интеграционного объединения. Прежде всего, эксперты выражают обеспокоенность тем, что на сегодняшний день бизнес и власти стран ЕАЭС далеки от того, чтобы преодолеть шаблоны национального мышления, и что конкуренция между странами ЕАЭС может привести к торговым войнам[8]. Одними из ключевых причин

которых являются лоббирование крупными национальными компаниями своих интересов и решение протекционистских задач: пытаюсь дать дорогу своему производителю, страны ЕАЭС вводят ограничения, хотя это и противоречит нормам закона.

Президент Республики Беларусь А. Лукашенко считает, что в ЕАЭС пока не созданы равные условия для хозяйствующих субъектов в энергетике. Президент Киргизии С. Жээнбеков полагает необходимым внедрение механизмов поддержки в ЕАЭС стран с малой экономикой, ибо тенденция сохранения разрыва между странами Союза может неблагоприятно повлиять на развитие евразийской интеграции в целом.

Данные также свидетельствуют о том, что внешнее сотрудничество становится для стран-участниц ЕАЭС более привлекательным, чем евразийский вектор взаимодействия. Так, например, почти 40% внешнеторгового оборота Казахстана в 2017 г. пришлось на ЕС. Казахстан и Киргизия активно участвуют в реализации китайской интеграционной инициативы «Один пояс – один путь».

Для того, чтобы выправить ситуацию и «вдохнуть новую жизнь» в интеграционные процессы, на заседании Высшего Евразийского экономического совета (наднациональный орган ЕАЭС) 29 мая 2019 г. было принято решение об учреждении Евразийского совета по промышленности. Совет займется выработкой предложений по созданию совместных предприятий с учетом специализации и разделения труда, сложившихся между государствами-членами.

С момента распада Советского Союза Запад пытается вовлечь новые независимые государства региона в орбиту своих интересов, разрабатывая различные проекты. Так, одним из первых таких проектов явилась «Программа добрососедства»

для постсоветских стран, которые еще оставались в зоне традиционного влияния России.

Следующая совместная программная инициатива, запущенная в 2009 г., – проект Европейского союза «Восточное партнерство» (ВП) в целях развития интеграционных связей с шестью государствами бывшего Советского Союза: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной.

Как отмечалось на учредительной встрече ЕС по вопросам «Восточного партнерства» (Прага, 7 мая 2009 г.) в Совместной декларации, Восточное партнерство будет руководствоваться принципом «кондициональности» – продвижения вперед (перспективы интеграции в экономику ЕС, заключения соглашений о зонах свободной торговли, облегчения поездок в ЕС для граждан и др.) лишь при условии выполнения странами-участницами программы определенных требований ЕС[12]. Позднее, для усиления своей привлекательности для постсоветских государств ЕС стал использовать различные подходы, в частности, обещания безвизового режима. Так, безвизовый режим получили Молдавия, Грузия и Украина.

На пятом саммите Восточного партнерства в Брюсселе в 2017 г. была принята новая стратегия/подход привлечения к членству. Как было зафиксировано в итоговой декларации, ЕС допускает, что члены Восточного партнерства могут выстраивать с ним отношения, продолжая при этом взаимодействовать с третьими странами (имеются в виду государства-партнеры по ЕАЭС). Как отмечают исследователи, Брюссель извлек урок из украинской истории, когда Киеву предлагался категоричный выбор: ЕС или ЕАЭС, и изъясил из повестки дня этот ультиматум[7]. Такая тактика открывает для Евросоюза возможности в

перспективе стать активным игроком на постсоветском пространстве.

Первой о намерениях интегрироваться в ЕС, сохраняя при этом уже имеющиеся позиции в ЕАЭС, заявила Армения, подписавшая соглашение с ЕС о всеобъемлющем сотрудничестве в сферах экономики, энергетики, культуры, образования. Не против «открытых дверей» с Европейским союзом и Белоруссия.

«Широту внешнеполитического кругозора» демонстрируют и среднеазиатские страны, оставшиеся вне ЕАЭС: Узбекистан, Таджикистан и Туркмения.

В настоящее время ЕС активизируется в продвижении своих интересов в Центральной Азии (ЦА). Регион, до недавних пор считавшийся по преимуществу зоной интересов России, в силу экономических и географических причин стал ареной конкуренции основных мировых «центров силы». Сотрудничество между европейскими странами и государствами региона, усилившееся с начала 2000-х гг., касается экономико-энергетического, политического и культурного векторов. Страны ЕС начали ощущать все большую потребность в углеводородном сырье, значительными ресурсами которых (нефть и газ) обладают Казахстан, Туркмения и Узбекистан, рассматриваемые ныне в Европе как альтернативные России поставщики углеводородов.

На 15-й встрече министров иностранных дел ЕС, в которой приняли участие главы внешнеполитических ведомств Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана (Бишкек, 7 июля 2019 г.), верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини представила документ о стратегии партнерства Евросоюза со странами Центральной Азии – новую стратегию

развития «ЕС – Центральная Азия: Новые возможности для сильного партнерства». Главные цели Евросоюза, которые он стремится достичь через обновленное партнерство, – как считают аналитики [9], – укрепление безопасности и продвижение своих интересов в Центральной Азии. В рамках этого проекта ЕС выделяет дополнительно 72 млн евро для реализации программ помощи странам ЦА. (Общая сумма финансовой поддержки ЕС региона с 2014 г. в сферах верховенства права, защиты окружающей среды, водных ресурсов, торговли и пограничного режима превышает 1 млрд евро).

По мнению первого президента Казахстана Н. Назарбаева – идеолога современной евразийской интеграции, странам ЕАЭС необходимо расширять границы сотрудничества и каналы коммуникаций с Европейским союзом и Шанхайской организацией сотрудничества, развивать внутри своих стран авиацию, несырьевое производство и извлечь для себя выгоду из торгового конфликта между США и Китаем[13].

Несомненно, что интеграционные проекты в рамках Евразийского экономического союза нуждаются в дальнейшем осмыслении как с точки зрения теоретических подходов, так и практического воплощения – выработки «дорожной карты» на следующую «пятилетку».

Список литературы и источников

1. Воронина Н.А. Внешняя трудовая миграция в условиях евразийской интеграции // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 1 (59). С. 95–101.
2. Договор об образовании сообщества России и Беларуси (утратил силу в соответствии со статьей 70 часть 1 Договора о создании Союзного государства) // Информационно-аналитический портал Союзного государства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.soyuz.by/ru/?guid=10439>
3. Договор о Союзе Беларуси и России (утратил силу в соответствии со статьей 70 часть 1 Договора о создании Союзного государства)

Информационно-аналитический портал Союзного государства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.soyuz.by/ru/?guid=10441>

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан (Москва, 25.12.1998). Союзное Законодательство. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.belmos.ru/print.php?type=leg&type=s&id=33>

5. Договор о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

6. Ивахнюк И.В., Кузьмина Е.М. Свобода передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе: выгоды и риски / В сб.: Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28–29 ноября 2017 г.) В двух томах. – Т. 1 / Под науч. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой – М.: Экономическое образование. 2017. С. 52–53.

7. Независимая газета. 2017. 30 ноября.

8. Панфилова В. Евразийский вектор становится менее привлекательным для стран ЕАЭС. // Независимая газета. 2019. 11 июля.

9. Панфилова В. Евросоюз презентовал в Бишкеке новую стратегию для стран Центральной Азии // Независимая газета. 2019. 9 июля.

10. Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 1.

11. Смирнова Е.С. Гражданство Союзного государства Беларуси и России: история, политика, право. М.: Издательская группа «Граница», 2015. С. 136.

12. Совместная декларация Пражского саммита Восточного партнерства. [Электронный ресурс] Режим доступа: n-eufore.eu.

13. Независимая газета. 2019. 30 мая.

РОССИЯ В МИГРАЦИОННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РУССКИЙ КАК МИРОВОЙ ЯЗЫК

Воронова Юлия Александровна, преподаватель, МГИМО
МИД России, Москва (Россия). E-mail: voronovaya@my.mgimo.ru

Капустина Мария Александровна, кандидат юридических на-
ук, доцент, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
Санкт-Петербург (Россия). E-mail: mkapustina@list.ru

Аннотация. Миграция в Евразийском пространстве включена в систему взаимоотношений между странами Большой Евразии. На основе анализа материалов, посвященных интеграции в рамках Евразийского сообщества, авторы исследуют русский язык как язык правового общения и приходят к выводу, что русский язык гармонизирует Евразийскую интеграцию, обеспечивает её правовую определенность, объединяет людей и укрепляет миграционные мосты в Евразии.

Ключевые слова: Евразийское пространство, Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), русский язык, русскоязычная экономика, мировой язык, миграционная политика, правовое регулирование.

RUSSIA IN THE MIGRATION EURASIAN SPACE: RUSSIAN AS A WORLD LANGUAGE

Yulia A. Voronova, lecturer, MGIMO University, Moscow (Russia).
E-mail: voronovaya@my.mgimo.ru

Maria A. Kapustina, PhD (Law), Associate Professor, University associated with IA EAEC, St.Petersburg (Russia). E-mail: mkapustina@list.ru

Abstract. Migration in the Eurasian space is included in the system of mutual relations between the countries of Greater Eurasia. Based on the analysis of materials on integration within the Eurasian community, the authors research the Russian language as the language of legal communication. There is the conclusion in the article that the Russian language harmonizes Eurasian integration, ensures its legal certainty, unites people and strengthens migration bridges in Eurasia.

Keywords: Eurasian space, Eurasian Economic Union (EAEU), Russian language, Russian-speaking economy, world language, migration policy, legal regulation.

Русский как язык общения в Евразийском пространстве: актуальность вопроса, исследовательские методы. Обсуждение современного миграционного пространства Евразии и значения в нём России неразрывно связано с вопросом о том, на каком языке происходит общение, взаимодействие участников миграционных процессов и отношений? Можно ли сегодня рассматривать русский в качестве языка Евразийской интеграции, в качестве мирового языка?

«Повелитель многих языков, язык российский, не только обширностью мест, где он господствует, но вместе и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе! – Всем благоденствует!», писал в 1755 году М.В.Ломоносов.

В 1934 году А.Н. Толстой написал: «Русский язык должен стать мировым языком. Настанет время, и оно не за горами, и русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара».

Языки, считающиеся мировыми, обладают определенными признаками: престиж языка, глобальность распространения, язык массовой коммуникации, согласие принять этот язык как

мировой. Мировые языки охватывают различные международные сферы – экономику, мировую торговлю, культуру, науку, дипломатию. На русском языке проводятся международные научные конференции и общаются ученые разных стран. Русский изучается в качестве «инострannого языка» как обязательный предмет в школах и вузах большинства стран мира. Русский язык используется в качестве средства международного общения, в сфере международных отношений. Официальными языками Организации Объединенных Наций (ООН) являются русский, английский, арабский, испанский, китайский и французский, в том числе на русском языке написаны важнейшие международные договоры и соглашения.

Исследование вопросов о том, каково значение России и русского языка в современном миграционном Евразийском пространстве основано на анализе эмпирических данных, на комплексном структурно-функциональном анализе Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы и на правовых источниках ЕАЭС, на обобщении, сравнении, социологических исследованиях, использовании формально-логических приемов и специально-юридическом методе толкования юридических предписаний и правоприменительных актов. Метод телеологической, политической интерпретации правовых документов, мониторинг судебной практики, в частности в сфере административного судопроизводства в отношении граждан государств-членов Евразийского экономического Союза. Анализ научной литературы и средств массовой информации позволили обосновать значение русского языка как мирового языка, обеспечивающего миграционную политику российского государства в Евразийском пространстве.

Миграционное Евразийское пространство формировалось постепенно на протяжении столетий. История Российского государства и в имперский период, и в эпоху советской власти неразрывно связана с перемещением населения. Миграция включена во все внутренние социальные процессы и взаимоотношения межгосударственного порядка. Русские переселялись на окраины Российской Империи, затем – в республики Советского союза. Причины были разными, но, судя по данным, представленным в научных исследованиях, в основном – экономическими. Так, например, интенсивное переселение русских из РСФСР в другие союзные республики в предвоенные годы определялось индустриализацией экономики СССР [9]. В наши дни на консульском учете за рубежом состоит более 2 млн. граждан Российской Федерации, около 60 тыс. российских граждан каждый год выезжает на работу за границу [14]. Сегодня процессы миграции также обусловлены, главным образом, экономическими факторами [10]. В Евразийском пространстве миграционная привлекательность России связана с учреждением Евразийского экономического союза. Только за первое полугодие 2019 г. численность граждан государств-членов ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия), въехавших в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности, составила более 444 тыс. граждан [13].

Миграционное Евразийское пространство: концепция российской миграционной политики. Русский как мировой язык, укрепляющий миграционные мосты в Евразии.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации. Миграционные процессы в Евразийском пространстве актуализируют проблематику русского языка при его использовании как мирового языка, обеспечивающего взаимовыгодное сотрудничество и возможность вести конст-

руктивный диалог в миграционном Евразийском пространстве. Необходимо учитывать интеграционные процессы в Евразии и в мире в целом, формирование международных интеграционных образований, ЕАЭС в первую очередь [7]. Цели, задачи и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции концептуально обоснованы и нормативно закреплены в Указе Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (далее – Концепция государственной миграционной политики, 2018 г.). Данный Указ Президента служит юридико-концептуальной основой современной правовой политики Российской Федерации в сфере миграционных отношений. Надо сказать, первая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года была утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. (далее – первая Концепция государственной миграционной политики, 2012 г.) и утратила силу на основании Указа Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Эта Концепция 2012 г. в правовом смысле не являлась нормативным актом, не была включена в систему законодательного регулирования отношений в сфере миграции населения, имела форму организационно-распорядительного документа и не была официально опубликована в собрании законодательства Российской Федерации.

Действующая же Концепция государственной миграционной политики (2018 г.) является нормативным правовым актом, включена в систему правового регулирования миграционных отношений в качестве источника российского права. Как свидетельствуют результаты мониторинга судебной практики за 2019 г., суды, принимая решения по административным делам, ссылаются на положения Концепции государственной мигра-

ционной политики 2018 г. как на источник российского права (см., например, Решение Петрозаводского городского суда от 20 августа 2019 г. по делу № 2а-6221/2019, Определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-петербургского городского суда от 24 апреля 2019 г. по делу № 33а-7782/2019, Определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-петербургского городского суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 33а-6297/2019 и др.). Так, рассматривая дела о правомерности разрешения или запрета на въезд в Российскую Федерацию гражданину государства-члена ЕАЭС, суды применяют, в частности, пункты 14, 15, 26 Концепции государственной миграционной политики 2018 г. Согласно указанным пунктам, целью миграционной политики является в том числе поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, защита и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Миграционная привлекательность Российской Федерации: русский как язык правового общения в Евразийском пространстве. Утверждение Указом Президента РФ новой Концепции государственной миграционной политики (2018 г.) было вызвано необходимостью актуализации целей, задач, направлений деятельности в сфере миграции населения [12]. Концептуальное обоснование современной миграционной политики опирается на анализ практики регулирования миграционных процессов [2], национальных и всемирных проблем миграции в условиях размывания традиционных различий Востока и Запада, Европы и Азии [5]. За период действия первой Концепции государственной миграционной политики (2012 г.) в Российской Федерации была усовершенствована

система правового регулирования отношений в миграционной сфере. Так были определены и стали применяться дифференцированные требования к уровню знаний русского языка, необходимых иностранным гражданам для осуществления трудовой деятельности на территории России, получения разрешения на временное проживание и вида на жительство, упрощены правила приема в российское гражданство иностранных граждан, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями или выпускниками российских образовательных организаций [14].

Согласно, Концепции государственной миграционной политики (2018 г.), обеспечение взаимных интересов государств-членов Евразийского экономического союза – одно из направлений международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции. При этом миграционная привлекательность России для граждан государств-членов ЕАЭС, въезжающих в Российскую Федерацию с целью осуществления трудовой деятельности [6], должна рассматриваться в системном контексте национальных интересов России, а не только с экономической точки зрения. Миграционная политика концептуально определена в качестве вспомогательного инструмента для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем [13]. Россия поднимается в рейтинге экономик Всемирного банка [7]. Государства Евразийского пространства заинтересованы в культурном, научном, промышленном потенциале России и стремятся попасть в зону её экономических интересов. Под русскоязычной экономикой понимается совокупность экономических институтов и экономических отношений, использующих русский язык, который является основным интеграционным фактором, а движущей их силой – удовлетворение потребностей русскоязычного населения и туристов,

экономические связи с Россией. Эта экономика функционирует и развивается благодаря активным экономическим связям с Россией, в том числе обслуживает туристические потоки, торгово-экономические отношения и торговлю [11]. Страны Евразии сотрудничают с Россией в сферах экономики, науки, безопасности и в направлении формирования единого экономического, культурного, образовательного и информационного пространства.

Русский как мировой язык: Россия в Евразийском и международном пространстве миграционных процессов. В связи с развитием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на этот союз стали обращать внимание другие страны, например, Турция и Иран. Россия была одним из инициаторов создания БРИКС (BRICS) в рамках Петербургского экономического форума. В эту организацию вошли пять быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика и ежегодно проводятся встречи, поочередно в этих странах.

Как показывают результаты экономического форума (саммит Россия – Африка в Сочи) в последнее время наблюдается мировая тенденция к усилению интереса к России с точки зрения международной безопасности, успешное участие России в борьбе с международным терроризмом, в том числе на африканском континенте [4]. Проводятся совместные культурные обмены и мероприятия, расширяется сотрудничество в разных областях и укрепляются российские отношения с другими странами. 2019 год объявлен «перекрёстным» Годом культуры и туризма России и Турции. Организация Объединённых Наций объявила год знаменитой периодической таблицы русского ученого Д.И. Менделеева в честь заслуг перед ми-

ровой наукой, со дня открытия периодического закона важнейшего для химии и смежных с ней наук прошло 150 лет.

Филолог Виталий Костомаров утверждал, что «распространение русского языка в качестве "мирового", то есть в качестве языка широкого международного употребления, сопряжено с неуклонным ростом авторитета СССР в современном мире, глубоким интересом народов к опыту строительства социализма, к советской экономике, политике, науке и технике, к коммунистической идеологии. Русский язык вошел в "клуб мировых" не просто как нейтральный член, заслуживший это право своими достоинствами, равными достоинствам других наиболее развитых языков человечества, но как первоисточник общественно-политических идей социализма, мира и сотрудничества. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, определяющее перспективы будущего исторического развития, конъюнктурно весьма неоднозначно сказывается на функционировании русского языка, на его укоренении в разных социально-экономических и политических системах» [3].

Русский язык стал общепризнанным мировым языком с середины XX века. В 1967 году в Париже была создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), которая издает в нашей стране для зарубежных преподавателей русского языка и литературы журналы, методическую литературу, проводит среди школьников разных стран международные олимпиады по русскому языку. В языки народов мира многие слова русского языка вошли без перевода. Русский язык подарил миру такие слова, как балалайка, блин, боярин, верста, водка, гласность, изба, казак, кремль, квас, перестройка, самовар, сарафан, царь и др. На русском говорят во многих странах, на нескольких континентах и в разных культурных кругах. Литературный язык является выс-

шей формой русского языка и характеризуется системой норм, в создании которых важную роль сыграли русские писатели, учёные, общественные деятели. Это язык деловых документов, художественной литературы, публицистики, театра, науки. Русский язык важен для понимания культуры и системы интеграционных координат.

В определении состава мировых языков учитывается:

- авторитет, престиж, роль страны этого языка в истории и современности (русский язык – первый язык общения в космосе, его изучают более 180 миллионов человек на всех континентах планеты);

- глобальность распространения, число людей, говорящих на нем как в стране, где живут носители языка, так и за ее пределами. Утверждают, что русский язык является родным для 170 миллионов человек и 300 миллионов его понимают. Это государственный язык для 147 миллионов россиян, язык общения более 160 народов и национальностей России. Это средство общения для 15 миллионов приехавших в Россию мигрантов (данные постоянно меняются). Русский язык – это язык связи с Родиной для 30 миллионов соотечественников за рубежом;

- сформированность национального языка, обладающего длительной письменной традицией; установившиеся нормы, хорошо исследованные и описанные в грамматиках, словарях, учебниках (русский – язык Пушкина, Достоевского, Карамзина и Толстого, язык национальной гордости и достоинства). На русском языке создана величайшая художественная литература и культура, имеющая общечеловеческую значимость.

Русский язык – мировой язык, обеспечивающий формирование позитивных социальных связей в миграционном Евразийском пространстве: основные выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Положение России в миграционном Евразийском пространстве определяется многими факторами, которые должны учитываться в их системной взаимосвязи в миграционной политике Российского государства. Миграционная политика реализуется на правовой основе. Концепция государственной миграционной политики утверждена главой российского государства и нормативно закреплена в российском законодательстве – Указе Президента РФ. Эффективность российской миграционной политики в современной Евразии связана с информированием граждан о юридических правилах, законодательных требованиях, с процессами социокультурной адаптации мигрантов, формированием позитивных социальных связей между представителями разных народов, этнических групп, религиозных конфессий. Важнейшим инструментом здесь, с объективной необходимостью, выступает язык общения. И в Евразийском пространстве таким языком следует признать русский язык.

Сегодня наблюдается укрепление позиций русского языка, повышение его международного престижа, продвижение проектов на русском языке на межнациональном уровне [2]. Русский как мировой язык является послом России в мире. Русский язык в качестве мирового представляется во всём его стилистическом и культурном разнообразии. Русский язык как мировой в качестве инструмента общения выступает в роли носителя информации международного уровня. Роль русского языка в миграционном Евразийском пространстве определяется заинтересованностью участников взаимоотношений в развитии интеграционных процессов в различных сферах деятельности на основе взаимопонимания между странами, народами, отдельными индивидами. При всём распространении английских слов и словосочетаний в политической, информационной, научной, экономической и других сферах жизнедеятельности

современного общества, языком правового общения стран Большой Евразии становится русский язык. Русский язык гармонизирует Евразийскую интеграцию. Он обеспечивает её правовую определенность, он объединяет людей и укрепляет миграционные мосты в Евразии.

Список литературы и источников:

1. Воробьева О.Д., Топилин А.В. Современная миграционная политика России: иллюзии и реальность // Социологические исследования. 2016. № 7 (387). С. 134–140.
2. Воронова Ю.А. Русский язык в парадигме современного образования // Международные коммуникации. 2018. № 2 (7). С. 7.
3. Всемирное пространство русского языка (В. Г. Костомаров) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st001.shtml>
4. В Сочи завершился саммит Россия – Африка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7043350>
5. Гаджиев К.С. Новая "великая трансформация"? // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 75–86.
6. Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском регионе: попытка приблизиться к свободе передвижения работников? // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 4. С. 595–610.
7. Капустина М.А. Нормативно-правовое регулирование: формальная определенность правоустановлений в условиях интеграции в Евразийском пространстве// Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 133–136.
8. Россия поднялась в рейтинге экономик Всемирного банка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/07/2018/5b4754d19a7947194c1d48f1>
9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 106–116.
10. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Лукьянец А.С., Сивоплясова С.Ю., Храмова М.Н. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Том 62. № 6. С. 93–107.
11. Рязанцев С. В. Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 66–72.

12. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию// Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.

13. Статистические данные: Сведения о численности трудящихся. Сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx/

14. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Собрание законодательства Российской Федерации, № 45, 05.11.2018, ст.6917.

MULTICULTURAL SOCIALIZATION OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF FAMILY AND EDUCATIONAL PRACTICES: THE CASE OF THE NETHERLANDS

Iuliia E. Pletneva, Junior Researcher, Institute of Socio-Political Research of RAS, Moscow (Russia). E-mail: julpletneva@yandex.ru

Abstract. Attitudes towards immigrants have become the central issue in many European countries. The establishment of good relationship between majority and minority members is an important element of development of the counties since their population is becoming more ethnically diverse. A lot of previous research focused on determinants and antecedents of positive attitudes towards ethnic minorities; however, only a few studies tried to investigate determinants of these attitudes in children. This study aims to examine predictors of children's attitudes towards ethnic minority members by investigating the link between multicultural socialization and attitudes towards ethnic minorities in 421 Dutch children.

Keywords: multicultural socialization, multicultural education, attitudes towards ethnic minorities, children.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: НА ПРИМЕРЕ НИДЕРЛАНДОВ

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: julpletneva@yandex.ru

Аннотация. Отношение к иммигрантам стало центральной проблемой во многих европейских странах. Установление хороших отношений между этническим большинством и меньшинством является важным элементом развития современных государств, поскольку их население становится все более этнически разнообразным. Многие предыдущие исследования были посвящены детерминантам позитивного отношения к этническим меньшинствам; однако только несколько пытались найти факторы, которые оказывают влияние на формирование этих установок у детей. Данное исследование направлено на изучение мультикультурной социализации в контексте семейных и образовательных практик у голландских подростков.

Ключевые слова: мультикультурная социализация, мультикультурное образование, отношение к этническим меньшинствам, дети.

Introduction. Attitudes towards out-group members among majority population are one of the most important elements of social inclusion and life satisfaction of ethnic minorities. It was found in a large body of research that attitudes towards immigrants have both direct effect on immigrants' well-being through perceived discrimination and hostility but also indirect one through its impact on political processes in the country [6, 18]. Attitudes of host population might also play significant role in the process of social and economic integration of ethnic minority members. Research that was conducted in 18 countries found discrimination against a particular ethnic group to be one of the factors which influence on labour market participation of immigrants. A lot of studies on anti-immigrant attitudes in Europe found evidence for rather high level of nationalism and resistance to immigrants [14]. Immigration is becoming a crucial issue in Western countries that is why nowadays one of the most important questions relates to the determinants of negative attitudes towards ethnic minorities.

Torney-Purta and colleagues [17] in their study in Germany, England and Denmark found the relatively high percentage of young people who reported negative attitudes towards immigrants. Furthermore, study among young immigrants in Germany, England, Norway, Sweden, France and the Netherlands also found support for high level of perceived discrimination from majority population [3]. Previous researches investigated the main antecedents and consequences of anti-immigrant attitudes among adult population (e.g. ethnic composition, inter-ethnic contacts) [9], but it was done to a lesser extent among preadolescents.

Young adolescence is viewed to be a crucial period for socialization when an individual learns the rules and adapt the norms that regulate behavior in the society [2]. Moreover, it was found that preadolescence (ages 10–14) is an important period for the establishment of group identities and intergroup attitudes [13], which is also characterized by strong preference for their own ethnic in-group [10]. Socialization theory argues that there are two forms of socialization: primary socialization which mean transfer of norms and values through family members and secondary socialization which involves institutions such as school, church, mass media etc. According to aging-stability hypothesis, attitudes which are formed during the adolescence remain unchangeable the whole life. Multicultural socialization is a form of socialization which aims to build up an understanding of the importance and value of ethnic diversity and to provide knowledge about minority groups' cultures and practices.

Thus, this research aims to investigate: what is the association between multicultural socialization and attitudes towards ethnic minorities among Dutch preadolescent students?

As ethnical composition in European countries is becoming more diverse, the same trend can be observed in the classrooms.

Schools in western countries have to face a challenge since cultural diversity may result in a growing intolerance among ethnic majority students towards immigrant children [3]. The school has been assumed to be an important socialization agent which contributes to development of inter-ethnic attitudes among preadolescents [4].

Multicultural education is a set of strategies which was developed to help teacher to promote ideas of ethnic equality, diversity and tolerance towards different ethnic groups. It involves specific study materials designed to provide more information about importance of different cultures. The main aim of multicultural education is to promote understanding of cultural differences and reducing prejudice and discrimination towards ethnic out-groups. Furthermore, according to Intergroup Contact Theory contact with out-group member is considered to be an effective way to develop positive intergroup relations [11]. Multicultural education refers to Allport's [1] condition of institutional support which provides consequences for positive contacts with out-group, which might increase positive attitudes towards the ethnic minorities. As schools and other educational institutions were found to be one of main stages for intergroup contacts, it is important to take them into account for development of multicultural society.

A recent study among pre-adolescents in the Netherlands revealed that educational practices play a significant role in establishing and developing positive inter-ethnic relations in the school context [19]. Moreover, it was found that not only curricula and materials used in education improves intergroup relations but also the way teachers are perceived to deal with ethnic exclusion and negative interethnic contacts.

Studies among majority group members confirmed that multicultural beliefs were negatively associated with prejudice and had positive effect on out-group attitudes. Verkuyten and colleagues

[24] reported that in case of majority group members, multiculturalism leads to less positive and thus more modest attitudes towards own ethnic group, which furthermore results in reducing feeling of dominant position in society. Moreover, multicultural initiatives provide less ethnocentric perspective from which people see their norm and traditions as not the only possible way to maintain culture. Another research in the Netherlands has reported that people who support multiculturalism are more likely to accept ethnic differences and have more positive attitudes towards ethnic minorities. It can be concluded that multicultural education has a strong impact on multicultural socialization of a child at school.

Thus, it is expected that stronger multicultural socialization at school will be positively associated with attitudes towards ethnic minorities (Hypothesis 1)

Previous studies suggest that egalitarianism is promoted in many families across different ethnic groups [5]. Most of researches about ethnic socialization focused on ethnic minority groups. Study among Mexican American children reveals that parental ethnic socialization had a significant effect on child's formation of ethnic knowledge.

Much less studies of majority group parent's ethnic socialization were done. In case of majority population ethnic socialization can be referred to promotion of tolerance towards ethnic minorities and multiculturalism. Hamm found color-blind perspectives to be one of the central ideas of child's socialization for White parents. A lot of White parents mentioned that they not only taught their children not to discriminate ethnic minority members but also encouraged inter-ethnic friendship. In addition in quantitative studies aimed to estimate egalitarianism at least two-third of parents with different ethnic backgrounds (including White, African American, Latino) were found to hold high level of egalitarian attitudes.

Previous studies found evidences that parents' influence on their children has important role in developing of attitudes [7]. Therefore, research conducted in the Netherlands among 2,174 respondents reported that family has a strong direct effect on the extent to which a person rejects or accepts same-sex marriages [8].

Thus, it is expected that stronger multicultural socialization at home will be positively associated with attitudes towards ethnic minorities (Hypothesis 2).

Data and method. Data were analyzed from survey among students from 38 primary school classes (grades 4–6) in different parts of the Netherlands among Dutch children and children with immigrant background (Turkish, Moroccans, Surinamese, Polish). Participants completed questionnaires in their classroom together with their classmates. For the purpose of this study only native Dutch participants are examined (according to their both parents' country of birth), thereby ethnic minority students were excluded from the analysis. The final sample was 436. The age of participants ranged between 9 and 13 ($M = 10.47$, $SE = .96$) and it was equally gender distributed with 53% of females and 47% of males.

Attitudes towards ethnic minorities was measured with four items using smiley face scales to assess children's evaluations of different ethnic groups: "What do you think of Surinamese people" (1), "What do you think about Turkish people" (2), "What do you think about Moroccan people" (3), "What do you think about Polish people" (4). All answers ranges between "Very big smile" (1) and "Very big frown" (7). Scoring means were reversed for all items that the numerical scoring scale runs in the opposite direction, thus higher scores indicate more positive attitudes towards ethnic minority children. Analysis of reliability indicated high Cronbach's Alpha = .881.

Multicultural socialization at home was assessed with three items : “Do your parents ever say you should respect all cultures” (1), “Do your parents ever say you shouldn’t discriminate” (2), “Do your parents ever say all cultures are equal” (3). Answers were rated on a 5-point bipolar scale ranging from never (0) to very often (4). Analysis of reliability indicated high Cronbach’s Alpha = .858.

Multicultural socialization at school was measured with three items : “Do your teacher ever say you should respect all cultures” (1), “Do your teacher ever say you shouldn’t discriminate” (2), “Do your teacher ever say all cultures are equal” (3). Answers were rated on a 5-point bipolar scale ranging from never (0) to very often (4). Analysis of reliability indicated high Cronbach’s Alpha = .746.

Results. In order to investigate how multicultural socialization effects on positive attitudes towards ethnic minorities among Dutch children, structural equation model taking into account multilevel structure of the data was employed in Mplus with attitudes towards ethnic minorities as dependent variable, multiculturalism at home and multiculturalism at school as two independent variables, autochthony as mediator between both predictors and dependent variable. Both predictors were treated as within level variables and estimation of indirect effects of both predictors on the dependent variable was also included in the Mplus analysis.

It turned out that the direct effect of multicultural socialization at school was not significant, thus hypothesis 1 was not confirmed. Furthermore, in line with hypothesis 2, multicultural socialization at home was found to be strongly related to more positive attitudes towards ethnic minorities.

Conclusion. The present study aimed to investigate attitudes towards ethnic minorities among Dutch preadolescents by taking a closer look at its link with multicultural socialization. It was tested how two of the main agents of socialization, namely family and

school might contribute to the more positive feelings about ethnic minorities groups among children. Additionally, one of the focuses of current research was found whether multicultural socialization at school or at home has stronger influence on these attitudes. Moreover, the interest was on testing the mediating role of autochthony beliefs among children between their attitudes towards ethnic minorities and multicultural socialization.

In line with previous findings by Sinclair and colleagues [16], results of this study were consistent with hypothesis that multicultural socialization from parents is positively associated with attitudes towards ethnic minorities. Thus, children who often heard from their parents about the importance of cultural diversity and tolerance held more positive attitudes towards ethnic minorities' members. Furthermore, it was revealed that in line with expectations and previous findings [12] the second predictor multicultural socialization at school was also positively associated with attitudes towards ethnic minorities among Dutch preadolescents. However, the important condition of present findings is to test influence from family and teacher separately from each other in order to avoid possible multicollinearity between two predictors which might occur probably due to the fact that it is difficult for children distinguish between socialization from their parents and their teacher. Thus, when model included both predictors at the same time, multicultural education was revealed not to play a significant role in explaining attitudes towards ethnic minorities. It can be concluded that when children perceive high level of multicultural norm from their parents, multiculturalism from teacher cannot further improve attitudes towards ethnic minorities. In addition, multiculturalism at school was measured as a perception from individuals, thus it can highly vary across students even within one class with the same teacher. Therefore, the problem of multicollinearity can be solved by meas-

uring actual multicultural socialization in the classroom by aggregating perceived multicultural education on the classroom level. In this case, both predictors show significant positive impact on the attitudes towards ethnic minorities even being estimated within one model. Based on the results, it can be concluded that the problem of overlapping occurs when we measure perception of one concept from two separate agents among children because perceived norm from parents might neglect multicultural education in school. This is in line with findings of Zimmer-Gembeck & Locke [25] which revealed that parents had predominant influence over adolescents' socialization experience. At the same time results showed that teachers indeed often talk about tolerance and equality in the classroom.

Demographic characteristics such as age and gender were also included in the analyses. But only gender had significant impact to the model. Findings revealed that girls tend to hold less autochthony attitudes than boys; however, there is no gender difference in attitudes towards ethnic minorities in contrast with findings of Verkuyten and Thijs [23]. Furthermore, age was not found to be significantly associated with any variable that might be explained by a small range across ages of participants.

However, this study as well comprises several limitations and implication for future research. First, the data was collected in the classroom, and analysis revealed high variation on the classroom level, thus more second level variables should be included in the analysis. The focus of present research was to test parents' and teachers' influence on inter-ethnic attitudes of children, however, for the future research, I would propose to take into account ethnic diversity in the classroom as real contact was found to have a very important effect on attitudes towards ethnic minorities [15]. In addition, it can be suggested to use other mediators for the relationship

between multicultural socialization and attitudes towards ethnic minorities rather than autochthony. Moreover, it can be assumed that considering attitudes towards ethnic minorities and autochthony raises question about causality of the relationship, since that relationship may work in both directions: positive attitudes towards ethnic minorities can be a predictor of lower autochthony.

In conclusion, this research shows that both school and family are important agencies of socialization which has strong influence on their children's interethnic attitudes. By distinguishing between multicultural socialization from family and school, the study sheds light into the process of adapting multicultural norms by early adolescents. Furthermore, finding confirmed that transition of multicultural norms directly improves attitudes towards ethnic minorities' members.

References and Sources

1. Allport G. W. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley. – 1954.
2. Alsaker F. D. Is puberty a critical period for socialization? // Journal of Adolescence. – 1995. – Vol. 18. – No. 4. – Pp. 427–444.
3. Berry J. W. et al. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // Applied psychology. – 2006. – Vol. 55. – No. 3. – Pp. 303–332.
4. Gniewosz B., Noack P. Classroom climate indicators and attitudes towards foreigners // Journal of adolescence. – 2008. – Vol. 31. – No. 5. – Pp. 609–624.
5. Hamm J. V. Barriers and bridges to positive cross-ethnic relations: African American and White parent socialization beliefs and practices // Youth & Society. – 2001. – Vol. 33. – No. 1. – Pp. 62–98.
6. Jasinskaja-Lahti I. et al. Perceived discrimination, social support networks, and psychological well-being among three immigrant groups // Journal of cross-cultural psychology. – 2006. – Vol. 37. – No. 3. – Pp. 293–311.
7. Kulik L. The impact of social background on gender-role ideology: Parents' versus children's attitudes // Journal of Family Issues. – 2002. – Vol. 23. – No. 1. – Pp. 53–73.

8. Lubbers M., Jaspers E., Ultee W. Primary and secondary socialization impacts on support for same-sex marriage after legalization in the Netherlands // *Journal of Family Issues*. – 2009. – Vol. 30. – No. 12. – Pp. 1714–1745.
9. Mayda A. M. Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants // *The review of Economics and Statistics*. – 2006. – Vol. 88. – No. 3. – Pp. 510–530.
10. Nesdale D. Developmental changes in children's ethnic preferences and social cognitions // *Journal of Applied Developmental Psychology*. – 1999. – Vol. 20. – No. 4. – Pp. 501–519.
11. Pettigrew T. F. Intergroup contact theory // *Annual review of psychology*. – 1998. – Vol. 49. – No. 1. – Pp. 65–85.
12. Richeson J. A., Nussbaum R. J. The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2004. – Vol. 40. – No. 3. – Pp. 417–423.
13. Ruble D. N. et al. The development of a sense of “we”: The emergence and implications of children’s collective identity / In: *The development of the social self*. – Psychology Press, 2004. – Pp. 43–90.
14. Scheepers P., Gijsberts M., Coenders M. Ethnic exclusionism in European countries. Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat // *European sociological review*. – 2002. – Vol. 18. – No. 1. – Pp. 17–34.
15. Schlueter E., Scheepers P. The relationship between outgroup size and anti-outgroup attitudes: A theoretical synthesis and empirical test of group threat-and intergroup contact theory // *Social Science Research*. – 2010. – Vol. 39. – No. 2. – Pp. 285–295.
16. Sinclair S., Dunn E., Lowery B. The relationship between parental racial attitudes and children’s implicit prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2005. – Vol. 41. – No. 3. – Pp. 283–289.
17. Torney-Purta J. et al. *Citizenship and education in twenty-eight countries: Civic knowledge and engagement at age fourteen*. – IEA Secretariat, Herengracht 487, 1017 BT, Amsterdam, The Netherlands, 2001.
18. Van der Brug W., Fennema M., Tillie J. Anti-immigrant parties in Europe: Ideological or protest vote? // *European Journal of Political Research*. – 2000. – Vol. 37. – No. 1. – Pp. 77–102.
19. Verkuyten M., Thijs J. Ethnic and gender bias among Dutch and Turkish children in late childhood: The role of social context // *Infant and Child Development: An International Journal of Research and Practice*. – 2001. – Vol. 10. – No. 4. – Pp. 203–217.
20. Verkuyten M., Thijs J. Ethnic minority labeling, multiculturalism, and the attitude of majority group members // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2010. – Vol. 29. – No. 4. – Pp. 467–477.

21. Torney-Purta, J., Lehmann, R., Oswald, H., & Schulz, W. (2001). Citizenship and education in twenty-eight countries: Civic knowledge and engagement at age fourteen. IEA Secretariat, Herengracht 487, 1017 BT, Amsterdam, The Netherlands.
22. Van der Brug, W., Fennema, M., & Tillie, J. (2000). Anti-immigrant parties in Europe: Ideological or protest vote? // *European Journal of Political Research*, 37(1), p. 77–102.
23. Verkuyten, M., & Thijs, J. (2001). Ethnic and gender bias among Dutch and Turkish children in late childhood: The role of social context. // *Infant and Child Development*, 10(4), p. 203–217.
24. Verkuyten, M., & Thijs, J. (2010). Ethnic minority labeling, multiculturalism, and the attitude of majority group members // *Journal of Language and Social Psychology*.
25. Zimmer-Gembeck M. J., Locke E. M. The socialization of adolescent coping behaviours: Relationships with families and teachers // *Journal of adolescence*. – 2007. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 1–16.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РАМКАХ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЕАЭС

Ратушняк Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и ВЭД им. И.Н. Герчиковой, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: helenarat88@gmail.com

Батальщикова Ирина Петровна, соискатель кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: irin1986@list.ru

Аннотация. Вопросы социального обеспечения в развитии экономики ЕАЭС являются ключевыми, так как выступают индикаторами качества жизни населения. Среди целей создания ЕАЭС обозначена необходимость обеспечения условий для стабильного развития экономик стран-участниц в интересах повышения жизненного уровня их населения, что обуславливает актуальность исследования вопросов развития социального обеспечения. В результате определено, что в рамках развития единого экономического пространства в ЕАЭС отсутствует единый подход к регулированию вопросов социального обеспечения. Сравнительный анализ условий социального обеспечения стран ЕАЭС позволил выделить основные центры притяжения трудовых мигрантов – Беларусь, Россия и Казахстан – по таким критериям, как взносы на обязательное социальное страхование за счет работодателя, наличие обязательного медицинского страхования, в целом высокий уровень социального обеспечения и социальной защищенности граждан. Кроме того, определено, что в основном страны-члены ЕАЭС обладают одинаковым набором условий в сфере социального обеспечения, различающихся содержанием. В этой связи в работе обозначена необходимость для повышения эффективности функционирования системы социального обеспечения на пространстве ЕАЭС, выработки современных механизмов выравнивания всех показателей, характеризующих социальную сферу, на базе приведения их к единому

стандарту и условиям предоставления мер социальной поддержки.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, миграционная политика, социальное страхование, трудовая миграция.

PUBLIC RELIEF IN THE LABOR MIGRATION PROCESS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Elena S. Ratushnyak, PhD in Economics, senior lector, the Department of management, marketing and foreign economic activity named after I.N. Gerchikova, MGIMO University, (Moscow, Russia). E-mail: helenarat88@gmail.com

Irina P. Batalshchikova, competitor, the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: irin1986@list.ru

Abstract. Public relief in the process of the Eurasian Economic Union development is a key one, as it indicates the living standard. One of the main Eurasian Economic Union creation aims is the necessity to ensure all the conditions for the stable economic development to improve the living standards. It determines the study relevance. As a result, it was found out that under the conditions of a single economic space development process in the Eurasian Economic Union, a single approach to the public relief regulation has been absent yet. A comparative analysis of the public relief conditions in the Eurasian Economic Union made it possible to identify the main centers of attraction for labor migrants, such countries as Belarus, Russia and Kazakhstan. This statement made on the base of using various criteria, such as contributions to compulsory social insurance, the compulsory medical insurance availability, and a public relief high level as a whole, and public social protection conditions. In addition, it was determined that the Eurasian Economic Union member countries have the same set of social security conditions, which differ in content. In

this regard, there is the necessity to improve the efficiency of the public relief functioning system in the Eurasian Economic Union to develop modern mechanisms for aligning all indicators to a single standard.

Keywords: Eurasian Economic Union, integration, migration policy, social insurance, labor migration.

Введение. В современных условиях развития процессов глобализации и интеграции на политической карте мира появляются все новые объединения, одним из таких интеграционных объединений является созданный в январе 2015 года Евразийский Экономический Союз (далее – ЕАЭС). ЕАЭС – это новый этап развития экономического сотрудничества постсоветских стран, в рамках которого осуществляется выработка единых подходов и механизмов развития экономики. Развитие текущего этапа интеграции стран ЕАЭС, единого экономического пространства, предполагает свободное передвижение внутри интеграционного объединения одной из четырех свобод – рабочей силы – и разработки общей политики в сфере трудовой миграции и социального обеспечения.

Актуальность исследования заключается в том, что ЕАЭС – проект, прежде всего, экономической интеграции, в котором отводится важное место функционированию единого рынка труда и занятости, разработке эффективной миграционной политики, где социальное обеспечение трудящихся граждан стран-членов ЕАЭС выступает важным фактором эффективного экономического функционирования интеграционного объединения в целом. Исследование интеграции социальных систем стран-реципиентов в общую систему ЕАЭС является одной из приоритетных задач данного интеграционного объединения и подлежит многостороннему анализу.

В зарубежной литературе вопросам трудовой миграции уделяется значительное внимание. Выявлено, что трудовая миграция является одним из главных факторов развития рынка труда [Tarasyev, Jabbar, 2018]. «Избыток» миграционных потоков имеет негативные последствия для стран-доноров в контексте потерь в результате пересылки заработка эмигранта и сокращения числа рекрутинговых агентств [Theoharides, 2018]. В рамках развития интеграции ЕС широко исследуются вопросы влияния трудовой миграции на пенсионную систему стран ЕС [Joon Han, 2013].

Вопросы внутренней миграции широко исследуются на примере Китая, где выявлено отсутствие эластичности замещения в рабочих местах между мигрантами и жителями города ввиду наличия ограничений в вопросах регистрации по месту жительства [Hana, Li, 2017].

Развитие интеграции ЕАЭС в российской научной литературе уделяется значительное внимание, в том числе и вопросам возникновения торговых эффектов Таможенного союза ЕврАзЭС до образования международной организации ЕАЭС [Ратушняк, 2011].

В российской литературе широко исследуются правовые основы функционирования рынка труда [Гаева, 2019; Иванчак, 2015; Исакова, 2018]. Основная роль в формировании единого рынка труда ЕАЭС отводится именно правовым аспектам и описанию ключевых проблем создания единого рынка.

К текущему моменту времени в научной литературе отсутствуют работы, посвященные анализу содержательной части политики социального обеспечения стран-участниц ЕАЭС. Изучение социальной политики стран-участниц ЕАЭС представляется необходимым с точки зрения выработки дальнейших механизмов обеспечения условий для свободного пере-

мещения трудовых ресурсов в рамках единого экономического пространства.

Цель исследования – проанализировать современные условия социального обеспечения в рамках развития сотрудничества стран ЕАЭС в области трудовой миграции и выделить страны с наиболее благоприятными условиями.

Исследовательские вопросы:

1) Какие ключевые положения по развитию сотрудничества в области трудовой миграции ЕАЭС определены в рамках развития интеграции?

2) Какие особенности социального обеспечения существуют в ЕАЭС?

Методология исследования. Исследование осуществлялось на основе институционального анализа развития миграционной политики ЕАЭС, в рамках которого одним из ключевых «внутренних» факторов эффективного использования трудовых ресурсов в рамках углубления интеграции на этапе развития единого экономического пространства определено социальное обеспечение трудящихся. Данная сфера регулируется на национальном уровне стран-участниц, однако имеет влияние на эффективность деятельности интеграционного объединения в целом, поэтому определено в работе как «внутренний» фактор развития рынка труда.

Общие вопросы трудовой миграции определены международным договором в ЕАЭС – регулируются на наднациональном уровне, в связи с чем, вопросы перемещения трудовых ресурсов через национальные границы стран-участниц выделены как внешние факторы развития рынка труда.

Метод синектики и аналогии использован при выявлении ключевых особенностей в развитии трудовой миграции ЕАЭС.

Сравнения условий социального обеспечения стран-участниц ЕАЭС осуществлено на основе контентного анализа нормативной базы и компаративного анализа условий социального обеспечения.

Статистические методы и методы графического представления данных использованы для количественной оценки результатов трудовой миграции в ЕАЭС, а также для определения степени наиболее благоприятных стран с точки зрения политики социального обеспечения.

Результаты исследования. Качественно новый уровень развития сотрудничества стран ЕАЭС в области трудовой миграции отражен в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (раздел XXVI) [1].

Основные формы сотрудничества стран ЕАЭС в сфере трудовой миграции представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Современные формы сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в области трудовой миграции.

Свободное перемещение трудовых ресурсов внутри ЕАЭС не требует получения разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства, подразумевает

признание документов об образовании без проведения установленных процедур признания, за исключением таких сфер деятельности, как педагогическая, юридическая, медицинская или фармацевтическая, где установленные процедуры признания требуются.

В ЕАЭС работодатели и заказчики работ имеют право запросить нотариальный перевод документов об образовании на язык государства трудоустройства, а также в случае необходимости в целях верификации документов об образовании направлять запросы, в том числе путем обращения к информационным базам данных, в образовательные организации, которые выдали соответствующий документ об образовании, и получать соответствующие ответы.

При этом граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-участника ЕАЭС, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда. Обязанность по регистрации возникает лишь по истечению указанного срока на период действия заключенного трудящимся трудового или гражданско-правового договора.

Граждане одного государства-члена ЕАЭС при пересечении границы другого государства-члена по одному из действительных документов, допускающему проставление отметок органов пограничного контроля о пересечении государственной границы (например, загранпаспорт), не заполняют миграционные карты.

Эта норма действует при условии, что срок их пребывания не будет превышать 30 суток. Отметка о пересечении границы проставляется непосредственно в сам документ.

В ЕАЭС достигнута договоренность о том, что вопросы пребывания без регистрации граждан государств-членов на территории ЕАЭС в течение 30 суток с даты въезда будут регулироваться двусторонними международными договорами. В настоящее время уже заключены такие соглашения между Правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан, Республики Беларусь и Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Армения, Российской Федерации и Кыргызской Республики. Так, граждане Беларуси и России могут находиться без регистрации на территории указанных стран до 90 суток с даты въезда.

Регулирование общих вопросов трудовой миграции на уровне ЕАЭС обуславливает необходимость гармонизации законодательства в области социального обеспечения. Поскольку разные условия социального обеспечения стран-участниц оказывают влияние на «географию» движения потоков трудовых ресурсов внутри ЕАЭС, с одной стороны, с другой – определяют «насыщенность» или «недостаточность» трудовых кадров в странах с наиболее слабыми системами социального обеспечения, создавая своего рода «перекосы» в распределении трудового потенциала на территории экономического пространства данного интеграционного объединения.

Сведения об общей численности граждан стран ЕАЭС, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за 2016 – 1 полугодие 2019 гг. представлены на рисунке 2.

Из рисунка 2 видно, что потоки трудовых ресурсов распределены в ЕАЭС неравномерно. В частности, наибольшее число въехавших лиц за 2018 год наблюдается в России и Казахстане. При этом из общего числа въехавших в Россию тру-

довых мигрантов около 40% приходится на граждан Киргизии, примерно 26% – из Армении, оставшиеся 34% практически поровну проходятся на Беларусь и Казахстан. В Казахстане структура общего числа въехавших следующая: около 72% – граждане России, примерно 16% – из Киргизии, оставшиеся 12% приходятся на Беларусь и Армению.

Рис.2. Сведения об общей численности граждан стран ЕАЭС, въехавших в страну с целью трудовой деятельности за период 2016–2019 гг.

Необходимо отметить, что показатели по числу въехавших отсутствуют у Кыргызстана, что объясняется слабым экономическим развитием страны, в том числе отсутствием условий, привлекающих граждан для осуществления трудовой деятельности.

Согласно общим положениям регулирования трудовой миграции в ЕАЭС социальное обеспечение (социальное страхование, за исключением пенсионного) трудящихся стран ЕАЭС и членов их семей осуществляется на тех же условиях и в

том же порядке, что и граждан государства трудоустройства (Таблица 1).

Таблица 1.

Вопросы социального обеспечения в ЕАЭС

Трудовой стаж	Засчитывается в общий трудовой (страховой) стаж для целей социального обеспечения (социального страхования), кроме пенсионного, согласно законодательству государства трудоустройства и учитывается при расчете пособий в другом государстве-участнике.
Пенсионное обеспечение	Регулируется законодательством государства постоянного проживания и отдельными международными договорами между странами-участницами ЕАЭС.
Налогообложение доходов	Подлежат налогообложению в соответствии с международными договорами и законодательством государства трудоустройства.

Источник: составлено авторами по официальным данным Евразийской экономической комиссии.

Сравнение условий социального обеспечения трудящихся в странах-участницах ЕАЭС представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Сравнение условий социального обеспечения стран-участниц ЕАЭС

Критерии сравнения условий социального обеспечения	Содержание условий социального обеспечения в распределении по странам-участницам ЕАЭС	
Пособие по временной нетрудоспособности	рассчитывается в размере 80% от среднемесячной заработной платы (прибыли) в соответствии с законом	Армения (с января 2015 года трудящиеся государственных членов имеют право на получение всех видов
Пособие по материнству	рассчитывается в размере 100% от среднемесячной заработной платы (прибыли) в	

	соответствии с законом	социального обеспечения (страхования)
отмена социальных выплат и их слияние с подоходным налогом в единый налог на доход	подоходный налог включает обязательные социальные выплаты и выплаты индивидуального социального страхования	
ОМС	Отсутствует (предоставляется на платной основе)	
уплата обязательных страховых взносов в государственный внебюджетный фонд социальной защиты населения Республики Беларусь на социальное страхование за граждан государств членов	право на пособия: - по временной нетрудоспособности (травма, болезнь, уход) и материнству (беременность и роды) на тех же условиях что и гражданам Республики Беларусь - семейные пособия (рождение ребенка, по уходу)	Беларусь (с января 2015 года трудящиеся государственных членов имеют право на получение всех видов социального обеспечения (страхования))
Взносы на обязательное соц.страхование за счет работодателя	— обязательное страхование на случай временной нетрудоспособности; — обязательное страхование в связи с материнством; — обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; — обязательное медицинское страхование. Дети трудящегося имеют право на: — посещение дошкольных учреждений; — получение образования.	
ОМС	Отсутствует (предоставляется на платной основе)	
Уплата обязательных страховых взносов на соц.обеспечение (страхование)	Виды страхования: на случай утраты трудоспособности; на случай потери дохода в связи с беременностью и родами; на случай по-	Казахстан (с 1 января 2015 года трудящиеся государственных членов имеют

	тери дохода в связи с усыновлением (удочерением) новорожденного ребенка (детей); от несчастных случаев на производстве	право на получение всех видов социального обеспечения (страхования)
Взносы на обязательное соц.страхование за счет работодателя	Размер социальных отчислений составляет 5% от расходов работодателя на выплату заработной платы	
Страхование работников от несчастных случаев	Обязательное страхование от несчастных случаев работодателем	
ОМС	Отсутствует	
Государственное социальное страхование за счет обязательных страховых взносов работодателей и граждан	Пенсионное обеспечение, ритуальное пособие (на погребение), компенсация затрат на обязательное медицинское страхование и финансирование мероприятий по оздоровлению застрахованных лиц и членов их семей, находящихся на иждивении.	Кыргызская Республика (с августа 2015 года трудящиеся госу-дарств-членов имеют право на получение всех видов социального обеспечения (страхования))
Уплата страховых взносов работодателем	Работодатели уплачивают страховые взносы ежемесячно в размере 17,5% от всех видов выплат, начисленных трудящимся.	
Пособия выплачиваются из собственных средств (доход или фонд оплаты труда) работодателя	выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам	
ОМС	есть	
Обязательное социальное страхование за счет работодателя	Виды пособий: по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности,	РФ (с 1 января 2015 года трудящиеся госу-дарств-членов имеют право на получение всех видов

	единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, социальное пособие на погребение	социального обеспечения (страхования)
Полис ОМС	Есть (с января 2017 г.)	

Источник: составлено авторами на основе данных о трудовой миграции и социальном обеспечении трудящихся в ЕАЭС: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf>

Из данных таблицы 2 видно, что государства-члены ЕАЭС максимально распространили права и обязанности граждан государств-членов, которые официально трудоустроены (как по трудовому договору, так и по гражданско-правовому) [5], на получение всех социальных льгот, медицинского обслуживания и зачета (страхового) стажа.

Однако наиболее благоприятные условия социального обеспечения трудящихся предоставлены не во всех странах-членах ЕАЭС. Крупные игроки региона (Россия, Белоруссия и Казахстан) обладают практически одинаковыми критериями социального обеспечения и защиты граждан стран-реципиентов. Главное, чем эти страны отличаются друг от друга – наличием системы обязательного медицинского страхования и ее доступностью для граждан стран-участниц ЕАЭС, что делает Российскую Федерацию наиболее привлекательной страной для трудовых мигрантов по уровню социального обеспечения.

Стоит отметить, что для трудящихся, въезжающих в страну-участницу ЕАЭС, существует преимущество относительно того, что дети трудящихся имеют право на посещение дошкольных образовательных учреждений и получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Кроме того, Договором о Евразийском экономическом

союзе от 29.05.2014 предусмотрена возможность оказания бесплатной скорой и медицинской помощи трудящимся и членам из семей независимо от наличия полиса обязательного медицинского страхования.

Однако в данной области существуют на текущем этапе определенные трудности, связанные с тем, что нет четкого понимания минимального стандарта медицинских услуг для трудящихся государств-членов ЕАЭС, что на практике может приводить к проблемам свободного доступа к определенным видам услуг.

Среди перспективных направлений развития миграции в ЕАЭС обозначены Евразийской экономической комиссией лишь те, которые облегчают «технический доступ» в страну въезда трудового мигранта: перспективное увеличение срока нахождения без регистрации граждан на территориях стран ЕАЭС до 90 суток, обеспечение приоритетного пересечения гражданами границ государств-членов, расширение перечня документов для въезда, выезда, передвижения и транзита через территории стран-участниц.

Выводы. 1) Особенности развития миграции в ЕАЭС: наличие двухуровневой системы регулирования, представленной международным договорам ЕАЭС и деятельностью ЕЭК и определения содержательной части миграционной политики на национальном уровне. Такое разграничение «обязанностей» свидетельствует об отсутствии условий для полноформатного функционирования единого экономического пространства в области перемещения трудовых ресурсов в ЕАЭС.

2) Неравномерное распределение числа трудящихся в ЕАЭС, где Россия и Казахстан являются странами с наибольшими показателями, тогда как Кыргызстан не представляет интерес для граждан с точки зрения условий осуществления

трудовой деятельности, обусловлено, прежде всего, наличием соответствующих условий социального обеспечения.

3) Обеспечение равных условий для трудящихся-мигрантов из государств-членов ЕАЭС и граждан-резидентов стран-участниц является основным направлением из ключевых, разработанных Евразийской экономической комиссией, для обеспечения эффективности экономической интеграции.

4) В ЕАЭС страны максимально приравнивали получение всех видов социального обеспечения трудящимися к национальным, что обуславливает необходимость более глубокой проработки данного направления и, возможно, принятие отдельного нормативного правового акта, закрепляющего правовой механизм предоставления медицинской помощи, мер социальной поддержки, общих для всех стран-членов ЕАЭС.

Список литературы и источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 08.05.2015), с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 01.10.2019).

2. Права трудящихся и членов их семей на получение медицинской помощи // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/kk/act/finpol/migration/social_security/Documents/права%20трудящихся%20и%20членов%20их%20семей%20на%20получение%20медицинской%20помощи.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

3. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. Сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).

4. Гаева А.С. Миграционные процессы на евразийском пространстве. «Россия и Современный мир». М.: Издат-во ИНИОН РАН, 2019. №1. С.207–221.

5. Иванчак А.И. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС // Право и управление XXI век. 2015. №3(36). С.84–90.
6. Исакова Л.В. Трудовая миграция в странах ЕАЭС: проблемы создания единого рынка труда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hypothesis-journal.ru/sites/default/files/2018-11-%5Barticles%5D/isakova-l-v-trudovaya-migraciya.pdf> (дата обращения: 25.10.2019).
7. Ратушняк Е.С. Предварительная оценка функционирования ТС в рамках ЕврАзЭС за период 2010–2011 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1. С.131–134.
8. Tarasyev A., Jabbar B. Dynamic Modeling of Labor Migration Impact on the Economic System Development // IFAC-PapersOnLine. 2018. Vol. 51. P. 407–412. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.418>
9. Theoharides C. The unintended consequences of migration policy on origin-country labor market decisions // Journal of Development Economics. 2018. Available online 7 August 2018, 102271. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.07.012>
10. Joon Han K. Saving public pensions: Labor migration effects on pension systems in European countries // The Social Science Journal. 2013. Vol. 50. P. 152–161. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2012.12.001>
11. Hana J., Li S. Internal migration and external benefit: The impact of labor migration on the wage structure in urban China // China Economic Review. 2017. Vol. 46. P. 67–86. [Electronic resource]. Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.07.008>

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Хорбаладзе Эка Левановна, магистр, Государственный университет управления, Москва (Россия). E-mail: eka.khorbaladze@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена перспективам миграции в рамках пространства Большой Евразии. Автором анализируются статистические данные стран-лидеров по количеству мигрантов в 2018 г., отмечаются основные причины миграций и последствия, которые формируют миграционные процессы на пространстве Большой Евразии. Также в статье обозначены основные проблемы, связанные с глобализацией миграционных потоков и возможные пути их решения.

Ключевые слова: миграция, Большая Евразия, движения трудовых ресурсов, трудовая миграция.

MIGRATION AS A FACTOR OF DEVELOPING COOPERATION IN THE SPACE OF GREATER EURASIA

Eka L. Khorbaladze, master, State University of Management, Moscow (Russia). E-mail: eka.khorbaladze@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the migration and prospects of developing cooperation in the space of Greater Eurasia. The author provided statistics on the number of migrants in 2018, gave the main causing reasons of these processes and noted the outcomes which forms migration in Greater Eurasia. There are also mentioned main problems in this sphere and conceivable ways of their solving.

Keywords: migration, Greater Eurasia, movement of labor resources, labor migration.

Согласно определению, миграция – любое территориальное перемещение населения связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью перемены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от притягивающих или выталкивающих факторов [1, с. 35].

Сам по себе мегапроект «Большая Евразия» – новый, а для его воплощения в жизнь необходимо формирование институтов, которые бы работали слаженно во благо населения региона, которое охватывает 105 стран (Европа – 48, Азия – 50, Северная Африка – 7) и отвечали бы его специфике. О создании нового наднационального органа типа ООН или ЕС, которому страны делегировали бы часть своего суверенитета, речь не идет. Базисом для координированной работы мегапроекта выступают уже существующие локальные цивилизации, различного типа объединения, в том числе интеграционные группировки, такие как: ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и т.д. Главное, что предстоит сделать – это скоординировать деятельность этих общностей, для эффективной работы системы в целом, которая должна будет включать налаженную работу ее подсистем, в том числе миграционную систему. Исходя из того, что подобная система пока не сформирована, можно констатировать, что на пространстве Большой Евразии нет и единой, налаженной системы, которая смогла бы отрегулировать миграционные процессы.

Для многих стран Большой Евразии особое значение приобретает изучение миграции в том плане, что данный фактор становится все более важным в процессе развития общества. Положение усложняется из-за отсутствия нужной стандартной информации систематизированных показателей по характеристике тенденции миграционных процессов. Данный процесс становится определенным условием для ускоренного экономического роста и создания новых рабочих мест, который, следовательно, оказывает существенное влияние на сложившиеся модели развития. В целом сохраняется стремление населения в поиске заработка и поддержания жизненного статуса. Это в свою очередь влияет на формирование современных политических систем многих государств.

Диалог на высоком уровне по вопросу миграции и развития в Большой Евразии, организованный Генеральной Ассамблеей Организации объединенных наций в 2006 году позволил сделать вывод, что международная миграция может внести вклад в национальное развитие стран. Данная инициатива способствовала повышению эффективности международных усилий, касающихся миграции, тем самым развивая сотрудничество между странами [2].

На рис. 1 представлены данные о численности международных мигрантов в странах Большой Евразии в 2018 г. Положительным влиянием миграционных процессов является территориальное разделение труда между странами Большой Евразии, и предусматривает такую концентрацию производства, которая способствует устойчивому обмену между странами-производителями товарами и услугами. Данный фактор обеспечивает наибольшие экономические выгоды. В итоге происходит международный обмен ценностями, которые были произведены на основе разделения труда. Подобный результат

может происходить также на основе международного перемещения трудовых ресурсов. В результате перемещения избыточных трудовых ресурсов возникает международная трудовая миграция. Это ведет к росту экономической активности и созданию большего числа рабочих мест. К тому же мигрантов в трудоспособном возрасте больше, чем коренных жителей, и первые обычно платят больше налогов, чем стоимость тех услуг, которые они получают от принимающих государств [3, с. 231].

Рис. 1. Страны-лидеры по количеству международных мигрантов в Большой Евразии

Так, в 2018-м году сумма денежных переводов в Большой Евразии составила 596 млрд. дол. США, из них 450 млрд. отправляются в развивающиеся страны. Денежные переводы переселенцев – это крупные потоки капитала, в 3 раза превышающие официальную помощь на цели развития, и это только 15 %

их доходов. Остальную часть (85 %) мигранты вкладывают в экономику страны пребывания [7].

Отрицательным влиянием миграционных процессов можно считать широкое распространение нелегальной занятости; недостатки системы статистического учета миграции; демпинг на рынке труда, приводящий к снижению заработной платы местных работников; рост безработицы среди местного населения; маргинализация менее квалифицированных работников; криминализация отдельных секторов рынка труда [5].

Весьма интенсивно миграционные процессы развиваются в ЕАЭС. Начав свою деятельность с 1 января 2015 г., к настоящему времени в сфере регулирования миграционных процессов достигнут значительный прогресс.

Так как рынок рабочей силы – это неотъемлемый элемент единого экономического пространства, важным направлением деятельности ЕАЭС стало регулирование внешней трудовой миграции. Специфика используемого при этом метода регулирования миграционных отношений заключается в наличии двухуровневого регулирования: регионального и национального.

Договор о Евразийском Экономическом Союзе существенно расширил права граждан государств-членов при осуществлении ими трудовой деятельности на территории Союза: был введён безвизовый режим въезда для граждан стран – членов Союза. Трудовым мигрантам из ЕАЭС предоставлена возможность работать не только по трудовому, но и по гражданско-правовому договору, что значительно расширяет возможности их трудоустройства. Вырабатываются общие подходы к регулированию трудовых отношений с участием мигрантов, ведется работа по вопросам предоставления соци-

ального обеспечения, зачета трудового (страхового) стажа и прочее [6].

На сегодняшний день на пространстве Большой Евразии не существует единой, налаженной и эффективно работающей системы, которая могла бы регулировать миграционные процессы. Если в рамках Евразийского экономического союза ситуация более-менее отрегулирована, что закрепляется несколькими договорами, подписанными странами-участницами, то в регионе Большой Евразии нет общих договоренностей, которые могли бы регулировать эти процессы. Это очевидно, так как сама концепция Большой Евразии – новая, и еще предстоит много работы для ее формирования и налаживания взаимодействия на всех уровнях и во всех областях.

Говоря об особенностях факторов, которые необходимо выделить в рамках анализа миграционных процессов в Большой Евразии, важно подчеркнуть, что здесь наблюдается доминирование трудовых миграционных потоков над долгосрочными, что вызвано, в основном, низким уровнем заработной платы в странах отбывания. В связи с этим, трудовая миграция становится гораздо интенсивней, чем долгосрочная [4].

Вторым важным фактором является неравномерность распределения и трудовых, и долгосрочных мигрантов. Если брать пример ЕАЭС, то основная часть мигрантов направляется в Россию из остальных четырех государств, между которыми обмен мигрантами либо отсутствует, либо весьма незначителен. Россия же выступает как центр миграционной подсистемы ЕАЭС, так и всей Евразийской миграционной системы.

Касательно ЕАЭС, резюмируя, можно сделать вывод: на сегодняшний день создан механизм управления трудовой миграцией, который пока сложно однозначно назвать эффективными, однако его положительное влияние уже сказывается на

социально-экономическом и демографическом состоянии стран участниц. Этот механизм упростил доступ мигрантов к национальным рынкам труда, повысил уровень социальной защищенности, и что очень важно – легализовал часть миграционных потоков через снятие барьеров по занятости и проживанию. Все это интенсифицировало миграционные обмены в рамках организации.

Стоит отметить и те проблемы, которые не позволяют назвать сложившуюся миграционную систему в рамках ЕАЭС однозначно эффективной. Наиболее актуальные из них: отсутствие совместных языковых программ и программ повышения квалификации, отсутствие информационных и инфраструктурных возможностей для набора трудовых мигрантов и начала трудоустройства еще на территории страны отправления и другие.

Проблемные моменты могут быть урегулированы посредством развития и углубления сотрудничества между странами-участницами союза в области миграции, в том числе для совместного решения ряда миграционных проблем и выработки концептуальных положений для принятия взаимовыгодных решений по формированию всеобщего рынка труда.

Для успешного осуществления мегапроекта «Большая Евразия» в целом, и налаженной миграционной системы в частности, необходимо выработать эффективные механизмы, которые будут отвечать специфике и функциям этого региона. К их числу можно отнести долгосрочное прогнозирование и программирование, которые поспособствуют решению узловых проблем, разработку стратегий и программ, которые будут нацелены на осуществление стратегических приоритетов, в том числе включающие консультирование научного сообщества в процессе выполнения этих задач, подготовку программ для по-

вышения квалификации кадров, которые будут участвовать в разработке совместных проектов, немаловажным представляется участие гражданского сообщества в перечисленных процессах, а также создание дорожных карт, в которых будет обозначен поэтапный, фундаментальный план по созданию целостной миграционной системы на пространстве Большой Евразии.

Список литературы и источников

1. Воробьёва О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной политики / В сб.: Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории РФ. Аналитический сборник совета Федерации ФС РФ. – 2016. – №9 (202). – С. 35.
2. Заяц О.В. Занятость населения и ее регулирование. Электронное издание. – Владивосток: Изд. Дальневосточного университета, 2013.
3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. Институт международного рабочего движения. М.: Наука, 2017. 231 с.
4. Статистика миграции: откуда и куда переселяются люди. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/>
5. Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030AD. Essays in Macro-Economic History. New York: Oxford University Press, 2007.
6. World Population Prospects. The 2015 Revision. Volume II: Demographic Profiles. New York: United Nations, 2015.
7. World Data Bank, World Development Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=worlddevelopment-indicators&preview=on>

ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МИГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, зам. директора Института социально-политических исследований РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Варгина Валерия Михайловна, студентка 2 курса бакалавриата, МГИМО МИД России, Москва (Россия). E-mail: valeria.vargina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются возможности внедрения информационных технологий в миграционную политику РФ. Проанализированы современные тенденции миграционного законодательства и оценены возможные перспективы внедрения новых механизмов работы с мигрантами.

Ключевые слова: российская миграционная политика, мигранты, информационные технологии, цели устойчивого развития.

IMPLEMENTATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES TO THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Marina N. Khramova, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the RAS, Associate Professor of the Department of demographic and migration policy, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Valeria M. Vargina, 2nd year student, MGIMO University, Moscow (Russia). E-mail: valeria.vargina@gmail.com

Abstract. The article discusses the possibility of implementation of information technology to the migration policy of the Russian Federation. The current trends of migration legislation are analyzed and the possible prospects of introducing new mechanisms for working with migrants are assessed.

Keywords: Russian migration policy, migrants, information technology, sustainable development goals.

Информационные технологии проникают во все сферы деятельности человека, качественно преобразуя не только нашу повседневную жизнь, но и характер взаимодействия людей в глобальном масштабе. Одной из целей устойчивого развития, закрепленной международным сообществом в 2015 году, является создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций.

Одним из устойчивых трендов последних десятилетий стало значимое увеличение масштабов миграций. Так, по оценкам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, на начало 2019 г. количество мигрантов по всему миру составило уже около 272 млн человек, по сравнению с 221 млн. в 2015 г. [1]. Причины и цели перемещения людей разнообразны. Одни принимают решение относительно смены места жительства исходя из экономических соображений или руководствуясь возможностями трудоустройства. Другие переезжают для воссоединения с семьей. Более того, на сегодняшний день мир сталкивается с массовым притоком мигрантов из стран с нестабильной политической ситуацией.

Положительный вклад мигрантов в обеспечение всеохватного роста и устойчивого развития был подтвержден странами при принятии Повестки в области устойчивого развития до 2030 г. [2]. Стоит отметить, что для дальнейшего расширения возможностей положительного влияния мигрантов на развитие принимающих стран и стран-доноров необходимо решить вопрос о регулировании миграционных потоков на государственном уровне. Механизмы государственного воздействия на данный процесс сегодня значительно отличается от ситуации даже несколько лет назад.

В первую очередь, проанализируем некоторые аспекты, связанные с основополагающим документом в сфере регулирования миграции в Российской Федерации – «Концепцию миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», принятую Указом Президента 31 октября 2018 г. Интересным фактом здесь является то, что в рамках расширения использования современных цифровых технологий в процессе реализации миграционной политики предполагается использование биометрической информации при осуществлении государственного контроля в сфере миграции [3].

В 2018 г. в Государственную Думу РФ было внесено предложение о внедрении системы электронных виз в части распространения упрощенного порядка въезда иностранных граждан через Государственную границу Российской Федерации. Летом 2019 г. Президент РФ В.В. Путин подписал указ о введении режима электронных виз. Таким образом, на сегодняшний день у граждан иностранных государств, перечень которых установлен Правительством РФ, есть возможность получения бесплатной электронной визы, для получения которой не требуется оформление документов, подтверждающих цель поездки в Российскую Федерацию. Более того, благодаря

внедрению данной технологии срок выдачи визы составляет не более четырех календарных дней с даты подачи заполненного заявления. Однако действительна данная виза при пересечении границы через пункты пропуска, расположенные на территории Дальневосточного федерального округа, Калининградской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области [4].

В рамках аналитического изучения миграционных процессов исследователи акцентируют внимание на внедрение количественных методов анализа информации о миграционных потоках при использовании инструментов обработки больших данных (big data) и искусственного интеллекта [5]. Несмотря на отсутствие доступа к данным других государств для более подробного изучения российскими исследователями влияния миграционных потоков на иностранные государства, такая площадка для интерактивного онлайн-взаимодействия между исследователями различных государств в процессе анализа данных о мигрантах позволяет получить более подробное представление о миграционной ситуации государств и спрогнозировать возможные изменения для принятия соответствующих мер уже на правительственном уровне.

Одним из наиболее весомых акторов, участвующих в регулировании миграционных потоков в глобальном масштабе является Международная организация по миграции. Несмотря на выполнение своих непосредственных функций, в 2017 г. данная организация создала портал «I am a migrant» (Я – мигрант) [6]. Данная программа функционирует при поддержке платформы целей устойчивого развития. Здесь можно найти реальные истории мигрантов практически со всех точек планеты, ознакомиться с мотивами, побудившими их изменить свое место жительства. Портал является еще одним успешным опытом по использованию современных технологий для распро-

странения информации о миграционных процессах и может служить вполне реальным ориентиром для мигрантов из многих стран в части их скорейшей адаптации в принимающем обществе на основе реальных жизненных практик других мигрантов. Программа призвана способствовать адаптации мигрантов, развитию волонтерских объединений для помощи мигрантам. Кроме того, портал помогает исследователям проанализировать цели, причины и истории мигрантов для дальнейшего использования данных при выработке политики как на государственном, так и межнациональном уровнях.

Говоря о возможных перспективах информатизации миграционной политики, в первую очередь стоит отметить возможное расширение использования электронных виз при пересечении государственной границы РФ. Более того, перспективным является использование новых механизмов анализа статистических данных, о которых говорилось ранее. Для упрощения адаптации мигрантов на территории государства возможно создание аналогичного «Я- мигрант» портала, где помимо историй мигрантов будет также содержаться информация о возможностях мигрантов на территории государства, основные нормативные правовые акты, интерактивная история РФ, а также раздел для записи на курсы русского языка.

Таким образом, анализируя последние изменения в миграционной политике в Российской Федерации, становится очевидным, что на сегодняшний день уже проведены ряд важных реформ в сфере миграционной политики. На законодательном уровне уже заложены основы для дальнейшего качественного изменения миграционной политики и внедрения информационных технологий. Однако стоит не забывать и о традиционных проблемах, вызванных оттоком трудовых ми-

грантов, в связи с турбулентной ситуацией в экономике – произошедшей девальвацией рубля, сокращением количества рабочих мест, практически нулевым ростом зарплат на фоне инфляции, а также в связи с отсутствием послаблений миграционного законодательства для иностранных граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации.

Список литературы и источников

1. International migrant stock 2019. Department of Economic and Social Affairs [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimatesmaps.asp?0t0>
2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года (A/70/L.1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>
3. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>
4. Владимир Путин поручил ввести электронные визы. Газета «Коммерсант». 17.06.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4003738>
5. Уварова Т.Б., Шемберко Л. В. Информационно-аналитическое обеспечение исследований современных миграционных процессов на евразийском пространстве: тенденции и прогнозы. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-analiticheskoe-obespechenie-issledovaniy-sovremennyh-migratsionnyh-protssessov-na-evraziyskom-prostranstve>
6. “I am a migrant” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iamamigrant.org>

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

Дмитриева Юлия Викторовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва (Россия). E-mail: julia9770@mail.ru

Аннотация. В статье определяется возможность применения новых технологий в миграционном управлении («миграционный менеджмент»), что позволит получить наибольший эффект от трудозатрат, при использовании новых инструментов в управлении процессом. Показано, что оптимизация и преобразование потока данных в управлении, сделает возможным отказаться от малоэффективных и устаревших инструментов, что создаст условия для облегчения работы в системе управления и повлияет на эффективность работы системы в целом. Обоснованы возможности применения новых технологий в управлении миграционными процессами, используя алгоритмы для исследования данных и извлечения из них осмысленной информации для предсказания будущих тенденций. Доказано, что применение новых технологий в анализе данных о миграции населения будет способствовать ускорению и высокой точности научных исследований в области миграции населения с использованием информации и связи как внутри научной области, так и между областями знаний.

Ключевые слова: управление миграцией, искусственный интеллект, большие данные, машинное обучение.

MANAGING MIGRATION PROCESSES WITH USING THE INTELLIGENT DATA ANALYSIS

Yulia V. Dmitrieva, PhD in Economics, Institute of social and economic studies of population of the RAS, Moscow (Russia). E-mail: julia9770@mail.ru

Abstract. The article defines the possibility of using new technologies in migration management ("migration management"), which will allow to obtain the greatest effect from labor costs, when using new tools in process management. It is shown that the optimization and transformation of the data flow in management will make it possible to abandon inefficient and outdated research tools and to create conditions for easier work in the management system and affect the efficiency of the system as a whole. The possibilities of applying new technologies in the process of migration management are based on using algorithms to study data and extract meaningful information from them to predict future trends. It is proved that the application of new technologies in the analysis of migration data will contribute to the acceleration and high accuracy of scientific research in the field of population migration, using information and links both within the scientific field and between areas of knowledge.

Keywords: migration management, artificial intelligence, big data, machine learning.

Управление миграционными процессами носит характер решения насущных проблем, с которыми мы сталкиваемся в ежедневных практиках. Однако эффективное управление любым процессом – это управление, направленное на поиск новых возможностей. Если мы направим поиск новых возможностей в сферу миграции, назовем это «миграционный менеджмент», то скорее всего получим и наибольший эффект

от наших трудозатрат, т.к. приобретем новые инструменты в управлении процессом. Оптимизация всех ресурсов в управлении сделает возможным отказаться от малоэффективных и устаревших инструментов и механизмов управления, по средствам вычленения или перенаправления ненужных действий со стороны системы управления. Таким образом, отказываясь от малоэффективных и устаревших инструментов управления, можно создать условия для облегчения работы в системе управления, что повлияет на эффективность работы системы в целом.

На первое место в эффективной системе управления любым процессом выходит маркетинг – управленческий процесс, который выявляет, предвидит и удовлетворяет требования потребителя (в данном случае государства) при соблюдении принципов эффективности и прибыльности (в данном случае от воспроизводственных процессов). Безусловно, любой процесс, и в первую очередь управление, требует постоянного совершенствования и использования знаний. Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы происходящие события в системе управления не определяли, что делать, что решить, что отложить, что принять – нужно предупреждать события и быть к ним готовым.

Прогнозирование миграционных процессов, предупреждение негативных последствий и явлений в этой сфере не только возможно, но и необходимо. Эффективность данного инструмента во многом будет зависеть от того, насколько руководству организации удастся систематизировать данные по процессу и преобразовать в инструмент, который способен сделать управление интеллектуально грамотным, качественным и, что самое важное, повысить скорость принятия решений. Миграционные процессы по своей динамичности – это

процессы, где изменения наступают быстро в зависимости от социально-экономической и политической обстановки в обществе, а управленческие решения вырабатываются годами. Поэтому применение новых технологий, а именно, современных программ и методов обработки данных, в процессе миграционного управления совершенно оправданно в условиях глобализации миграционных потоков.

В настоящее время для аналитического процесса используются программы статистической обработки данных, например, SPSS. Этот программный продукт предназначен для всех этапов аналитического процесса – планирования, сбора данных, доступа к данным и управления данными, анализа, создания отчетов и распространения результатов. SPSS позволяет проводить частотный анализ, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, кластерный анализ, факторный анализ, а также регрессионный анализ данных. Казалось бы, довольно эффективный продукт, лучшее программное обеспечение, позволяющее решить исследовательские задачи, используя статистические методы.

Однако, стремительное развитие технологий и постоянно увеличивающийся объем данных, которые необходимо анализировать, стали причиной радикальных изменений, хотя порой мы просто их не замечаем. Именно благодаря новым технологиям поисковая машина понимает, какие результаты показывать в ответ на ваш запрос в интернете.

«Большие данные» – этот термин получает все большее распространение и уже обозначает новую прикладную область, которая формируется на поиске способов быстрого анализа огромных объемов информации. Самым распространенным и перспективным подходом к анализу больших данных считается машинное обучение. Использование машинного обучения, на

наш взгляд, способно кардинально изменить систему подходов к анализу данных. Если статистические методы исследования предназначены для того, чтобы доказать связь между переменными или делать выводы из существующих данных. Тогда как машинное обучение способно составить максимально точный прогноз события, явления, процесса и т.п., используя огромные объемы разнородной информации. Еще одно существенное различие – статистический анализ данных использует описательный, исследовательский, причинный аспекты анализа, а машинное обучение фокусируется только на интеллектуальном моделировании. Другими словами, компьютер сможет найти в массивах данных изначально неизвестные взаимосвязи и закономерности. Статистические модели – это вероятностные модели, любой анализ начинается с предположения. Машинное обучение не привязано к вероятности и может использовать другие подходы к решению проблемы.

Другими словами, машинное обучение – это процесс, который обучает искусственный интеллект принимать правильные решения, т.е. компьютер должен не просто использовать составленный алгоритм, а сам обучаться решению поставленной задачи. Машинное обучение состоит из данных, признаков и алгоритмов. Безусловно, данные это самое важное в машинном обучении – каким бы не был используемый алгоритм, если данные не качественные, то и результат будет соответствующим. Здесь следует отметить, что с помощью машинного обучения мы можем анализировать изображения. Раньше это не мог сделать ни один компьютер. Сейчас компьютер может видеть и читать одновременно.

В настоящее время актуальной темой машинного обучения должна стать тема прогнозирования в области демографических явлений, миграционных процессов, что, безусловно,

будет являться эффективным и качественным инструментом управления. Например, у нас есть данные о 100 тыс. мигрантов в Москве, причем нам известна их возрастная, половая структура, национальный состав, причины нахождения на территории России, частота переездов с места на место, места выхода и входа мигрантов и т.п. Кроме того, у нас есть данные о количестве мигрантов. Нашей задачей будет построить модель, которая на основе данных признаков будет предсказывать количество мигрантов в будущем. Это пример решение задачи с «учителем», где есть данные по населению (возраст, пол, национальность и т.п.) и отклики (количество мигрантов). Мы сможем предвидеть рост или снижение миграционного потока заранее. Это позволит принимать грамотные и взвешенные решения далеко заранее грядущих событий, другими словами, мы будем способны их предотвратить или сделать так, чтобы это приносило государственный эффект. Такие задачи машинного обучения решаются с помощью «учителя». Можно привести и другие примеры: на основании показателей уровня образования мигрантов, определить какие качественные характеристики будут преобладать в том или ином миграционном потоке и т.п.

В целом задачи машинного обучения можно разделить на два вида – это задачи обучения с «учителем» и задачи обучения «без учителя» соответственно. Задачи, которые мы решаем с «учителем» (см. пример выше) – это когда у нас есть данные, на основании которых мы будем делать прогноз и есть некоторые гипотезы. Задачи, решаемые «без учителя» оснащены только данными, свойства которых мы и должны узнать.

Необходимо отметить, что самое сложное в данной области это собрать всю информацию в единое целое. С каждым днем объем информации растет и самый легкий способ рас-

крыть тему исследования полностью – это выбрать узкую область специализации, чтобы не потеряться в информационном потоке данных. Именно здесь на помощь приходит машинное обучение, которое способно обработать литературу в поисках нужной информации, а также найти связь между областями и внутри них.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в управлении миграционными процессами сделает возможным решать комплекс миграционных проблем России более эффективно и результативно, корректно выделяя приоритеты и формулируя текущие задачи, учитывая национальные, прежде всего, геополитические интересы страны в целом.

Список литературы и источников

1. Айвазян С. А., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: основы моделирования и первичная обработка данных. – М.: Финансы и статистика, 1983.
2. Эванс Б.: «Мы не до конца понимаем возможности машинного обучения». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/story/how-to-think-about-ml/>
3. Воронцов К. В. Математические методы обучение по прецедентам. М.: МФТИ, 2006.
4. Машинное обучение: как оно применяется в жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/mashinnoe-obuchenie/>
5. Машинное обучение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Machine_Learning
6. Что такое машинное обучение простыми словами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reg.ru/support/vps-servery/oblastnie-serveri-vps/usluga-oblastnyye-servery/chto-takoe-mashinnoe-obuchenie-prostymi-slovami>
7. Mitchell T. Machine Learning. – McGraw-Hill Science/Engineering/Math, 1997.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Зуева Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия). E-mail: dgastin@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает, какие перемены происходят в современных миграционных процессах под влиянием развития информационно-телекоммуникационных технологий. Что происходит с миграциологией в информационном обществе? Как изменилась миграционное передвижение с появлением социальных сетей? Как могут помочь информационные технологии в управлении миграционными процессами на государственном уровне?

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, миграция, социальные сети, цифровизация.

IMPACT OF DIGITALIZATION ON MIGRATION PROCESSES

Anna S. Zueva, PhD in Economics, Associate Professor, Lomonosov
Moscow State University, Moscow (Russia). E-mail: dgastin@mail.ru

Abstract. In the article the author considers how such demographic process as migration changes under the influence of development of information and telecommunication technologies. What is happening with migrationology in the information society? How has migration movement changed with the advent of social networks? How can information technologies help in the state management of migration flows?

Keywords: information society, information technologies, migration, social networks, digitalization.

В эпоху постиндустриального общества трансформируются все сферы жизни современного человека. С развитием информационных технологий, с распространением сети Интернет демографические процессы, в том числе и – миграционные, модифицируются.

Понятие «цифровизации» вошло в обиход в середине XX века. Остается малоизученным вопрос о влиянии информационных технологий на демографические процессы. В разрозненных околонуточных источниках встречаются тезисы о вреде, который наносит применение сети Интернет на установки женщин детородного возраста, что соответственно сказывается на снижении рождаемости. Часто в СМИ описывается, как применение социальных сетей помогает развитию незаконной миграции. Однако до сих пор отсутствует научное обоснование влияния информационного общества на демографию, что необходимо для формирования грамотной федеральной политики в сфере стимулирования рождаемости, сокращения смертности и контроля над потоками миграции населения.

С развитием социальных сетей население стало более подвижным. Именно через социальные сети мигранты и беженцы из стран Северной Африки, Южной Азии и Ближнего Востока координировали свои действия при переселении в Европу в 2015 году. За тот год в Европейский Союз прибыло по экспертным оценкам до 1,8 миллиона нелегальных мигрантов, по сравнению с 2014 годом миграционный прирост составил 643%, что вызвало европейский миграционный кризис [1].

Кроме того, актуализируется вопрос использования персональных данных, которые будут получены в рамках Всероссийской переписи населения 2020 года. Опыт США показывает, как можно использовать данные, полученные после переписи в коммерческих целях. Государство продает персо-

нальные данные рекламным агентствам, для повышения эффективности применения маркетинговых технологий. В России закон «О защите персональных данных» строго защищает информацию о гражданах от таких манипуляций. Вместе с тем такой зарубежный опыт государство может использовать при регулировании демографических процессов, например, распространяя социальную рекламу, направленную на привлечение мигрантов в регионы, в которых наблюдается высокая убыль населения.

В современном информационном обществе появляются новые виды мотиваций мигрантов. Формирование миграционных намерений оказывается под влиянием информационных технологий. Если еще в XX веке будущий мигрант принимал решение о переезде в другой регион или страну, основываясь на полученной информации от родственников, средств массовой информации (газет, телевидения), то сегодня он руководствуется информацией, получаемой из сети Интернет.

Активное использование информационных технологий в сфере обеспечения доступа граждан к информации о деятельности государственной власти позволяет государству проводить профилактику мошеннических действий в отношении лиц, пользующихся правовой безграмотностью мигрантов. Частные лица предлагают мигрантам платные информационные услуги, которые иностранные граждане могут получить бесплатно. Например, список лиц, которым въезд на территорию России запрещен на официальном сайте МВД России. Иностранцам и лицам без гражданства, приехавшим в Российскую Федерацию сложно сориентироваться в обилии нормативных правовых актов в области миграции. Правовая безграмотность и не информированность мигрантов зачастую становится причиной их девиантного поведения и виктимиза-

ции. В этой связи необходима более активная популяризация миграционной политики среди мигрантов, качественная деятельность по их информированию. Для этого, прежде всего, необходимо определить наиболее часто встречающиеся проблемы мигрантов в рамках соблюдения миграционного законодательства. Используя Интернет, технологии, следует проанализировать запросы на поисковых сайтах по тематике миграция. Например, Потапенковой И.В. в этой связи, предложено «проводить мониторинг предложений рынка частных услуг в сфере миграции, поскольку он отражает запросы иностранных граждан, которые в большей части следуют от низкой правовой осведомленности» [4]. Карьерные агентства, ориентированные на трудоустройство за рубежом, также должны быть рассмотрены с точки зрения выполняемых ими функций под углом зрения интересов мигрантов.

Наука миграциология [3], заслуга выделения которой принадлежит таким специалистам в области изучения процессов миграции населения, как Б.С. Хорев, В.А. Ионцев и М.Б. Денисенко, и, необходимость которой на первых порах, подвергалась сомнениям даже в научной среде, на современном этапе, наоборот, уже не вызывает сомнений. На рубеже второго и третьего тысячелетия трансформировались технологии сбора, хранения, обработки данных о народонаселении, появился новый инструментарий в проведении научно-исследовательских работ, получающиеся выводы стали более точными. Формирование электронных систем обработки больших данных позволило применять инновационные статистические методы исследования демографических процессов.

Изменился и подход к обеспечению доступа к информации и распространению данных. Общемировым трендом признано открытие доступа к «деперсонифицированной» информа-

ции о деятельности государственных органов, в том числе, осуществляющих статистический учет населения, которое было провозглашено Резолюцией Совета Европы в 1983 году. В условиях информационного общества демографические процессы претерпевают существенные изменения. Государству следует учитывать данные явления и использовать информационные технологии при реализации демографической политики, нивелируя при этом, естественно, неизбежно возникающие при этом те или иные негативные последствия.

Таким образом, в информационном обществе, с применением цифровых технологий значительно облегчаются процедуры, связанные с порядком пересечения административных и государственных границ мигрантами, создаются новые технологические условия для интеграции и адаптации мигрантов.

Цифровизация оказывает необратимое влияние на миграцию как науку, с теоретической точки зрения. Применение современных информационных технологий в обработке демографических и миграционных данных, позволяет не только использовать принципиально новые возможности их массового изучения, но и применять новые методики, то есть совершенствовать с количественной и качественной точки зрения уровень исследования различных миграционных потоков. Использование информационно-телекоммуникационных технологий приводит к изменению границы человеческого знания и подразумевает внедрение инновационных методологических подходов, способствует формированию новых выводов о состоянии миграции, более точному прогнозированию миграционных потоков, принятию своевременных управленческих решений по контролю над миграционными процессами на более высоком уровне знания о процессах миграции, причем на всех его трех стадиях.

Список литературы и источников

1. ВВС Русская служба. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках. ВВС Русская служба. Дата обращения 23 сентября 2016.
2. Бобров А.А. Оценка влияния современных информационных технологий на обострение демографического кризиса в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 10. С. 40–45.
3. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – М.: Издательство МГУ, 1989.
4. Потапенкова И.В. Сущность миграционной амнистии как правового явления // Миграционное право, №4, 2019.
5. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн.3: Теория трех стадий миграционного процесса. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 218 с.

DIGITAL LINGUISTICAL MIGRATIONOLOGY AND MONITORING OF THE POTENTIALLY DANGEROUS TEXTS ON MIGRATION

Irina S. Karabulatova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-university), Moscow (Russia). E-mail: radogost2000@mail.ru

Konstantin V. Vorontsov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, RAS Professor, Head of the Laboratory of Machine Intelligence at Moscow Institute of Physics and Technology, Senior Researcher at Computing Center of RAS, Moscow (Russia).

Abstract. The modern opposition of "friend and foe" is maximally manifested in the news migration discourse, where texts appear as potentially dangerous for the society of the receiving country. The authors consider migration processes through the prism of digital linguistic migration, which allows us to see the bifurcation points of changing attitudes towards migrants and migration in different countries. As a result of geopolitical transformations, new waves of migration arise, presenting migration as a pandemic, raising the problems of intercultural communication, language adaptation and the integration of migrants and refugees in the global rank. There is no doubt that this phenomenon determines ethno-linguistic and sociopolitical life both in the regions and in the countries that are somehow involved in migration.

Analysis of potentially dangerous types of media and social media discourse is precisely the subject area where such formalization is possible. This requires an interdisciplinary approach involving specialists in linguistics, sociology, cultural studies, psychology, mathematics, computer science and Digital Humanities. Powerful geopolitical transformations are causing new waves of migration of such force that it acts as a pandemic. As a result of these processes of humanitarian migration issues (intercultural communication, ethno-psycholinguistics norms, linguistic adaptation/ re-adaptation, inte-

gration of migrants and refugees) global sound. Migration itself determines the ethnolinguistic and socio-political "portrait" of a particular locus.

Keywords: digital humanities, digital migrationology, natural language processing, sentiment analysis, migrant, migration discourse, news flow, polyemotivity, the potentially dangerous texts, sentiment analysis society.

ЦИФРОВАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МИГРАТОЛОГИЯ И МОНИТОРИНГ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ТЕКСТОВ О МИГРАЦИИ

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва (Россия). E-mail: radogost2000@mail.ru

Воронцов Константин Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией искусственного интеллекта Московского физико-технического института, старший научный сотрудник Вычислительного центра РАН, Москва (Россия).

Аннотация. Современная оппозиция «друг и враг» максимально проявляется в новостном дискурсе о миграции, где тексты представляются потенциально опасными для общества принимающей страны. Авторы рассматривают миграционные процессы через призму цифровой лингвистической миграции, что позволяет нам увидеть точки бифуркации изменения отношения к мигрантам и миграции в разных странах. В результате геополитических преобразований возникают новые волны миграции, представляющие миграцию в качестве пандемии, поднимающие проблемы межкультурного общения, языковой адаптации и интеграции мигрантов и беженцев в глобальный ранг. Нет со-

мнений в том, что это явление определяет этнолингвистическую и социально-политическую жизнь как в регионах, так и в странах, так или иначе вовлеченных в миграцию. Анализ потенциально опасных типов медиа и дискурса в социальных сетях является как раз предметной областью, где такая формализация возможна. Это требует междисциплинарного подхода с привлечением специалистов в области лингвистики, социологии, культурологии, психологии, математики, информатики и цифровых гуманитарных наук. Мощные геополитические преобразования вызывают новые волны миграции такой силы, что она действует как пандемия. В результате этих процессов проблемы гуманитарной миграции (межкультурная коммуникация, этнопсихоллингвистические нормы, лингвистическая адаптация / реадаптация, интеграция мигрантов и беженцев) приобретают глобальный характер. Сама миграция определяет этнолингвистический и социально-политический «портрет» определенного локуса.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, цифровая миграция, обработка естественного языка, анализ настроений, мигрант, миграционный дискурс, новостной поток, полиэмотивность, потенциально опасные тексты, общество анализа настроений.

Introduction. We see that migration is becoming relevant in the XXI century in various scientific aspects and directions. The authors propose a new way – digital linguistic migrationology for the analysis and prognosis. We are witnessing the growth of globalization, significant changes in the global economy and the climate of the globe, the digitalization of social communication, increase the flow of "fake news" with the purpose of aggravation of interethnic and inter-confessional conflicts, etc. thus, the migration discourse is defined by a set of extralinguistic and linguistic parameters.

The concept of “migration” has a rather broad meaning and has the same ancient history as humanity itself [7]. We look at the

migration discourse in the news flow and we match the frequency data of words associated with the migration topics and the data of psycholinguistic associative experiments. The result is presented at Figure 1 in the form of word clouds where the keywords associated with of the notion “migrant” are marked by emotions. The dependence between the emotional evaluation and the frequency of the keyword in the migration-related topics can be interpreted as the influence of the media on people's attitudes towards migration issues.

Many materials on migration are presented on the Internet. This allows you to combine the methods of sociology, linguistics and artificial intelligence to study the migration phenomena. We propose to call this area digital linguistical migrationology. It can be split into other private sections. But now we will not deal with purely theoretical issues.

Мигрант – частотные словосочетания в СМИ:

Цветовой окрас эмоций

Sadness
Anticipation
Fear
Anger
Surprise
Joy
Disgust
Trust

Цветовой окрас эмоций

Positive +
Neutral 0
Negative -

Figure 1. The histogram of frequency phrases with the word “migrant” in the mass media discourse with a tendency to form stable expressions (the authors made on the basis of monitoring of news media on the topic of migration in 2018–2019)

In the modern humanities, an abundance of works on migration demography, legal migration, social migration, intercultural communication and linguocultural studies paradoxically contrasts with a lack of attention given to the opportunities that the recent achievements in artificial intelligence could give for the understanding of migration processes. If we look in retrospect, we find that in many analytical works the terms “migrant”, “migration”, which had a pronounced negative connotation from the category of “their morals” during the Soviet period, which was associated with a common political line in the research of the Soviet society [15:9].

Materials and methods. In the theoretical and methodological sphere, the discrepancy lies in the contradiction between the amount of accumulated empirical material on topics related to the study of the phenomenon of migration and the lack of a systematic interdisciplinary understanding of its role in the socio-cultural development of societies, which could raise the understanding of the nature of migration to a qualitatively higher level. In this regard, it is relevant to develop a holistic view of the ethno-cultural diversity of migration on the basis of the m approach as giving an integrative understanding of the nature of social development. In the practical sphere, the discrepancy lies in the contradiction between the right of citizens of democratic States to preserve cultural identity, on the one hand, and the "melting pot" model implemented in the practice of regulating national relations, which impedes the observance of this right, on the other hand. However, despite the attempts to implement the integrative-assimilation strategy of modernization of Russian society on the Westernization model, there is a logic of

transition to the modernity of Russia and other non-Western countries.

The common approach to the sentiment analysis is a classification of keywords in two categories: negative and positive words. Sometimes researchers add a category of neutral words. With this approach to monitoring migration topics, both external and internal migration acquire ethnocultural, socio-economic, linguistic and psychological consequences, which, in turn, radically transform the ethno-linguistic and socio-political map of the world. The recent approaches developed in digital humanities allow to organize the analytical screening of migration factors and make the management strategies within the anthroposophic framework more effective [6:211].

Since sentiment analysis is important for monitoring, analytics, and management, we believe that the multicomponent migration discourse in the mass media demonstrates the degree of complex impact on the recipient. Based on this, we can predict the socio-economic attractiveness of the city and region for migrants and potential migrants.

Analyzing the mass media or social media data flows, first of all we have to choose topics related to migration. We use probabilistic topic modeling in order to reveal interpretable topics from a collection of text documents [14]. A probabilistic topic model defines each topic by a probability distribution over words and describes each document with a probability distribution over topics. For automatic extraction of the migration-related topics from the collection of news we use a semi-supervised approach that has been used in [13] for extracting the ethnic-related content from the Russian-language blogosphere. To do this, we first specify a vocabulary of seed words such as “migrant”, “migration”, ethnonyms etc. Then, we specify a part of topics in which we expect to see these

words. A more detailed analysis aims to reveal sequences of similar topics, differing in minor changes of certain aspects through time. The sentiment drifts in the migration-related topics help to discover “Overton windows” in the shaping of public opinion towards the migrants [5:12].

In drawing up regulatory documents in the field of migration, in our opinion, it is necessary to take into account the stable connections between concepts, since they not only reflect verbal connections, but, above all, social comfort and / or social tension.

In addition, in 2018, we conducted surveys among young people in Moscow and the Moscow region, a total of 1,500 people aged 20 to 45 years were interviewed. This survey makes it possible to make a forecast of psychoemotional moods of the host society.

Discussion. Considering the development and history of this concept, we are forced to distinguish between two separate stories: the history of the term "migration", which changed its meanings (the history of semantics), and the history of the concept "migration", which is not fixed uniquely in the form of a term, but shows some historical content invariance. The latter implies the presence of the modern meaning of the word in the past conceptualization of this phenomenon and its reproduction. However, in this aspect, intercultural communication, as well as the terms "migrant" and its derivatives, receive a different content. The consideration of this evolution of meanings embodied syntactically, in the form of words, it may entail working with different notions, United by a merely external way. If we consider invariant semantics, reproducible sense verbalized by different words, we will not be able to show evolution.

Researchers in the field of socio-economic migration paid attention to the transformation of attitudes of sexual-matrimonial behavior of migrant workers in Russia [10]. This phenomenon raises

concerns about the vitality of the state-forming ethnic group in a situation of migration pressure [3]. The basic provisions of the socio-cultural approach as interdisciplinary were formulated by the Russian-American sociologist P. A. Sorokin, who proposed the concept of " socio-cultural dynamics " to indicate the direction of social and cultural changes. Modern research of social and cultural dynamics represented by the works of A. S. Akhiezer, V. G. Fedotova, A. I. Fursov, V. I. Il'in, V. G. Kostyuk, N. I. Lapin, A. I. Neklessa, A. S. Panarin, Yu. S. Pivovarov, Yu. V. Popkov, N. S. Rozov, P. Shtompka, B. S. Erasov. Moreover, this problem is observed not only in Russia, but also in other European countries [3].

The fundamental position with respect to the "language society", containing such principles as anthropocentrism, synergism and activity is methodologically important for us. The research methodology is synergistic in nature and includes methods and techniques of sociology, psycholinguistics, anthropolinguistics, journalism and PR, discourse theory, sentiment analysis, and natural language processing. These aspects are particularly relevant in the management of modern society in the conditions of digitalization [4:87].

The migration cycle starts from the moment of the decision on migration (the stage of potential migration) and ends with either assimilation and acculturation of the migrant in the host country, or re-emigration to the country of origin [12:26]. Each stage of the migration cycle is characterized by specific features of verbal-paraverbal behavior of migrants. At the same time, globalization and increased migration flows throughout the world are changing both the inner language picture of the world of migrants and the language picture of the world of the host community [2:730].

Results. Potentially dangerous texts in the discourse of social media are based on the errors of intercultural communication and differences in culture, which the media bring to the situation of ab-

surdity. A special interest in the study of modern types of communication stems from the importance that acquires a failed communication. The latter phenomenon can be seen as a global problem of modern society, as if woven from communicative boundaries: racial, gender, age, cultural, political, religious, linguistic and many others. The difficulties of overcoming them arising from a lack of understanding and refusal of requests to communicate, last but not least are seen as the causes of social conflict, barriers to translation and diffusion of knowledge, failure of the programmes for the integration and socialization of cultural minorities.

Currently, we have analyzed 23 Russian-speaking groups on the social network Facebook, focused on migration (information about 8 of them are presented in Table 1). In these groups there are both migrants, re-emigrants and potential migrants.

Table 1.

**Monitoring of migrant groups in social networks
(status as of March 20–23, 2019)**

№	Name of the group in the social network	Number of participants
1	It's time to blame // Facebook	123943
2	I want to leave! Dreaming to live in another country // Facebook	4859
3	Russians in New York // Facebook	28293
4	Russians in Italy // Facebook	47100
5	Russians in Spain // Facebook	39142
6	Russians in Finland // Facebook	23107
7	Russian-speaking specialists in Warsaw. Poland // Facebook	15003
8	Kyrgyz in Moscow// Facebook	602

In addition, in 2018, we conducted surveys among young people in Moscow and the Moscow Region; in total, 1,500 people aged between 20 and 45 were interviewed. In the context of the predic-

tion of the ethnosocial picture of Moscow and the Moscow region, we asked the question “How many children would you like to have / or have in your family?”. The respondents living in Moscow and the Moscow region, from various regions of Russia (internal migrants), from neighboring countries (external migrants), representatives of the indigenous ethnic group, answered this question. Thus, the ethnic picture of our region will be under the influence of migration. External migrants demonstrate sexual-matrimonial activity oriented to a large number of children (5–8), while the Russians are oriented in the future to one child. These results can be useful for migration forecasters when planning the development of territories.

Figure 2. The results of the survey of young people in Moscow and Moscow region on ethnic and demographic forecasters in the context of migration on 20.01.2019 “How many children would You like to have?”

In the context of the forecaster of the ethnosocial portrait of Moscow and Moscow region, we asked the question "How many children would you like to have/ or have in your family?". Respondents living in Moscow and Moscow region, from different regions of Russia (internal migrants), from neighboring countries (external migrants), representatives of the indigenous ethnic group, answered this question, which clearly illustrates what will be the ethnic picture of our region under the influence of migration. These results can not be forced to think the controls on the need to consider data migrationology of prognosis when planning development of the territories.

Then we analyzed the BBC news releases for 2018–2019 and extracted 150 news on the topics related to the migration. During the content analysis we identified the keywords that often occur in the BBC migration discourse. These keywords correspond to those that we received during the psycholinguistic associative experiments. Totally we have collected 310 keywords. So, the empirical work material is heterogeneous in nature. The search for emotional tonality in the text is carried out in accordance with previously compiled dictionaries of emotionally evaluated words, taking into account the in-depth linguistic analysis, as well as automatically constructed statistical and other methods of cluster analysis. So, we put the number of the text in accordance with the found terms, when the number reflects the assessment of the text on a certain scale. This ranking on the scale allows you to assign the analyzed word and / or text to a specific class.

It should be noted that associates interact well with the specifics of sacredness: proximity to the sensual level and saturation with idioms, stereotypical, stable formations, which ensures the unity of personality and group, facilitates social contacts. The image of the migrant is vividly illustrated by the proverbs and sayings about the

perception of other ethnic groups: “Wilk chowany, a Rusin chrzczony diabłu si godzi” (When the wolf was hiding, then the devil dignifiedly christened the Russian) (Polish); “Sad about life as a Russian” (Holland); “It’s cold, like in Russians in hell” (Fin.), Etc. That is why in the associative space of the word “migrant” there is an indication of both countries, regions of exodus (Uzbekistan, Africa, Albania, Syria, Turkey, Arabia, East), and on countries, regions of the host community (Spain, Great Britain, Italy, Norway, Finland, Harbin, Poland, Europe), while pointing out the most characteristic characterological indications, such as: excesses, migrant workers, Muslims, violence, robbery, offense, revolution, smudge, regime, dead, crime, terrorist, activity, etc. In this context, the media act only as a repeater of associative reactions that are prevalent in the public consciousness. In our opinion, this is connected to the social order, the specific perception of the migration situation in the country, the migration processes in the world, the verbal and social behavior of the migrants themselves in the society. At the same time, such a situation may become a critical point of crisis processes in the socio-economic system [9].

Based on the tasks set by the government of the Russian Federation on attracting migrants to Russia, we need to take into account the associative portrait of a migrant in the host community and in the global space. The newspaper “Kommersant”, citing its own sources, indicates that the Russian Government intends to attract as many as 10 million migrants to the country, in connection with which adjustments are being made to the Concept of State Migration Policy for 2019–2025 [11]. Thus, the associative portrait of a modern migrant in the BBC migration discourse illustrates the degree of influence of the media on the formation of stable characteristics of the image of a modern migrant. In the associative cloud that we received, it draws attention to the fact that positively col-

ored words are found only sporadically, while the main vector extends between two poles: negative and neutral. Moreover, negative frequency associations for the word “migrant” cause a clear rejection on the part of any respondent: robbery, conflict, terrorist. In accordance with the emotions of the respondents, the associate-keyword cloud demonstrates possible strategies for mythologizing / demonizing the image of a modern migrant in everyday language consciousness.

For the media discourse of the BBC, the exploitation of negative associations of the word “migrant” is also specific, which form stable phrases, the latter tend to be quickly incorporated into the internal picture of the recipient’s world, in the area of unconscious response. The thematic model “migrant” in the mass media discourse uses the previously developed mechanism of manipulating the public consciousness [1:194]. As stressed by V. N. Mukomel, the media actively demonize the image of a migrant, creating difficult to overcome obstacles for their adaptation and integration in the receiving countries [8].

Using digital linguistical migrationology, we identified frequency phrases with the word “migrant” in media discourse with a tendency to form stable expressions (Figure 3). The associative portrait of a modern migrant in the BBC migration discourse illustrates the degree of influence of mass media on the formation of stable characteristics of the image of a modern migrant.

study mainly focuses on this preliminary work. Topic modeling, sentiment analysis and other digital techniques from natural language processing and machine learning have a great potential for the development of new quantitative approaches in linguistic and psycholinguistic studies of migration processes. This new direction in the study of migration can give reliable results in the qualitative assessment of migration processes and in predicting migration flows. We call this approach digital linguistical migrationology. Its goal is to give us an understanding of the nature of the associative response, confirming the holographically multidimensional, hierarchically complex structure of the migrant associative space, revealing a developed potential network of multi-level linguistical links and background knowledge, emotional and evaluative experiences, speech stereotypes and habits, ethno-social forms of behavior.

Acknowledgment. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17-04-00607-OGN. This paper was financially supported by Ministry of Education and Science of Russian Federation on the program to improve the competitiveness of Peoples' Friendship University of Russia (PFUR University, RUDN-university) among the worlds leading research and education centers in the 2016–2020. The research is supported by Government of the Russian Federation (Agreement № 05.Y09.21.0018).

References and Sources

1. Grushevskaya, T.M., Karabulatova, I. S., Grushevskaya, E. S., Zelenskaya, V.V., Golubtsov, S. A. The Game as a Modern Discursive Practice in the culture of Post-Postmodernity // *Revista de Filosofía*. Vol. 85, 2017-1, pp. 192–203.
2. Ebzeeva, Y.N., Karabulatova, I.S., Nakisbaev, D.A. The problems of transformation of the personal identity in a modern migrant // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6, no 1, pp. 729–738.
3. Efimov, Yu.G. Political Migration. Stavropol, 2005, 160 p.

4. Ibiatov, FM, Nasyrova, A.F. Political networks in public administration // Municipal Academy. 2017. No. 4. pp. 85–89.

5. Karabulatova, I., Vildanov, Kh., Zinchenko, A., Vasilishina, E., Vassilenko, A. Problems of transformation matrices modern multicultural identity of the person in the variability of the discourse of identity Electronic Information Society // Pertanika Journal of Social Science & Humanities. 2017, № 25(S). Jul., pp. 1–16.

6. Latfullin, G., Raichenko, A. Organization Theory. Moscow: Yurayt, 2016, 448 p.

7. Mazin, A.L. Labor economics. Textbook for university students enrolled in the specialty 080104 “Labor Economics”. Moscow, UNITY-DANA, 2012, 367 p.

8. Mukomel, V.N. Migration processes in the post-Soviet states: study guide. M.: State University of Management, 2003.

9. Romanova, E.R., Stelmakh, V.S. The theoretical concept of determining the critical point of crisis processes in the socio-economic system. Control. 2018; 6 (4): 47–54. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2018-4-47-54>.

10. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Sharif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia // Asian Social Science. Vol. 10, No. 20, 2014, pp. 174–183.

11. Soloviev, V. Migrant beneficiaries, 03/14/2019. Newspaper “Kommersant”, 03/14/2019. [Electronic resource]. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/3909388?utm_source=vk.com&utm_medium=social&utm_campaign=amplifr_social (the date of appeal 04.04.2019).

12. Volokh, V.A., Suvorova, V.A. Management of forced and forced migration processes. Moscow, Publishing House GUU, 2016, 181 p.

13. Vorontsov, K., Apishev, M., Koltcov, S., Koltsova, O., Nikolenko, S. Additive Regularization for Topic Modeling in Sociological Studies of User-Generated Texts / In: Advances in Computational Intelligence, 15th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2016, Cancún, Quintana Roo, Mexico, October 23–29, 2016. Proceedings, Part I. pp. 166–181.

14. Vorontsov, K., Kochedykov, D., Apishev, M., Golitsyn, L. Fast and Modular Regularized Topic Modelling. Proceeding Of The 21St Conference Of FRUCT (Finnish-Russian University Cooperation in Telecommunications) Association. The seminar on Intelligence, Social Media and Web (ISMW). Helsinki, Finland, November 6–10, 2017, pp.182–193.

15. Zhluktenko, Yu.A. The theory of society of national language options. Options for multi-literary languages. Kiev: Naukova Dumka, 1981, pp. 5–19.

Раздел 3.

**РОССИЙСКАЯ
МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
И ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ
МИГРАЦИЕЙ**

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Акьюлов Роберт Ишкалеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург (Россия). E-mail: akyulov_ri@mail.ru

Акьюлова Елена Игоревна, заместитель начальника общего отдела Уральского института управления – филиал РАНХиГС Екатеринбург (Россия). E-mail: Elena.akyulova@ui.ranepa.ru

Аннотация. В статье проведен анализ социально-демографической ситуации в Свердловской области, факторов, влияющих на интеграцию иностранных мигрантов, результатов выборочного социологического опроса иностранных трудовых мигрантов по проблемам их интеграции в экономику региона, разработан и предложен комплекс мер по повышению эффективности миграционной политики в российских регионах

Ключевые слова: интеграция мигрантов, толерантность, межкультурная интеграция, миграционная политика.

MODERN APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF MIGRATION POLICY IN RUSSIAN REGIONS

Robert I. Akyulov, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and management, Ural Institute of management – branch of the Russian Academy of national economy and public administration, Ekaterinburg (Russia). E-mail: akyulov_ri@mail.ru

Elena I. Akyulova, Deputy chief of staff, Ural Institute of management-branch of the Russian Academy of national economy and public administration, Ekaterinburg (Russia). E-mail: Elena.akyulova@ui.ranepa.ru

Abstract. The article analyzes the socio-demographic situation in the Sverdlovsk region, factors affecting the integration of foreign migrants, the results of a selective sociological survey of foreign labor migrants on the problems of their integration into the economy of the region, developed and proposed a set of measures to improve the efficiency of migration policy in the Russian regions.

Keywords: integration of migrants, tolerance, intercultural integration, migration policy.

В рамках данного исследования выявлены современные вызовы, связанные с иностранной трудовой иммиграцией, влияющей на социальную стабильность, экономическое развитие крупных российских городов, а также предложены меры миграционной политики для более эффективной интеграции иностранных мигрантов. Статья является продолжением исследований всемирно признанных специалистов в области миграции – Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, А.В. Топилина, В.А. Ионцева, занимающихся длительное время изучением подобного рода проблем.

В последнее время в социально-экономическом развитии российских регионов усугубляется проблема дефицита трудовых ресурсов, решение которой практически невозможно без привлечения иностранных трудовых мигрантов. Но это связано, в свою очередь, с рядом других проблем, таких как нежелание трудоспособного местного населения заниматься низкооплачиваемым трудом, коррупция в органах государственной власти, занимающихся вопросами миграционной политики, а также незаинтересованностью бизнеса в искоренении неле-

гальной миграции, позволяющей извлекать высокие доходы в условиях «теневой» экономики.

Вместе с тем следует признать экономический эффект от деятельности иностранных мигрантов. Статистические данные показывают, что, в частности, в Свердловской области с 2010 по 2018 гг. наблюдается неуклонное снижение доли населения в трудоспособном возрасте, увеличение доли населения старше трудоспособного возраста. Несколько сглаживает проблему то, что, начиная с 2009 г., растет доля населения моложе трудоспособного возраста, что позволяет надеяться на остановку падения доли трудоспособного населения в средне- и долгосрочной перспективе. В Свердловской области из-за относительно высоких показателей рождаемости, за последние восемь лет доля населения моложе трудоспособного возраста непрерывно увеличивалась. При этом численность населения старше трудоспособного возраста также увеличилась на 3,4%, а численность населения в трудоспособном возрасте сохранялась примерно на одном уровне (см. табл. 1).

Демографическое старение в России требует системного решения проблемы интеграции иностранных мигрантов в сообщества регионов и крупных российских городов, поскольку их значение для региональных рынков труда будет со временем возрастать.

Таблица 1.

**Численность населения Свердловской области
по основным возрастным группам на 1 января
в 2014–2018 гг.**

Годы	Численность населения, тыс. чел.	Коэффициент миграционного прироста,	Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
			моложе трудоспособно-	трудоспособном	старше трудоспособно-

	век	на на 1000 человек	го		го
2010	4308,4	-17	15,9	61,7	22,4
2011	4297,2	31	16,1	60,9	23,0
2012	4307,6	16	16,4	60,2	23,4
2013	4315,8	4	16,9	59,3	23,8
2014	4320,6	11	17,5	58,3	24,2
2015	4324,1	4	18,1	57,3	24,6
2016	4328,7	1	18,6	56,3	25,1
2017	4329,7	0,5	19,1	55,4	25,5
2018	4327,3	-0,3	19,5	54,7	25,8

Предпосылками значимости данных проблем для развития крупных городов являются:

1) тенденция замедления роста высокотехнологичных производств, способствующая спросу на неквалифицированный труд в экономике, предоставляемый в основном мигрантами;

2) разность между показателями уровня экономического развития отправляющих стран и России (вакансии, уровень вознаграждения за труд);

3) снижение численности трудоспособного населения в российских городах;

4) наличие теневого сектора экономики и нелегальной миграции;

5) сохранение притока иностранной рабочей силы;

6) высокий уровень рождаемости среди иностранных мигрантов и в смешанных семьях;

7) наличие изолированных зон компактного проживания иностранных мигрантов;

8) низкий уровень образования, социализации детей мигрантов, родившихся на российской территории.

Миграционный прирост в Свердловской области неуклонно снижается с 2014 г. Вместе с тем, социально-экономическая ситуация в российских регионах с ростом дефицита трудоспособного населения требует рабочей силы для выполнения низкоквалифицированного труда и несложных технологических операций в ряде отраслей (строительство, транспорт, жилищно-коммунальная сфера, торговля). Эту потребность рынка труда могут обеспечить иностранные мигранты, рост числа которых может обострить проблему их интеграции и адаптации в регионе.

Эффективная миграционная политика предполагает как экономический, так и социальный аспекты. Решение проблем интеграции иностранных мигрантов в российских регионах становится с каждым годом все острее и требует комплексного решения с активным участием государства. В управлении же современным демократическим государством для обеспечения высокого уровня национальной безопасности, эффективности должен преобладать принцип общественного согласия, общественного договора, реализация которого возможна при провозглашении толерантных взаимоотношений между всеми общественными группами, включая мигрантов.

Рассмотрим ряд основных факторов, влияющих на интеграцию иностранных мигрантов в сообщества российских регионов.

1) Политические: уровень развития демократии, эффективность правовых институтов, обеспечения правопорядка.

2) Экономические: конъюнктура на рынке труда, наличие у мигрантов дефицитных профессий, социально-территориальная мобильность рабочей силы.

3) Демографические: конъюнктура на брачных рынках, брачные установки мигрантов на создание смешанных браков, уровень рождаемости в смешанных с мигрантами браках.

4) Социально-психологические: отношение мигрантов к местному населению и оценка ими отношения россиян, уровень образования мигрантов и их стремление к получению образования в российских образовательных учреждениях.

5) Социально-культурные: уровень культуры, толерантности в обществе, способность межкультурной интеграции, языковой барьер, установки на изучение русского языка и культуры, установки мигрантов на принятие российского гражданства.

В настоящее время отношение коренного населения российских регионов и городов к трудовым мигрантам в большей степени настороженное и враждебное, нежели терпимое и дружелюбное. В ряде российских городов специалистами проводятся социологические опросы, как среди мигрантов, так и среди местного населения, призванные исследовать социальные, экономические, политические аспекты данной проблемы.

Для изучения социальных, трудовых, демографических установок трудовых мигрантов в августе-сентябре 2018 г. был проведен выборочный социологический опрос 402 иностранных трудовых мигрантов, которые проживают в Свердловской области. Выборка повторная. Среди опрошенных было 78% мужчин и 22% женщин. Преобладали респонденты 19–23-летнего возраста, составившие почти треть опрошенных – 34%. В основном опрошенные представляли страны Средней Азии – 36% – граждане Таджикистана, 24% – Узбекистана и 17% – граждане Кыргызстана, что в целом отражает основное соотношение проживающих на территории Свердловской области иностранных мигрантов. Большинство трудовых мигрантов

оценили отношение российского населения к ним как «доброжелательное» 71%, при этом «враждебно, настороженно» – 21% и «терпимо» – 8% опрошенных. С учетом того, что мигранты опрашивались рядом с подразделениями миграционной службы и, скорее всего, отвечали, проявляя лояльность, данные результаты свидетельствуют о ряде проблем в отношениях с российским населением.

Показательно мнение трудовых мигрантов относительно степени соблюдения законов таких категорий, как соотечественники, российские граждане, представители российских государственных ведомств. Достаточно часто с незаконными действиями мигрантов, российских граждан и представителей власти сталкивалась четверть респондентов (24%), иногда сталкивались – 39% опрошенных мигрантов, четверть респондентов сталкивались редко и только 12% часть никогда с этим не сталкивались.

Среди основных последствий использования труда иностранных мигрантов можно выделить как позитивные, так и негативные.

Благоприятные последствия внешней трудовой миграции в российских регионах:

- 1) рост численности населения;
- 2) развитие рынка труда;
- 3) увеличение налоговых поступлений в региональные и местные бюджеты;
- 4) развитие толерантности местного населения;
- 5) развитие межгосударственных связей со странами происхождения мигрантов.

Если говорить об отрицательных последствиях пребывания иностранных трудовых мигрантов в российских регионах, то основными являются:

- 1) рост социально-экономического неравенства в российских регионах;
- 2) обострение националистических настроений в регионах;
- 3) из-за нелегальной миграции увеличение размера теневой экономики и отток капитала за рубеж;
- 4) отчуждение и недоверие местного населения к смешанным бракам с иностранцами.

Решение проблем интеграции трудовых иностранных мигрантов тесно взаимосвязано с уменьшением антагонизма между различными социальными слоями российского населения, снижением противоречия между «трудом и капиталом», государством, предпринимателями и населением. Обеспечение равенства всех перед законом, соблюдение всеми норм демократического общества, рыночной экономики, рост массового сознания является залогом успешного решения всех возникающих проблем в глобализирующемся мире. При соблюдении данного ключевого условия возможна реализация комплекса мер по интеграции иностранных трудовых мигрантов и укреплению социальной стабильности в российских городах и регионах.

Комплекс мер государственной миграционной политики для эффективной интеграции мигрантов в российские регионы предусматривает следующие аспекты:

- 1) Повышение эффективности занятости населения;
- 2) Дифференцированная политика регулирования доходов, оплаты труда;
- 3) Меры по рациональному территориальному размещению трудовых ресурсов;
- 4) Совершенствование политики стимулирования рождаемости российского населения;

5) Повышение качества и доступности услуг здравоохранения, образования;

6) Политика, направленная на возвращение бывших соотечественников;

7) Мероприятия по межкультурной интеграции;

8) Обучение русскому языку, истории для мигрантов;

9) Пропаганда общественной толерантности.

Таким образом, современные вызовы в области международной трудовой миграции требуют от государства более совершенных подходов к разработке и реализации миграционной политики, направленной на повышение толерантности, уровня социальной стабильности и безопасности, снижение уровня агрессии, декриминализацию общества, обеспечение равных прав и возможностей всех социальных слоев, снижение социального и экономического неравенства, повышение эффективности занятости населения.

Список литературы и источников

1. Акимов Д.И. Социальная основа трудовой миграции: западная и восточная модели // Менеджмент и кадры, психология управления, соционика и социология. 2009. №7. С.18–21.

2. Воронова К.П. Современные тенденции трудовой миграции в России // Социальная политика и социология. 2010. №1. С.139–148.

3. Жданьков А.И. Феномен трудовой иммиграции // Национальные проекты. 2008. №12. С.86–88.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 48, 50, 52, 88.

5. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/vklad-trudovoy-migratsii-v-ekonomiku-rossii-metody-otsenki-i-rezultaty>

6. Топилин А.В. Нелегальная миграция: масштабы и социально-экономические последствия // Альманах Восток. 2006. №5(41). С.41–43.

7. Исраилова Д. Трудовая миграция и денежные переводы // Вопросы экономических наук. 2010. №3. С.27–28.

8. Мочкина В.Х. Миграция как феномен социального взаимодействия общества. Изд-во Хакасский госуниверситет им. Н.Ф.Катанова, Абакан, 2007. 159с.

9. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени. М.: МАКС-Пресс, 2010. 79с.

СОБРАНИЕ РОССИЙСКОГО НАРОДА (ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ, ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ) – ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор МГИМО МИД России, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия). E-mail: 89166130069@mail.ru

Субботин Александр Алексеевич, аспирант кафедры демографии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия). E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Аннотация. Представлены результаты проведенных глубинных интервью с экспертами, занимающимися исследованиями миграционных процессов, но представляющими различные области знаний. Идея опроса заключалась в выяснении возможных последствий, скорее социокультурного и гуманитарного характера, чем чисто экономического, в результате привлечения в Россию на постоянное место жительства населения, которое является «носителями русского языка». Должна ли государственная миграционная политика обратить внимание на тех, кто исторически и ментально близок для России?

Ключевые слова: миграционная политика, носители русского языка, демографические последствия.

GATHERING OF THE RUSSIAN PEOPLE (ECONOMIC, DEMOGRAPHIC, HUMANITARIAN DIMENSION): FIRST RESULTS

Olga D. Vorobieva, Doctor of Economics, Professor MGIMO University, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia). E-mail: 89166130069@mail.ru

Alexander A. Subbotin, postgraduate student of the Department of demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia). E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Abstract. The results of in-depth interviews with experts involved in the study of migration processes, but representing various fields of knowledge, are presented. The idea of the survey was to clarify the possible consequences, more of a sociocultural and humanitarian nature than a purely economic one, as a result of attracting a population of “native speakers of the Russian language” to Russia for permanent residence. Should state migration policy pay attention to those who are historically and mentally close to Russia?

Keywords: migration policy, native speakers of the Russian language, demographic consequences.

Все исследования миграционных процессов населения опираются как правило на данные официальной статистики о численности прибывших и выбывших. Не вдаваясь в методологические детали причин не полной достоверности официальных данных, можно утверждать, что выводы, которые делают исследователи на этой основе, как о миграционном приросте населения, так и о миграционной убыли, по существу часто являются просто иллюзией, которую нельзя использовать в каче-

стве основы для достоверных выводов о международных миграционных процессах, в которых принимает участие Россия.

Эти обстоятельства не позволяют судить о социально-экономических, культурных и другого рода эффектах, которые несет в себе международная миграция для России. В связи с этим, было организовано и проведено социологическое исследование, имеющее несколько целей: во-первых, выяснение мнения ученых и исследователей, нужно ли способствовать «собиранию» российского народа и как это «собираение» влияет на различные демографические, социальные, культурные и экономические процессы в обществе (демографическую структуру, рождаемость, культурное развитие, традиции в обществе и т.д.). Во-вторых, выявление тех социально-демографических последствий международной иммиграции населения, которые могут наступить при условии, что этот процесс будет носить достаточно массовый характер, а иммиграционный поток будет состоять главным образом из представителей титульных народов России.

Организация проведения обследования. Для проведения глубинных интервью были привлечены специалисты из различных областей научных знаний (направлений). Основными критериями отбора информантов явились следующие:

- достаточно широкое отражение географического разнообразия России, представлять не менее восьми регионов, расположенных практически во всех федеральных округах;
- должны представлять различные гуманитарные и общественные научные направления;
- иметь адекватные представления о миграционных процессах.

В выборке не учитывались половозрастные и прочие характеристики информантов, так как они не имеют значения для

достижения поставленных целей проведения глубинных интервью. В исследовании приняли участие 25 экспертов из 10 субъектов РФ.

Охват: ЦФО – Москва, Московская область. СЗФО – Санкт-Петербург, Ленинградская область. ПФО – Уфа (Республика Башкортостан). УФО – Екатеринбург (Свердловская область). СКФО – Ставрополь (Ставропольский край). ЮФО – Ростов-на-Дону (Ростовская область). СФО – Кызыл (Республика Тыва). ДФО – Владивосток (Приморский край).

Основные направления исследовательской деятельности экспертов: география, демография, культурология, история, социология, филология, философия, экономика, юриспруденция.

В ходе исследования использован метод анкетирования с закрытыми и открытыми вопросами. Анкета содержала 18 вопросов. Были разработаны бумажный и интерактивный варианты анкеты, который позволил вносить ответы на закрытые вопросы удаленно.

Предложена шкала оценок для ответов на закрытые вопросы, при этом была предусмотрена и возможность дополнений, не содержащихся в предложенных вариантах. Остальные вопросы носят открытый характер, и это дает возможность свободных высказываний респондентов в формате интервью.

Интервью с территориально-отдаленными информантами проводилось с использованием Skype-технологии и дублировалось возможностью заполнения интерактивного варианта разработанной анкеты в электронном виде.

Изучение мнения экспертного сообщества строилось на ответах на несколько принципиальных вопросов. Одним из главных вопросов можно считать следующий:

- Как Вы считаете, следует ли приглашать, привлекать и способствовать собиранию российского народа?

Ответ был практически единодушно положительным. Из 25 респондентов 24 ответили утвердительно. Следовательно, эксперты не ставят под сомнение необходимость стимулирования реэмиграции в Россию. Обобщая мнения тех, кто положительно ответил на этот, практически ключевой вопрос, можно привести такие тезисы: «Освоение огромной территории страны, обеспечивающее ей геополитическое, геоэкономическое и геокультурное значение в мире».

«Нужно делать все, что способствует собиранию российского народа, потому что эта территория нуждается в людях».

«Еще Ломоносов сказал, что «обширность тщетна без обывателей». «Собирание» русского мира в процессе глобализации и борьба за приоритеты открывает больше перспектив в конструировании посткапитализма, поскольку допускает суммирование в нём достоинств советского социализма и капитализма с возможностью учёта их недостатков».

Оценка позитивных и негативных эффектов. Всестороннюю оценку эффектов как социального, так и экономического характера позволили выявить ответы на следующие вопросы:

- Какие важнейшие позитивные социальные эффекты, наступающие в результате иммиграции, вы можете назвать, в которых заинтересовано российское общество? (был предложен множественный ответ). Большинство выбрали более двух вариантов ответа.

Таблица 1.

**Распределение ответов респондентов на вопрос
о позитивных социальных эффектах иммиграции**

Варианты ответов	Количество ответов
рост численности населения	23
изменение состава населения по возрасту (увеличение доли детей и молодежи среди населения)	19
изменение образовательного уровня (повышение)	5
изменение профессионального уровня	1
сохранение традиционных российских ценностей	5
снижение уровня безработицы	1
увеличение толерантности среди принимающего населения	1
появление смешанных семей	4
рост рождаемости	15
Другое	1

Помимо предложенных вариантов, информанты в своих ответах формулировали собственное видение позитивных результатов собирания российского народа.

В качестве позитивного результата было высказано предположение, что иммиграция повлияет на «возрождение трудовой этики – как, например, у старообрядцев». Уточнение позитивного эффекта в одном из ответов звучало предельно точно «возвращение русского населения на родину».

Безусловные позитивные социальные эффекты, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе наиболее точно сформулированы в приводимых цитатах:

«Интеграция культур (нерусские мигранты) или воссоединение семей (русские мигранты)».

«Развитие культуры: новые Пушкины. Связь России со странами мира как части, а не отрешивание от неё как от "плохого". Надеюсь, и рост рождаемости, и укрепление семейных и патриотических традиций».

Некоторые высказывания о позитивных эффектах звучат достаточно пафосно, что, безусловно, свидетельствует лишь об обостренном чувстве тревоги за будущее страны:

«Возрождение новой страны»;

Собирание российского народа необходимо «чтобы сохранить Россию»;

«Русь воспрянет ото сна и на обломках глобализма США построит еще один континент».

Не распространенным ответом, но отнесенным к позитивным результатам собирания российского народа, и заслуживающим внимания, является мнение одного из информантов о появлении и распространении такого процесса, как смешанные браки и смешанные семьи.

Таким образом, вполне очевидным для всех экспертов остается тот факт, что в современной социально-экономической ситуации Россия нуждается в росте численности населения, а также изменении демографического состава населения в результате увеличения доли молодого населения и роста уровня рождаемости.

Процесс переселения, как любое социальное явление, имеющее глобальный характер, может иметь и имеет и отрицательные результаты. Для понимания мнения о негативных социальных эффектах был сформулирован следующий вопрос:

- Какие важнейшие негативные социальные эффекты, наступающие в результате иммиграции, вы можете назвать, которых необходимо избегать? Он также предполагал множественный ответ.

Таблица 2.

**Распределение ответов респондентов на вопрос
о позитивных социальных эффектах иммиграции**

Варианты ответов	Количество ответов
рост численности населения	0
изменение состава населения по возрасту (большая доля детей и молодежи среди населения)	1
изменение образовательного уровня всего населения (снижение)	11
изменение профессионального уровня (уточните какое)	1
изменение традиционных российских ценностей (уточните каких)	4
увеличение социальной напряженности среди местного населения	19
рост коррупции при реализации каких-либо мер по возвращению российских соотечественников	13
увеличение уровня безработицы	5
снижение толерантности среди принимающего населения	15
Другое	3

Мнение о возможном увеличении социальной напряженности среди местного населения свидетельствует, по нашему мнению, лишь о необходимости разработки превентивных мер для снижения такого рода угроз.

Были получены мнения информантов и в произвольной форме, которые подчеркивают, что основной угрозой эксперты считают рост социальной напряженности среди местного населения и как сопутствующее этому явление – снижение толерантности среди принимающего населения. Особенно такие опасения характерны для экспертов из нестоличных регионов, независимо от сферы их научных интересов. Эксперты видят в дополнительном приросте численности населения за счет иммигрантов угрозу для благополучия постоянного населения в связи с его относительно низким уровнем жизни, проблемами с занятостью и доходами:

«Они (местные жители – авт.) не должны чувствовать, что их права и кусок их и без того скудного социального пирога им надо будет еще с кем-то чужим делить».

Те же причины – низкий уровень жизни постоянного населения – объясняют опасения о росте коррупции среди персонала, занимающегося правоприменением в регионах: «Коррупция при получении российского гражданства» – отмечают в своих ответах респонденты.

Многие видят угрозу в снижении уровня образования населения в целом, так как связывают современные проблемы образовательного уровня иммигрантов с тем, что может происходить в перспективе при условии роста иммиграции такого же качественного состава на постоянное место жительства. Эксперты обращают внимание на опасность принятия слишком либеральных мер для стимулирования иммиграции в Россию на постоянное место жительства без глубокой проработки прогнозов социальных последствий. Эта угроза сформулирована следующим образом: «неспрогнозированные и непредсказуемые результаты, касающиеся столкновений интересов, ценностей, потребностей различных социальных слоев и этнических групп»; «Навязывание «не наших» ценностей со стороны приезжих».

Проявили единодушное информанты в своем мнении о том, что первостепенное значение для иммигрантов должно иметь знание русского языка. Он должен являться для претендентов на переселение в Россию – родным, используемым для общения в семье. Приведем некоторые мнения о том, кто должен иметь первоочередное право при переселении в Россию:

«Люди русской культуры с российскими корнями».

«Владеть разговорным русским языком для общения, быть носителем культурных и духовных традиций».

«Возвращение соотечественников – как недавно уехавших, так и рождённых за границей в русских семьях, поднимает международный престиж – если в страну возвращаются, в ней жить хорошо. Ещё вернувшийся соотечественник – завидный жених (невеста) для многих, то есть это потенциальные дети, к тому же часто с детства знающие больше одного языка (если "блудный сын" жил в англоязычной стране, например).

И это явно уже указывает главный критерий при селекции иммигрантов. В логической последовательности были указаны следующие обстоятельства: наличие родственников на территории России, наличие предков, граждан или российских подданных. Для большинства информантов имеет большое значение и семейное положение иммигрантов, состояние в браке, сохранение семейных ценностей.

Профессиональные навыки «иметь востребованную профессию», возможности инвестирования и другие критерии экономического характера – по мнению экспертов должны иметь меньшее значение, чем критерии знания русского языка как родного и владения разговорным русским языком для общения.

«Профессия, занятие, принадлежность к конфессии, уровень материального благосостояния не имеют значения».

Но «экономический» подход также достаточно часто звучит в ответах, однако с некоторым социальным или интеграционным оттенком. Собираательно звучит мнение одного из опрошенных, который считает, что «Главное – чтобы переселенцы были носителями «нормальной» трудовой этики, почти погибшей в СССР. И есть большие сомнения, что те, чьи предки не имели никакого отношения к Российской империи или СССР, будут хорошо приживаться».

Высказывались опасения о том, что «... для решения демографических проблем России соотечественников может не хватить, поэтому важным является ассимиляционный потенциал инноэтничных иммигрантов в России». Но и этом контексте информант отмечает, что «чрезвычайно важны знания русского языка».

Подводя итог, необходимо отметить, что в заключительной части интервью у большинства информантов звучит очевидный скепсис (вряд ли это сейчас возможно) в отношении реальности использования необходимых мер и инструментов миграционной политики для «собираания российского народа». Это можно описать несколькими высказываниями, прозвучавшими в заключительной части интервью: «Сначала нужно развивать экономику своей страны, особенно Нечерноземье, Сибирь и Дальний Восток. Прекратить расширять Москву и собирать большинство населения страны в Московскую и Петербургскую агломерации»; «Учитывая существующие темпы роста российской экономики (1,0–1,5% в год) масштабный приток мигрантов/переселенцев в страну становится невыполнимой задачей»; «...главный стимул не миграционная политика как таковая, а политический, экономический и социальный курс государства в целом. Миграционная же политика производна от него».

МИГРАЦИОННЫЙ ТРЕНД ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Гришанова Александра Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты возможности выполнения поставленных Концепцией демографической политики Дальнего Востока до 2025 г. задач: стабилизации численности населения на уровне 6,253 млн. человек, обеспечения нулевого миграционного прироста. Ставится вопрос о правомерности рассмотрения этих задач в рамках нового, расширенного состава Дальневосточного федерального округа. Дается авторская оценка ошибочности такого методологического подхода, его непродуманность. Как с теоретической, так и практической точки зрения, рассматриваются вопросы динамики численности дальневосточников, специфики миграционного вклада в эту динамику в исторической ретроспективе в рамках десятилетних периодов с начала 1950-х гг. вплоть до 2010 г., далее – в отдельные годы. Ставится вопрос о правомерности возрождения восточного вектора демографического развития России на ближнюю – к 2025 г, и среднесрочную – к 2030г. перспективу. Предлагаются меры по изменению подхода к государственному регулированию миграции на территории Дальнего Востока, переносом в центр внимания государственной поддержки и осуществляемых компенсаций и льгот не столько мигрантов, но в большей степени – местного населения.

Ключевые слова: Концепция демографической политики Дальнего Востока, миграционная политика, демографическая политика, миграционное движение, регионы Дальнего Востока.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00565

FAR EAST MIGRATION TREND: PRESENT AND FUTURE. THEORETICAL QUESTIONS

Alexandra G. Grishanova, PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow (Russia). E-mail: gralexandra1949@gmail.com

Abstract. The article discusses the theoretical issues of assessing the implementation of the objectives of the Far East demographic policy by 2025 to both stabilize its population at the level of 6.253 million people and zero migration growth. The question is raised of the legality of their consideration in the framework of the new, expanded composition of the Far Eastern Federal District. The author gives an assessment of the fallibility of such a methodological approach, its lack of thought. From both theoretical and practical points of view, the issues of the dynamics of the number of Far Easterners, the specifics of the migration contribution to this dynamics in historical retrospective are examined in the framework of ten-year periods from the beginning of the 1950s until 2010, and then in some years. The question of the legitimacy of the revival of the eastern vector of Russia's demographic development in the near future – by 2025, and the medium-term – by 2050 is raised. Measures are proposed to change the approach to state regulation of migration in the Far East, transferring not only, and not so much migrants, not only and not so much new settlers, as many old-timers, to the focus of state support and ongoing compensations and benefits.

Key words: Concept of the demographic policy of the Russian Far East, migration policy, demographic policy, migration movement, regions of the Russian Far East.

The study was conducted with support from RFBR grant № 17-06-00565

Миграционные процессы наименее инертны, в сравнении с остальными демографическими процессами. Стратегическая

цель и задачи, поставленные в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (далее – Концепция ДВ), в отношении достижения 6,2 млн. человек и нулевого миграционного прироста к 2020г. [4], с теоретической точки зрения, не должны были вызывать большее сомнение, чем задачи в области достижения целевых показателей естественного воспроизводства. Однако, за прошедшие с начала реализации Концепции в 2018 г. полутора лет, даже с учетом изрядной доли оптимизма многие задачи представляются нерешаемыми в современных реалиях. В частности, это относится к достижению нулевого миграционного баланса. В отношении же второго этапа реализации Концепции ДВ – к 2025г., задачи и вовсе должны быть кардинальным образом пересмотрены, учитывая вхождения двух регионов – Забайкальского края и Республики Бурятия – в состав ДФО [3].

Текущие статистические данные свидетельствуют о продолжающемся, хоть и с меньшей скоростью, миграционном оттоке из макрорегиона. «Миграционного чуда» не произошло, да и не могло произойти в современных социально-экономических условиях и при тех условиях ведения экономической деятельности, сосредоточенной преимущественно в западных регионах страны. Становится очевидно, что не стоит ждать кардинального изменения направления миграционных потоков – как внутрирегиональных, так и межрегиональных – в обратном направлении, то есть с запада на восток.

В действительности происходит следующее. За счет «маневров» с административно-территориальным ресурсом – расширением состава ДФО с 4 ноября 2018г. [5], можно уже рапортовать не только о выполнении, но и перевыполнении задачи по стабилизации численности населения Дальнего Востока на уровне 2,653 млн. человек к 2020 г. Поскольку, с вклю-

чением в состав ДФО Забайкальского края и Республики Бурятия численность ДФО на начало 2019 уже составляет уровень 1992 г., поскольку равна 8,223 тыс. человек.

Такая перегруппировка населения между макрорегионами может неоднозначным образом сказаться на социально-экономическом и демографическом развитии другого макрорегиона – Сибирском федеральном округе.

Вместе с тем, регионы Сибири и Дальнего Востока являются стратегически важными с геополитической точки зрения. Приграничное расположение многих субъектов этих округов делает задачи расселения населения и привлечения мигрантов важными с точки зрения обеспечения национальной безопасности России в целом. Кроме того, важно понимать механизмы формирования межрайонных миграционных связей. Какие меры должно принимать Правительство страны и отдельных регионов для обеспечения миграционного прироста? Достаточно лишь экономического стимулирования мигрантов? Как мотивировать местное население к закреплению на стратегически важных территориях?

Понятно, что объективно, эта целесообразность совмещения границ военного и федерального округа именно на Дальнем Востоке присутствовала с момента несовпадения их границ в исторической ретроспективе – то есть с 2000 г. Поэтому, такая перегруппировка могла быть, с таким же успехом, безусловно, осуществлена и ранее. И тогда возникает вопрос: почему эта перестановка не была осуществлена ранее? Почему позитивные следствия вышеупомянутого использования административно-территориального ресурса путем перегруппировки субъектов РФ между ДФО и СФО, не были ранее осознаны на государственном уровне? А были осознаны только тогда, подчеркнем еще раз, когда они смогли обусловить хотя

бы формальное, но, все-таки выполнение, и даже, перевыполнение поставленной задачи по стабилизации численности дальневосточного населения к 2020 г., на уровне 6,253 млн. человек?

Ни теоретически, ни практически объяснить, почему это не было осуществлено ранее, не представляется возможным ничем, кроме одного – роли личности в истории России, поскольку в целом, на общероссийском уровне, именно с Президентом РФ В.В.Путиным, связываются, в основном, те позитивные изменения, которые отразились на развитии Дальнего Востока. По крайней мере – в отличие от 1990-х гг., развитие Дальнего Востока вновь оказалось в традиционных для него испокон веков координатах государственного управления.

Государственное управление, это, с одной стороны – объективный фактор, который обеспечивал развитие России, как государства, в различных его формах. С другой стороны, во все времена, субъективный фактор в управлении российским государством, иными словами – факт единоличного принятия важнейших социально-политических, социально-экономических и социально-демографических решений, в исторической ретроспективе России, традиционно, был прерогативой, как правило, одного человека, который в тот или иной исторический период российское государство возглавлял.

А философский закон о значении личности в истории до сих пор никто не оспорил, и, тем более, не опроверг. И вся российская история, в том числе, и в отношении ретроспективы его демографического развития, наглядное тому подтверждение: когда политика государственного «самоустранения» от регулирования внутрироссийских миграций (что было традиционно для России, начиная со времен Ивана Грозного, вообще, а для Дальнего Востока, на протяжении последних 400 лет, в

особенности), постсоветский период в первое десятилетие, привело к изменению вектора этого развития в направлении с востока на запад [3].

Проанализируем кратко развитие миграционных процессов, на территории Дальнего Востока начиная с 1950-х гг. по десятилетним интервалам. В 1951–1960 гг. на долю Дальнего Востока приходилось 7,1% общего прироста населения РСФСР, то в 1961–1970гг. – 9,7%, в 1971–1980гг. – 13,7%, 1981–1990гг. -11,2%, то есть, роль дальневосточных территорий начала впервые за анализируемые десятилетия, снижаться, то в 1991–2000гг. на долю Дальнего Востока пришлось 28,5% убыли численности россиян. Миграционное же сальдо в советский период для Дальнего Востока характеризовалось постоянным миграционным приростом. Что было очень важно для геополитического, восточного вектора демографического и миграционного развития России в те десятилетия. Поскольку в десятилетия 1951–1960 и 1961–1970гг., РСФСР имела в целом, миграционную убыль. В то время, как начиная с 1971–1980, и 1981–1990гг., – миграционная убыль россиян сменилась ее миграционным приростом. Причем в возрастающих размерах.

Подчеркнем, что в первое десятилетие постсоветского периода эта восходящая траектория миграционного прироста в России продолжилась в 1991–2000гг. При том, что на региональном уровне – на Дальнем Востоке и Северо-Западе сначала параметры миграционного прироста неуклонно до десятилетия 1971–1980гг., возрастали, и затем, достигнув в это десятилетие своего максимума, начали снижаться в 1981–1990гг. В то время, как на Северном Кавказе, этот миграционный прирост в советское время постоянно и при этом неуклонно снижался от своих максимальных величин в 1951–1960гг, до минимума в 1981–1990гг. Из чего можно сделать вывод, что для десятилет-

них периодов, начиная с 1970г., динамика, как численности, так и миграционного прироста в советское время, характеризовались позитивными тенденциями, в то время, как начиная с первых десятилетий постсоветского периода, наоборот, наблюдается поворот вспять – тенденции меняют свой характер: с положительных на негативные, иными словами, восходящие тренды, меняются нисходящими.

Рассмотрим структуру миграционной убыли в ДФО в 2018г. Прежде всего, бросается в глаза, что и в межгосударственных потоках, положительным сальдо миграции – в 6,3 тыс. человек, характеризуется обмен ДФО только со странами СНГ. С другими зарубежными странами здесь зафиксирована миграционная убыль в 2,8 тыс. человек. Во внутрироссийском обмене ДФО имеет миграционную убыль в размере 36,7 тыс. человек [2].

О чем это говорит? Только о том, что все это диктует необходимость срочной постановки вопроса о правомерности возрождения восточного вектора демографического развития России на краткосрочную – к 2025 г, и долгосрочную – к 2050 г. перспективу. Предлагаемые для этого меры, это изменение подхода к государственному регулированию миграции на территории Дальнего Востока, перенос в центр внимания государственной поддержки и осуществляемых компенсаций и льгот не столько для мигрантов, сколько на старожилов.

Например, перейти в краткосрочной перспективе, к сплошным мерам по повышению жизненного уровня дальневосточников, и при этом, сохранять так называемые «северные коэффициенты», то есть привилегии работающим и проживающим в территориях с экстремальными природно-климатическими условиями. Максимально возможно применять вахтовые методы освоения таких районов, для удержания

на таких территориях Дальнего Востока, непрерывно поддерживаемого производственного процесса, в том числе – особенно в отношении добычи золота в ближайшие годы, для поддержания инерции позитивных сдвигов в данной отрасли в предшествующие годы. Продуманно относиться к проблемам динамики и формированию поселенческой сети – как городской, так и сельской, в южных, сопредельных к государственной границе, субъектах ДФО. Сохранение же современных трендов динамики численности ДФО уже в расширенных с 4 ноября 2018г. границах, особенно – в сфере миграции населения во внутрироссийских потоках – представляет реальную угрозу сохранению современной численности его населения.

Список литературы и источников

1. Бюллетень "Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/m/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/oc_1140096034906
2. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Концепция демографической политики на Дальнем Востоке и национальная безопасность: вопросы теории // Миграционное право. 2018. № 1. С. 33–37.
3. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Восточный вектор демографического развития России. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 159 с.
4. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. №1298-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minvr.ru/upload/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf>
5. Указ от 03.11.2018 № 632 о расширении ДФО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811040002?index=0&rangeSize=1>

МИГРАЦИЯ В РОССИИ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ПЕРЕМЕНАМ

Доброхлеб Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Аннотация. В статье показано, что миграция может рассматриваться как одно из направлений социальной адаптации населения. Эмиграция сегодня отличается от ранних миграционных волн, главным образом потому, что это в определенном смысле маятниковая миграция. Люди ездят относительно свободно «туда-сюда». Гендерный аспект анализа миграции до настоящего времени не четко определяет численность мигрантов-женщин.

Ключевые слова: гендерный аспект, миграция, миграционные волны.

MIGRATION IN RUSSIA AS A WAY OF ADAPTATION TO SOCIAL CHANGES

Valentina G. Dobrokhleb, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS,; Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research, RAS, Moscow (Russia). E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Abstract. The article shows that migration can be considered as one of the directions of social adaptation of the population. Emigration today is different from the early migration waves, mainly because it is in a sense a pendulum migration. People drive relatively freely

"back and forth". The gender dimension of migration analysis does not clearly define the number of female migrants to date.

Keywords: gender aspect, migration, migration waves.

Способы социальной адаптации населения многообразны. Смена места жительства – один из направлений поиска лучшей жизни. Миграция – многоликий социально-демографический процесс, который влиял и продолжает оказывать воздействие как на структуру населения различных регионов, стран и континентов, так и на уровень их социально-экономического и культурного развития, а также судьбы людей. В течение ста лет, прошедших в России после революции 2017 г., выделяется пять основных миграционных «волн»: русскую белую эмиграцию; миграцию 19141–1960 гг. названную «эмигранты в тени; воссоединения с семьей в основном евреев и немцев, длившаяся до 1986 г.; миграция, связанная с распадом СССР, периодом социально-экономической трансформации; в начале нулевых годов формируется «утечка мозгов» [1].

Гендерный аспект анализа миграции до настоящего времени не четко определяет численность мигрантов-женщин. В докладе «Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века» отмечается, что по данным Росстата из страны уезжает в два раза больше мужчин, чем женщин. Однако статистика стран-реципиентов показывает, что среди мигрантов из России все же преобладают женщины. Авторы доклада объясняют такое положение следующим: первое, женщины намного чаще, чем мужчины, вступают в брак с иностранными гражданами, например, в 2006 г. во Франции 30% эмигрировавших женщин указали эту причину, а мужчины – только в 3,5% случаев;. второе, особенности рынка труда, главным образом, в странах

Южной Европы, где трудовые мигранты заняты в большом сегменте сферы услуг, в котором традиционно работают женщины; третье, у многих женщин близкие родственники за границей оказались раньше и они с ними воссоединяются [2]. Российская статистика фиксирует в 2017 г. 19 тыс. женщин, выбывших в страны дальнего зарубежья и 37 тыс. мужчин, что на порядок меньше, чем число выбывших в СНГ [3].

Отмечается, что в 2008 г. Россию покидали в основном женщины, тогда как в 2017 г. среди эмигрантов больше мужчин. Типичный эмигрант значительно помолодел: если в нулевые из страны уезжали в возрасте 30–39 лет, то сегодня – 20–24 лет. По последним данным треть эмигрантов имели высшее образование. За последний период увеличилось число едущих за границу учиться или работать [4].

Политолог Екатерина Шульман справедливо отмечает, что эмиграция сегодня отличается от ранних миграционных волн, главным образом потому, что это в определенном смысле маятниковая миграция. Люди ездят относительно свободно «туда-сюда». Именно поэтому «никакого рокового выбора в эмиграции сейчас нет – не стоит драпироваться в плащ изгнанника» [5]. Это одна из главных отличительных характеристик современной миграционной волны, в том числе и от «белой миграции» с которой была связана трагическая зарубежная судьба многих представителей серебряного века. В настоящее время люди не уезжают безвозвратно. Многие сохраняют российское гражданство. Необходимо более глубоко исследовать установки уехавших из России на репатриацию в нашу страну окончательно, если ситуация изменится. Пока неизвестна доля тех, кто декларируют такую готовность, но когда дело дойдет до дела, они никуда не поедут, и других, которые считают, что они уехали по идеологическим соображениям и никогда не

вернутся, однако они могут вернуться, когда им покажется, что ситуация переменялась.

Следует учитывать, что процесс феминизации, как и миграции – глобальный тренд. Это не означает, что все будут иметь одинаковые взгляды на феминизацию, однако предполагает, все большее присутствие женщин в социально-экономическом пространстве. В России это процесс отличается от стран, более богатых, тем, что у нас женщины были массово вовлечены в рынок труда, но не освобождены от двойной нагрузки – на работе и дома. Это накладывает отпечаток гендерные отношения. Главным социальным вызовом мужчин и женщин в России являются бедность, которая во многом становятся фактором, формирующим безвозвратный отъезд из страны.

В 2018 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [6], в котором сказано, что на консульском учете за рубежом состоит более 2 млн. граждан РФ. В документе отмечено, что «одним из направлений по достижению более глубокого понимания миграционной ситуации, в том числе за счет увеличения числа оцениваемых параметров, отражающих ее влияние на экономические, социальные, культурные, национальные, этноконфессиональные и иные аспекты жизни российского общества, на индивидуальном, семейном, местном, региональном и федеральном уровнях». Из этого вытекает потребность в расширении гендерной статистики миграционного учета, актуальности анализа как факторов социального капитала, так и формальных социальных институтов, оказывающих соотечественникам поддержку за рубежом.

Список литературы и источников

1. Эмиграция из России – куда и почему уезжают граждане РФ? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html> (Дата обращения 20.04.2019).
2. Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Эмиграция из России в конце XX начале XXI века (Аналитический доклад). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/0Bwflq8m_RQgMaThoSEJKb0pfMWs/view (Дата обращения 20.09.2019)
3. Женщины и мужчины России – 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_50/Main.htm (Дата обращения 11.03.2019)
4. За год из страны сбежало рекордное количество россиян. Портрет типичного эмигранта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://66.ru/news/society/218758/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (Дата обращения 28.01.2019).
5. Шульман Е. «Рокового выбора в эмиграции нет – не стоит надевать плащ изгнанника». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zimamagazine.com/2019/04/ekaterina-shulman-rokovogo-vybora-v-emigracii-net-ne-stoit-nadevat-plashh-izgnannika/> (Дата обращения 10.10.2019).
6. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (Дата обращения 15.10.2019)

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Кожевникова Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: dema1@mail.ru

Аннотация. Запланированные, «точечные меры», касающиеся, малообеспеченных слоев населения Дальнего Востока, даже с разбивкой по годам в демографической концепции Дальнего Востока не приведут к сплошному внедрению мер повышения уровня жизни всех дальневосточников, без исключения. И только в этом случае, представляется можно сформировать стабилизацию численности не просто дальневосточников, включающую мигрантов последних десяти лет вселения, сколько – стабилизацию численности старожилов (мигрантов, проживших более 10 лет на Дальнем Востоке). В так называемой «совокупной» миграционной биографии каждой дальневосточной семьи – хоть один ее член, как минимум, это или мигрант, или потомок мигранта, хотя бы в третьем поколении. В обозримую перспективу в ближайшие десятилетия, возможность восстановления тех потерь, которые Дальний Восток понес в годы постсоветского периода, вследствие внутрироссийских миграций на запад России, в основном, в центральные районы европейской части страны, уже не представляется возможной. И, даже гипотетически если это представить, то без сохранения еще сохранившегося, адаптированного к дальневосточной специфике генофонда старожилов, это не сможет эффективно, только за счет миграционного перераспределения в пользу ДФО внутрироссийских мигрантов из других федеральных округов, в основном, европейских территорий Российской Федерации, сформировать здесь постоянное население.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, восточный вектор, демографическое развитие России.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00565

EAST VECTOR OF POPULATION MIGRATION AND THE FAR EAST: PAST AND PRESENT

Natalia I. Kozhevnikova, PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow (Russia). E-mail: dema1@mail.ru

Abstract. Planned, “targeted measures” regarding low-income segments of the population of the Far East, even with a breakdown by years in the demographic concept of the Far East, will not lead to the continuous implementation of measures to improve the living standards of all Far Easterners, without exception. And only in this case, it seems possible to form the stabilization of the number of not just the Far East, including migrants of the last ten years of settlement, but how to stabilize the number of old-timers (migrants who have lived more than 10 years in the Far East). In the so-called “aggregate” migration biography of each Far Eastern family, at least one of its members, at least, is either a migrant or a descendant of a migrant, at least in the third generation. In the foreseeable future, in the coming decades, the possibility of recovering the losses that the Far East suffered during the years of the post-Soviet period as a result of internal Russian migrations to the west of Russia, mainly to the central regions of the European part of the country, is no longer possible. And, even hypothetically, if you imagine this, without preserving the old-age gene pool that has still been preserved and adapted to the Far Eastern specifics, it will not be able to form, in favor of the Far Eastern Federal District, migrants from other federal districts, mainly

European territories of the Russian Federation, to form there is a permanent population.

Keywords: Far Eastern Federal District, eastern vector, demographic development of Russia.

The study was conducted with support from RFBR grant № 17-06-00565

Проблемы внутрироссийской миграции в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), возникшие в постсоветский период, которые характеризуются не их постепенным решением, а, все возрастающей от года к году остротой, в последние годы, несмотря на принятие именно для данного федерального округа Концепции его демографического развития на краткосрочную перспективу – до 2025г., представляются, более не совместимыми с отсрочкой их решения. В современных геополитических координатах Российской Федерации, вообще, а Дальнего Востока – в особенности, необходимо срочно внести существенную правку в этот документ. Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2025 г., не только своей идеей, но и своей миграционной программой, должна определять специфику Дальнего Востока, как опорного региона в реализации восточного вектора и демографического, и миграционного развития России. Что на уровне российского государства, вплоть до постсоветского периода, было отражено, с одной стороны, вышеназванной государственной социально-демографической парадигмой, с другой стороны, конкретной практикой ее реализации в жизнь в России постоянно, уже на протяжении четырех веков. Это необходимо было продолжить и в постсоветский период, чтобы Россия могла бы не просто сохранять роль мощного евразийского государства, как это было исстари, а укреплять эту роль и в третьем тысячеле-

тии. Однако, в условиях рыночной экономики, и отказа от данной социально-политической и социально-демографической парадигмы развития Дальнего Востока, представляется, происходит не дальнейшее укрепление, а ослабление этой позиции России, как могущественного государства не только в координатах Евразии, но и в мировом масштабе.

По такому важному для последнего могущества показателю, как численность населения, Российская Федерация за постсоветский период спустилась с седьмого, на девятое место в мировой иерархии, а к концу 2030-х годов, по прогнозам ООН, будет уже замыкать не первую, а вторую десятку. То есть может оказаться, на грани выбывания по данному показателю из этой подгруппы ведущих мировых лидеров. Это негативно может сказаться на геополитической ситуации как в России в целом, и особенно остро – на региональном уровне федеральных округов – на геополитической ситуации в ДФО.

Для того, чтобы по возможности этому противостоять, в том числе с помощью использования такого механизма перераспределения российского населения по ее территории, как внутрироссийская миграция, уже на сегодняшний день представляется не просто целесообразным, но просто чрезвычайно актуальным, с одной стороны, творчески вернуться к идеям и методологическим основам основных дореволюционных концепций освоения восточных территорий, особенно – Дальнего Востока, адаптировав их к современной социально-экономической и социально-демографической ситуации. Начать проводить в жизнь важнейшие принципы этих концепций, в том числе тех концепций, которые базировались на подходах материального стимулирования, вообще, а для переселенцев на Дальний Восток – в особенности.

В последнем случае эта специфика выражалась в том, что в той или иной мере такая поддержка оказывалась всем переселенцам – в Российской Империи, мигрантам – в Советской России, на дальневосточные территории. И эти принципы осуществлялись и в дореволюционной переселенческой практике, и в советской. Но особенно правомерным, их отражение имело место в концепциях дореволюционных, где эти принципы предполагалось соблюдать по отношению ко всем переселенцам на Дальний Восток. В Российской Империи соблюдался принцип государственной поддержки всем и по возможности во всем в переселениях на дальний Восток. Несмотря на то, что с точки зрения социально-экономической политики, освоение Дальнего Востока не только не приносило прибыль в государственную казну, но, мало того, что, в основном было убыточным для царской казны, и со временем этот дефицит нарастал. «Освоение природных богатств этого края в этот период давало не прибыль, а убытки. Если в среднем за год дефицит казны в Приамурском крае составлял в 70-е годы XIX в. 2–3млн. руб., в 80-е годы – 6–7 млн., то в начале XX в. – уже 30–35 млн. руб.» [1]. И этот момент надо подчеркнуть особо в настоящее время, когда принимая различные государственные программы, по развитию Дальнего Востока, вышеупомянутую Концепцию демографической политики Дальнего Востока, российское государство, при этом, продолжает недофинансировать. «Далеко не все федеральные органы исполнительной власти руководствуются приоритетом развития Дальнего Востока, определенным Президентом Российской Федерации. Поскольку на финансовое обеспечение «дальневосточных мероприятий» предусмотрено только 0,3% от общего финансирования. А достижение поставленных амбициозных, стратегических целей, в т.ч. в сфере демографической политики Дальнего Востока, не-

возможно без дополнительных комплексных государственных мер, направленных на укрепление финансово-бюджетной сферы» [2, с. 219]. Более того, анализируя современную бюджетную систему Российской Федерации, специалисты в этой сфере, указывают следующее: «Принятое законодательное решение об увеличении в 2018 г. минимального размера оплаты труда наибольшим бременем ляжет на бюджеты ДФО, поскольку федеральным законодательством предусмотрено предоставление гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего севера, приравненных к ним местностях, а также в иных местностях с особыми климатическими условиями, и система оплаты труда призвана возместить дополнительные материальные и физиологические затраты гражданам в связи с их работой и проживанием в экстремальных природно-климатических условиях» [3, с.1]. Что это означает для ДФО? Только то, что это неизбежно приведет к росту объемов бюджетных расходов именно дальневосточных регионов, в первую очередь. Поэтому, в связи с необходимостью выполнять государственные обязательства выплат «северных коэффициентов», «при расчете финансовой помощи из средств федерального бюджета на основе «модельных расходов» для этих субъектов Федерации должен использоваться подход, учитывающий специфику Дальнего Востока» [2, с.219]. А этого нет. И это – при том, что и в Российской Федерации, и в Российской Империи, с момента начала интенсивного освоения и заселения Дальнего Востока, с 1850 г., господствовали рыночные отношения, и поэтому основные принципы и подходы к регулированию процессами переселения/миграции населения, осуществлялись с единообразной социально-экономической мотивацией. Но, это не приводило, для Дальнего Востока, к одинаковым социально-экономическим подходам и результа-

там в рамках различных государственных социально-политических и социально-демографических парадигм в отношении данного стратегически, наиболее уязвимого с точки зрения геополитических координат, региона России. Особенно, негативно для постсоветской России, сравнение ее современной социально-демографической политики на Дальнем Востоке, с социально-демографической политикой, проводимой в отношении Дальнего Востока в Российской Империи. Поэтому кратко остановимся на этом сравнении подходов и идеях концепций социальной политики в этом стратегически важном регионе России для «рыночного» прошлого Российской Империи», с одной стороны, и «рынка» в Российской Федерации, с другой стороны. Специфика социальной политики в Российской Империи на Дальнем Востоке, состояла в следующем. С одной стороны, население Дальневосточного региона формировалось в результате переселений из европейской части страны и миграции населения из сопредельных азиатских государств, а также коренных аборигенов. И в социальной помощи и поддержке государства нуждались все участники этого процесса. С другой стороны, она делала вывод, что эта помощь и поддержка была значительной, она не укладывалась в рамки общероссийского законодательства. Это – очень важное замечание, на которое необходимо ответить, что это так было несмотря на то, что со стороны государства такая поддержка была вынужденной мерой в Российской Империи.

В настоящее время, в Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 г., представляется, методологически ошибочно, была произведена ее редакция в октябре 2017 г., когда в нее были внесены дополнительные пункты, касающиеся конкретных параметров запланированного повышения социальной помощи нуждающимся. Это – методологиче-

ски не верно. Поскольку мероприятия по повышению жизненного уровня той или иной группы населения, в нашем случае – для Дальнего Востока России, это – прерогатива уже дорожной карты Концепции, иными словами – ее миграционной программы. В то время, как Концепция дает лишь идею, которая должна сформировать парадигму демографической (в том числе – и миграционной политики) на Дальнем Востоке. И эта политика, как, впрочем, любая другая политика, для ее научного обоснования, должна включать в себе триединство: и концепцию, и законодательную базу, и миграционную программу. В то время, как вышеупомянутые, «точечные меры», с разбивкой по годам, не приведут к сплошному внедрению мер повышения уровня жизни всех дальневосточников, без исключения.

В этом случае, представляется можно сформировать стабилизацию численности не просто дальневосточников, включающую мигрантов последних десяти лет вселения, сколько – стабилизацию численности старожилов (мигрантов, проживших более 10 лет на Дальнем Востоке). И, следовательно, спасти генофонд старожилов и коренных жителей Дальнего Востока, который уже адаптирован к специфике природно-климатических условий этого сурового, но самого богатого природными ископаемыми, региона России), от его не возобновляемой потери в ближайшие десятилетия. Вследствие внутренних миграций с его территорий в западные районы России, в основном, в центральные районы европейской части страны, его населения, особенно – старожилов. И это не вопрос регионального развития Дальневосточного федерального округа (ДФО), это вопрос выживания России в новых геополитических условиях.

В связи с вышесказанным, если рассматривать сложившуюся к настоящему времени демографическую, и, в том чис-

ле, особенно – миграционную ситуацию на Дальнем Востоке, даже с гипотетической точки зрения – возможности его развития, очень проблематичны, если их рассматривать в координатах современной практики государственного регулирования демографическим и миграционным развитием этого региона. Поскольку даже вследствие таких гипотетических, пусть – кардинальных трансформаций, параметры демографического развития Дальнего Востока, просто вернуться к своей траектории развития почти три десятилетия назад. А, поэтому, не смогут не только стать, но даже – просто, приблизиться к оптимальным для данного стратегического региона, демографическим параметрам. В особенности, внутрироссийской миграции населения, не стоит ожидать изменения современных, нисходящих трендов численности дальневосточного населения, и восходящих трендов – миграционной его убыли.

Список литературы и источников

1. Приамурье: факты, цифры, наблюдения: собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации / [под ред. Т. И. Полнера]. – Москва: [Городская тип.], 1909.
2. Шабельникова С. Тенденции в финансово-бюджетной сфере регионов дальневосточного федерального округа //Федерализм. 2018. № 2. С. 203–220.
3. Бушмин Е.В. Правильно считаем МРОТ // Парламентская газета. 23 мая 2018. № 20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/economics/pravilno-schitaem-mrot.html>

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ (на примере участников программы академической мобильности «ERASMUS+»)

Кулиш Виталий Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия). E-mail: vitalii.kulish@mail.ru

Алексеевко Владислав Николаевич, студент Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета, старший лаборант кафедры лингводидактики и второго иностранного языка, Барнаул (Россия). E-mail: unbreakableperson@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность академической мобильности студентов высших учебных заведений. Описаны теоретические основы социальной толерантности как проявления социокультурной адаптации студентов-мигрантов. Авторы приводят результаты исследования студентов лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета на предмет типа и уровня социокультурной адаптации.

Ключевые слова: академическая мобильность, образовательная миграция, студенты-мигранты, социокультурная адаптация, социальная толерантность, межкультурная коммуникация, поликультурное общество.

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AS AN INDICATOR OF SOCIAL TOLERANCE OF MIGRANT STUDENTS (on the example of participants in the "ERASMUS+" academic mobility program)

Vitaliy V. Kulish, PhD (Sociology), Associate Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). E-mail: vitalii.kulish@mail.ru

Vladislav N. Alekseenko, student, Assistant of Linguodidactics Department and the Second Foreign Language, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). E-mail: unbreakableperson@mail.ru

Abstract. The article underlines the importance of academic mobility of students of higher education institutions. Theoretical bases of social tolerance as a sign of sociocultural adaptation of migrant students are described. The authors present the results of a study of students of the Linguistic Institute of Altai State Pedagogical University concerning the type and level of socio-cultural adaptation.

Keywords: academic mobility, educational migration, migrant students, sociocultural adaptation, social tolerance, intercultural communication, multicultural society.

Академическую мобильность, или образовательную миграцию, как один из видов миграционных потоков можно выделить на основе такого классификационного признака, как цель перемещения. Академическая мобильность представляет из себя перемещение студентов высших учебных заведений между странами в другое образовательное учреждение за пределами своей страны с целью получения образования определенного уровня в течение определенного срока [4, с. 267].

Одним из приоритетных направлений развития современного многонационального и поликонфессионального российского общества является воспитание личности студента, способной и готовой к успешному межкультурному взаимодействию, обладающей мировоззрением, основанном на диалоге культур. Таким образом, категория студентов-мигрантов является приоритетной и одной из наиболее хорошо адаптирующихся групп мигрантов в языковое и национальное социокультурное пространство, поскольку студенты-мигранты – это молодые и инициативные люди, которые отличаются открытостью и готовностью к благоприятному межкультурному взаимодействию и эффективному восприятию знаний.

Социокультурная адаптация студентов – это формирование и реализация тактик освоения принимающего сообщества и поддержания собственной идентичности [2, с. 38]. Взаимный процесс приспособления студентов и принимающего общества устремлен на освоение локальных особенностей образования и локальной культуры с одновременным сохранением своей национальной культуры «студентов-мигрантов», на формирование у них уважительного восприятия региона обучения. Среди факторов, оказывающих влияние на процесс адаптации российских студентов, выделяется социальная толерантность.

Социальная толерантность как показатель социокультурной адаптации студентов-мигрантов играет важную роль в интеграции в принимающее сообщество. Для осуществления благоприятного межкультурного взаимодействия обучающемуся важно владеть большим набором знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам по-

ведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка [1, с. 41].

Социальная толерантность является показателем процесса социализации личности студента-мигранта. Понятие «толерантность» применимо для описания включенности социального субъекта в процесс взаимодействия культур и с этой точки зрения результатом социализации личности студента-мигранта является толерантность как элемент индивидуальной социальной культуры. Студент-мигрант готов к взаимодействию и конструктивному сотрудничеству с другими социальными субъектами, носителями иного вида или типа социальной культуры, на основе понимания и принятия особенностей ее проявления.

«Готовность» выражается в:

1. Знании особенностей «чужой культуры»;
2. Понимании основных мотивов и норм поведения ее носителей;
3. Умении выстраивать позитивные отношения с ее представителями;
4. Сохранении качеств субъекта собственной культуры.

В основе социальной толерантности лежат:

1. Социальная эмпатия;
2. Социальная идентичность личности.

Итак, социальная толерантность – это готовность социального субъекта к взаимодействию и конструктивному сотрудничеству с другими социальными субъектами, носителями иного вида или типа социальной культуры, на основе сформированной социальной идентичности и социальной эмпатии, выраженная в поведении и ценностно-мотивационной сфере [3, с. 6]. Индекс уровня толерантности как эмпирический эквивалент понятия «социальная толерантность» отражает степень

готовности изучаемой социальной общности или индивида к взаимодействию с носителями иного вида или типа социальной культуры в различных сферах общественной жизни.

В октябре-ноябре 2019 г. было проведено исследование с целью выявления типа (адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический, отчужденный) и уровня (низкий, средний, высокий) адаптации к новой социокультурной среде у студентов, ранее участвовавших в программе академической мобильности «Erasmus+». Исследование проводилось с использованием теста Л.В. Янковского. В тестировании принимали участие 12 студентов 4–5 курсов отделения французского языка лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета, которые прошли обучение по программе академической мобильности «Erasmus+» во Франции (г. Безансон, провинции Франш-Конте).

Результаты тестирования позволили выявить высокий уровень адаптации студентов-мигрантов. Такой высокий уровень адаптивности определялся по таким критериям как: «личная удовлетворенность»; положительное отношение к окружающим и принятии их»; «чувство социальной и физической защищенности»; «чувство принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним». Можно сделать вывод о том, что для студентов-мигрантов характерны: стремление к самореализации; высокий уровень активности; уверенность в отношениях с другими; планирование своего будущего, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

Подводя итог, социокультурная адаптация студентов-мигрантов определяется как процесс приспособления субъекта к условиям иной культуры и как результат этого процесса. Процесс социокультурной адаптации направлен на установле-

ние оптимального соотношения ценностей индивида и социума. Результатом такой адаптации является адаптированность студента-мигранта к новым социокультурным особенностям, принятие новых условий, установление взаимоотношений, необходимых для жизнедеятельности, оптимизации самочувствия. Социологический анализ толерантности с целью определения современного взаимодействия культур и перспектив развития социальной интеграции в условиях академической мобильности студентов-мигрантов имеет особое значение.

Список литературы и источников

1. Записных О.В. Методика реализации принципа диалога культур в обучении школьников иностранному языку // Вестник АлтГПУ. 2018. №4 (37). С. 41–44.
2. Краснощеченко И. П. Социально-психологическая адаптация студентов-мигрантов и трудовых мигрантов // Психологические науки. 2015. № 8 (39). Ч. 5. С. 38–41.
3. Матвеева Н.А. Социальное измерение направленности и уровня толерантности. Барнаул: АлтГПА. 2011. 24 с.
4. Микова И.М. Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. №10. С.266–273.

ГЕОГРАФИЯ ВЫХОДА ПЛАНОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 1980-е гг.

Пискунов Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Благовещенского государственного педагогического университета», Благовещенск (Россия). E-mail: grew5@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов исследована географическая структура плановых сельскохозяйственных переселенцев Амурской области за 1949–1988 гг.

Ключевые слова: Амурская область, государство, плановое сельскохозяйственное переселение, регионы-доноры, союзные республики.

THE GEOGRAPHY OF THE OUTPUT OF PLANNED AGRICULTURAL MIGRANTS OF THE AMUR REGION, THE SECOND HALF OF THE 1940s – 1980s

Sergey A. Piskunov, Doctor of Sciences (History), Professor of the history of Russia and special historical disciplines of the Blagoveschensk state pedagogical university, Blagoveschensk (Russia). E-mail: grew5@mail.ru

Abstract. The geographical structure of planned agricultural migrants of the Amur Region for 1949–1988 period is explored and analyzed in the article on the basis of archival documents.

Keywords: Amur Region, state, planned agricultural resettlement/migration, donor regions, union republics.

Заселение Дальнего Востока с момента его вхождения в состав России традиционно являлось государственной задачей. Актуальной она оставалась и во второй половине 1940-х – 1980-е гг. Как и прежде в восточные районы привлекались жители европейской части страны при активном стимулировании этого процесса властью. Это во многом обуславливалось геополитическими и экономическими соображениями Центра. Сокрытие селян старообжитых областей СССР, безусловно, оказало свое влияние не только на объемы миграции, но и на географическую структуру привлекаемых на Дальний Восток переселенцев. В предлагаемой статье в качестве цели выступает исследование изменений мест выхода новоселов в 1949 – 1988 гг. на примере Амурской области.

Централизованное аграрное переселение в Амурскую область в послевоенный период, как свидетельствуют архивные данные, началось в 1948 г. В августе этого же года область была выделена из состава Хабаровского края, обретя тем самым современные границы [8, с. 48]. Учет произошедших административно-территориальных изменений нашел отражение в исследовании: в качестве нижней временной границы определен 1949 г.

Анализ и обобщение статистических данных, содержащихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), позволили представить географию выхода плановых сельскохозяйственных переселенцев Амурской области в 1949–1988 гг. Для корректного сравнения исследуемый период разделен на четыре десятилетия: 1949–1958 гг., 1959–1968 гг., 1969–1978 гг., 1979–1988 гг. (рис. 1–4). При этом следует иметь в виду, что в приводимых данных в общем объеме этого вида организованной миграции не учтено внутриобластное переселение.

Данные диаграммы 1 свидетельствуют, что наибольшее число новоселов прибыло из областей, имевших даже к 1959 г. значительный перевес сельского населения над городским [7, с. 26–27]. К ним, прежде всего, относились Тамбовская (16,94 % от общего объема межобластного планового переселения), Курская (16,18 %), Брянская (13,85 %) области. Именно на эти три субъекта пришлось почти 47 % прибывших по межобластному переселению новоселов. Далее со значительным отставанием следовала Татарская АССР – 7,95 %, а «пятерку» замыкала – Украинская ССР с 7,13 %. Невысокая роль жителей Украины в 1949–1958 гг. объяснима начавшейся кампанией освоения целины и залежей: с середины 1950-х гг. миграционные потоки были переориентированы в Казахскую ССР и ряд областей внутри этой союзной республики [9, с. 112].

Рис. 1. Области выхода и число амурских новоселов в 1949–1958 гг., тыс. человек

В 1959–1968 гг. (рис. 2) отмечается падение абсолютных показателей межобластного переселения в Амурскую область. Так, если за 1949–1958 гг. в хозяйства области организовано было направлено 51,06 тыс. человек, то за последовавшее десятилетие только 34,76 тыс. человек (меньше на 31,92 %). По-прежнему значительной была доля центрально-черноземных областей – Воронежской (31,59 %), Тамбовской (16,74 %) и Белгородской (8,31 %), в совокупности составивших (56,34 %). В 1959–1968 гг. в сравнении с 1949–1958 гг. выросли как абсолютные, так и относительные показатели Украинской ССР – с 3,64 тыс. до 4,11 тыс. человек и с 7,13 % до 11,82 %.

Рис. 2. Области выхода и число амурских новоселов в 1959–1968 гг., тыс. человек

Такие изменения были вызваны принятием совместного постановления ЦК КПСС и Советом Министров СССР от 08 июля 1967 г. (№ 638), предусматривавшим переселение из областей РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР в Амурскую область в течение 1968–1970 гг. 8 900 семей [5, д. 1514, л.

359]. Более того, в мае 1972 г. очередным решением Центра указывалось направить 14 200 семей из-за пределов области [4, д. 859, л. 111]. Ведущая роль, судя по диаграмме 3, отводилась Украинской и Белорусской союзным республикам.

В 1969–1979 гг. существенно возросли абсолютные объемы межобластного переселения – до 88,56 тыс. человек (рост в сравнении с предшествовавшим периодом составил более чем в 2,5 раза). Бесспорное лидерство принадлежало Украинской ССР, доля выходцев которой составила 35,26 %. Меньшим, но в целом значительным оказался «вклад» Белорусской ССР – 20,38 %.

Значимой в реализации организованного переселения в Амурскую область оставалась роль Воронежской области – 11,62 %, абсолютные показатели которой в сравнении с 1959–1968 гг. остались почти без изменений. Три десятилетия подряд направляли переселенческие органы жителей Тамбовской области – 5,74 тыс. человек (6,48 %), что ненамного ниже показателей 1959–1968 гг. – 5,82 тыс. человек. Более 5 % новоселов были выходцами Брянской (6,66 %) и Курской областей (5,09 %), Башкирской АССР (5,75 %).

Рис 3. Области выхода и число амурских новоселов в 1969–1978 гг., тыс. человек

В заключительном десятилетии был расширен перечень областей-доноров на фоне снижения общего объема межобластного переселения – до 52,94 тыс. человек (рис. 4). Это, во многом, обуславливалось снижением рождаемости и урбанизацией в субъектах, долгое время являвшихся местами выхода амурских новоселов. В тоже время государственные меры способствовали тому, что по-прежнему ведущие позиции в пополнении хозяйств Амурской области централизованным порядком занимали жители Украинской ССР (38,18 %) и Белорусской ССР (18,64 %). Выше 5 % оказалась доля Краснодарского края – 6,40 %. Впервые за исследуемый период к наиболее значимым регионам-донорам были отнесены Азербайджанская ССР (9,01 %) и Туркменская ССР (8,56 %). В условиях снижения темпа прироста жителей регионов компактного проживания славянского населения специализированными органами стали привлекаться новые, преимущественно союзные республики Закавказья и Средней Азии [9, с. 212]. Последние, очевидно, должны были со временем нарастить свою долю. По крайней мере, об этом свидетельствовала тенденция 1980-х гг. Но социально-экономические и последовавшие за ними политические изменения привели к отказу от практики централизованного сельскохозяйственного переселения на рубеже 1980–1990 гг.

Рис. 4. Области выхода и число амурских новоселов в 1979–1988 гг., тыс. человек

Обобщение данных показывает, что в течение 1949–1988 гг. в хозяйства Амурской области было направлено из других регионов 250,10 тыс. человек. За четыре десятилетия наибольшее число новоселов в Амурскую область было направлено из субъектов РСФСР – 150,84 тыс. человек (60,31 % к общему числу прибывших по межобластному переселению). Среди российских ведущими донорами стали Воронежская – 25,33 тыс. человек (10,13 % к общему итогу), Брянская – 21,5 тыс. человек (8,74 %), Тамбовская – 21,40 тыс. человек (8,56 %), Курская – 18,53 тыс. человек (7,41 %) и Горьковская – 10,71 тыс. человек (4,28 %) области. Из других административно-территориальных единиц выехало от 100 до 6,84 тыс. человек, а доля каждой из них варьировалась от 0,04 % до 2,74 % к общему числу выехавших в Амурскую область. В рассматриваемый период в качестве важнейшего региона-донора выступила

Украинская ССР. Из этой союзной республики выехало 59,19 тыс. человек (23,66 %). Доля Белорусской ССР составила 11,95 % (29,90 тыс. человек). В 1980-е гг. началось организованное переселение жителей Закавказья и Средней Азии на Дальний Восток. Сравнительно небольшой опыт привлечения населения этих регионов обусловил и незначительную их долю в общем объеме планового переселения за 1949–1988 гг. Так, из Азербайджанской ССР выехало 4,77 тыс. человек (1,91 %), Туркменской ССР – 4,53 тыс. человек (1,91 %), Узбекской ССР – 0,88 тыс. человек (0,35 %).

Таким образом, анализ и обобщение данных показывает, что во второй половине 1940-х – 1980-е гг. в Амурскую область прибывали преимущественно жители территорий компактного проживания белорусов, украинцев и русских.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Амурской области (ГА АО). Ф. Р-22. Оп. 3.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-327. Оп. 1.
3. ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1.
4. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1.
5. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч.
6. ГА РФ. Ф. 10 005. Оп. 1.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М., 1963.
8. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – Июль 1956 г. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 502 с.
9. Пискунов С.А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2016. – 216 с.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1.

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Россия). E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Аннотация. В статье на муниципальном уровне рассматриваются факторы миграции населения российской Арктики: пространственные, природно-климатические, демографические и социально-экономические. Показано, что первоочередное значение для миграций арктического населения на современном этапе приобретают факторы качества жизни: возможность получения образования, возможность вести долгую и здоровую жизнь.

Ключевые слова: миграция, население Арктики, муниципальные образования, факторы миграции.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №18-010-00509

MIGRATION FACTORS IN CITIES AND AREAS OF THE RUSSIAN ARCTIC

Andrey V. Smirnov, PhD in Economics, Researcher of the laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Syktyvkar (Russia). E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com

Abstract. The article discusses the migration factors of the population of the Russian Arctic at the municipal level: spatial, climatic, demographic, and socio-economic. It is shown that the factors of quality of life (the opportunity to get an education, to lead a long and healthy life) are becoming of primary importance for the migration of the Russian Arctic population at the present stage.

Keywords: migration, Russian Arctic population, municipalities, migration factors.

The study was conducted with support from RFBR grant №18-010-00509

Изучение демографии российской и мировой Арктики приобретает все большую актуальность. Это связано с существенным вкладом Арктики в экономику северных государств, с огромными запасами природных ресурсов, транспортным значением региона и с его высоким человеческим развитием. Формируется новое междисциплинарное научное направление – региональная арктическая наука [1], в рамках которой демографическим вопросам уделяется важное место. Исследователи отмечают высокую миграционную подвижность арктического населения, цикличность и сезонность арктических миграций [1]. Миграции, особенно межрегиональные, оказывали доминирующее влияние на формирование населения как российской, так и мировой Арктики в XX-XXI вв. [2; 3]. Вначале это было освоение с широким применением принудительной миграции, затем – трудовые миграции поощрялись экономическими стимулами [4]. Тем не менее, Арктика не стала восприниматься как «Родина» для мигрантов и их потомков, о чем свидетельствуют социологические исследования [5]. Поэтому после 1989 г. в условиях снижения относительного уровня и качества жизни в российской Арктике начался стремительный миграционный отток [6].

Для понимания сути миграционных процессов в арктическом пространстве необходимо рассматривать их с максимальной степенью детализации – на муниципальном уровне, поскольку демографическое развитие Арктики крайне неравномерно и мозаично, что обусловлено разнообразием форм расселения и этнического состава [2; 7]. Объект исследования – население Арктической зоны Российской Федерации (с учетом территорий, включенных в Арктическую зону в 2017 и 2019 гг.). В нее входят 66 городских округов и муниципальных районов: 30 в европейской части Арктики и 36 – в азиатской.

Цель статьи – оценить влияние различных факторов на миграцию населения российской Арктики на муниципальном уровне. Методы исследования: корреляционный и сравнительный анализ, анализ муниципальной статистики. Информационной базой исследования стали: база данных показателей муниципальных образований Росстата, результаты мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования и база данных «Виртуальное население России» [8].

На муниципальном уровне будут рассмотрены различные факторы миграции: пространственное расположение, климатические условия, экономическая специализация, агломерационный эффект, заработные платы, образование и качество жизни.

Все миграционные теории в том или ином виде учитывают концепты пространственного взаиморасположения территорий и населения, близости и удаленности. Однако в Арктике ввиду огромных расстояний и слабой заселенности пространство приобретает первоочередное значение в анализе миграций. На рис. 1 стрелками представлены крупнейшие миграционные потоки из каждого муниципального образования российской Арктики согласно данным проекта «Виртуальное население России» [8]. Проект, реализованный при поддержке

Русского географического общества, предоставил исследователям доступ к географически привязанным демографическим данным, полученным путем обработки 200 млн анкет пользователей социальной сети «ВКонтакте» (на январь-март 2015 г.). Рисунок построен по данным о хронологически последнем переезде пользователей социальной сети.

Рис. 1. Основные направления миграционных перемещений населения российской Арктики

Несмотря на ограничения данных, полученных на основе анализа социальных сетей, рисунок все-же позволяет сделать сразу несколько интересных выводов. Во-первых, центром притяжения для жителей европейской Арктики является Санкт-Петербург, а для жителей азиатской – Москва (исключения: городские округа Новая Земля и Норильск). Во-вторых,

жители городских округов чаще сразу переезжают в Москву или Санкт-Петербург, а жители муниципальных районов более склонны к переезду в столицы своих субъектов РФ. Вероятно, это связано с тем, что городские жители имеют возможность получить более качественное образование и накопить материальные ресурсы для переезда в столичные города. Таким образом, столицы арктических регионов выступают промежуточным звеном в миграционных перемещениях из арктических районов в крупнейшие города России.

С пространством связаны и климатические аспекты миграционных перемещений [9]. Таблица 1 показывает миграционный прирост по зонам природных условий жизни населения, выделенным учеными Института географии РАН [10]. В абсолютно неблагоприятной климатической зоне убыль (на 1000 жителей) существенно выше, чем в условно неблагоприятной. Однако это во многом обусловлено динамикой в крупнейших городах. Разброс внутри групп муниципальных образований (МО) очень велик, что не позволяет сделать однозначных выводов о влиянии природно-климатических условий на миграционную динамику.

Таблица 1.

**Миграционный прирост по зонам природных условий
российской Арктики**

Зона природных условий	Число МО	Крупнейшие города	Население, нач. 2018 г.	Коэффициент миграционного прироста, 2015–2017 гг.
Абсолютно неблагоприятная	25	Норильск, Воркута	427 064	-10,3
Очень неблагоприятная	23	Мурманск, Новый Уренгой	1 007 532	-7,6
Неблагоприятная	10	Ноябрьск	336 114	-7,2

Условно неблагоприятная	8	Архангельск, Северодвинск	677 882	-4,7
-------------------------	---	---------------------------	---------	------

Важно проанализировать влияние экономической специализации муниципальных образований на величину миграционного прироста (таблица 2). Специализация определялась методом кластеризации k-средних по долям занятых в различных видах экономической деятельности. Выявлено, что наибольший миграционный отток характерен для городов и районов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, инфраструктуре (также добывающей), социальной сфере. Меньше отток в МО, которые специализируются на обрабатывающих производствах, и во многофункциональных (смешанных) МО. То есть разнообразие рынка труда позитивно сказывается на миграционной ситуации. Наконец, только в закрытых (оборонных) МО наблюдался миграционный прирост, что объясняется повышением геополитической значимости арктического региона и активизацией оборонной активности.

Таблица 2.

Миграционный прирост по зонам природных условий российской Арктики

Группы муниципальных образований по экономической специализации	Число МО	Коэффициент миграционного прироста, 2015–2017 гг.
Инфраструктурные	6	-13,7
Добывающие	13	-11,7
Социальные	9	-11,1
Смешанные	19	-7,1
Обрабатывающие	5	-4,0
Закрытые	6	5,1

Для более комплексной оценки факторов арктической миграции проведен корреляционный анализ влияния ряда показате-

телей на миграционный прирост арктических муниципалитетов в 2015–2017 гг. Были отобраны следующие показатели: общая численность населения, стандартизованный коэффициент смертности, доля студентов в численности населения, отношение среднемесячной заработной платы к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Первый показатель отражает влияние агломерационного эффекта [12] на миграционные процессы в Арктике, второй – влияние долголетия и общего качества жизни, третий – влияние возможности получения образования, четвертый – влияние доходов.

Корреляционный анализ по 66 муниципальным образованиям Арктики показал, что наибольшее влияние на миграционную привлекательность арктических территорий оказывает долголетие (рисунок 2). Коэффициент линейной корреляции между стандартизованным коэффициентом смертности, рассчитанным методом косвенной стандартизации и коэффициентом миграционного прироста, составил 0,56.

Рис. 2. Корреляция долголетия и миграционного прироста в арктических МО России, 2015–2017 гг.

На втором месте (коэффициент 0,47) оказалась доля студентов, которая рассчитывалась как отношение приведенного контингента студентов высших учебных заведений к общей численности населения. Корреляция с общей численностью населения (0,16) и с доходами (0,19) не достигает уровня статистической значимости. Зарплаты влияют как на численность прибывших, так и на численность выбывших, в результате чего миграционные потоки взаимно компенсируют друг друга. Таким образом, только материальными стимулами нельзя добиться повышения миграционной привлекательности арктических территорий. Для улучшения миграционных тенденций следует сосредоточиться на повышении общего уровня и качества жизни населения, а также на расширении возможностей по получению высшего образования населением.

Получение образования соответствует долгосрочным целям как отдельных жителей, так и территорий, где расположены учебные заведения. Территории с образованными сообществами более привлекательны из-за более высокого качества и разнообразия жизни, вызванного предпринимательской активностью, низкого уровня преступности [13]. Между качеством жизни и миграцией существует обратная связь, которая поддерживается циркулярным и кумулятивным эффектом [14]. Поскольку образованное и трудоспособное население наиболее подвижно, то миграционный отток в Арктике неизбежно приводит к сокращению показателей человеческого развития территорий, что провоцирует дальнейшее снижение миграцион-

ной привлекательности, формирует установки северян на отъезд.

В условиях пространственного выравнивания показателей материального уровня жизни [7], больше не обеспечивающего достойной компенсации за дискомфортные условия жизни, а также оптимизации сети образовательных организаций [15], приводящей к ликвидации вузов и их филиалов в северных городах, следует ожидать дальнейшего высокого миграционного оттока из арктических регионов. Кумулятивный эффект, порожденный многолетней убылью населения, и налаженные миграционные связи склоняют оставшихся в Арктике к миграции. Для сохранения демографической безопасности арктических территорий необходимо комплексно увеличивать показатели человеческого развития во всех измерениях. Соответствующие целевые показатели должны найти отражение в стратегических документах всех уровней управления. Дальнейшие исследования арктической миграции должны ставить своей целью определение миграционных стратегий жителей арктических регионов, разработку инструментов для прогнозирования и управления миграционными потоками.

Список литературы и источников

1. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Регион: экономика и социология. 2017. №3 (95). С. 3–30. DOI: 10.15372/REG20170301.
2. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages / J.N. Larsen et al. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. 504 p. DOI: 10.6027/TN2014-567.
3. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130.
4. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению //

Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2015. №3. С. 151–168.

5. Bolotova A., Stammler F. How the North Became Home. Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk Region / C. Southcott, L. Huskey (Eds.). Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts, 2010, pp 193–220.

6. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 27–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47.

7. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. №3 (31). С. 6–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22.

8. Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07.

9. Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A., Lammers R.B. Climigration? Population and Climate Change in Arctic Alaska // Population and Environment. 2016. Vol. 38 (2). Pp. 115–133. DOI: 10.1007/s11111-016-0259-6.

10. Виноградова В.В., Золотокрылин А.Н., Кренке А.Н. Районирование территории Российской Федерации по природно-климатическим условиям // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 106–117.

11. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. 2019. № 2 (34). С. 4–17. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-4-17.

12. Scott A., Storper M. The Nature of Cities: The Scope and Limits of Urban Theory // International Journal of Urban and Regional Research. 2014. Vol. 39 (1). Pp. 1–15. DOI: 10.1111/1468-2427.12134.

13. Florida R. Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. New York: Basic Books, 2008. 386 p.

14. Piche V. Les Theories Migratoires Contemporaines au Prisme des Textes Fondateurs // Population, 2013, vol. 68, pp. 153–178. DOI: 10.3917/popu.1301.0153.

15. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Высшее образование как фактор сохранения городов в Уральском макрорегионе // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 914–926. DOI: 10.17059/2018-3-16.

МИГРАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КАРКАС ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ: «ВТОРЫЕ» И «ТРЕТЬИ» ГОРОДА

Фомин Максим Витальевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственного развития Института социально-политических исследований РАН, Москва (Россия). E-mail: mvfomin@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы пространственного развития Дальнего Востока России. Акцентируется формирование перспективного пространственного каркаса макрорегиона на основе выявления узлов опережающего роста (т.н. «вторые» и «третьи» города субъектов по правилу «ранг-людность»), существенные в федеральном экономическом контексте, а также рассмотрены актуальное состояние инфраструктуры в субъектах округа и современные демографические тенденции. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы как для территориального планирования на уровне федеральных округов, так и при проведении дальнейших изысканий на общегосударственном и межрегиональном уровне.

Ключевые слова: пространственное развитие, территориальное планирование, федеральный округ, узел опережающего роста, «второй» город, «третий» город.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №19-010-00836

MIGRATION & SPATIAL FRAMEWORK OF THE FAR EAST OF RUSSIA: “SECOND” AND “THIRD” CITIES

Maxim V. Fomin, PhD (Political Sciences), Leader Researcher of the Department of Geourbanistics and Spatial Development, Institute of Socio-Political Research of the RAS, Moscow (Russia). E-mail: mvfomin@mail.ru

Abstract. The report is devoted to the spatial development of the Russian Far East. The formation of a promising spatial framework of macro-region based on the identification of hubs of advanced growth (the so-called “second” and “third” cities of subjects according to the rule of “rank-populous”), essential in the federal economic context, is emphasized. The findings of the study can be used both for territorial planning at the federal district level and for further research at the national and interregional level.

Keywords: spatial development, territorial planning, federal district, hub of advanced growth, “second” city, “third” city.

Введение. В Послании Федеральному Собранию в марте 2018 г. Президент России В.В.Путин в качестве ключевого аспекта будущего нашей Родины предложил развернуть масштабную программу пространственного развития, включая развитие инфраструктуры городов и других населённых пунктов. Что и подкрепил после инаугурации новым майским Указом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1].

В нём одним из поручений правительству предписано на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации «повысить уровень экономической связанности территории Российской Федерации посредством расширения и модернизации транспортной инфраструктуры» всех типов.

Отдельным подпунктом акцентируется «поэтапное развитие транспортных коммуникаций между центрами субъектов Федерации и другими городами – центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях» [1].

Однако, в утверждённой в феврале 2019 г. Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025г. (СПР) в приоритете агломерации, минерально-сырьевые и агропромышленные центры [2]. Шансов средним и малым городам практически не остаётся (если только это не туристические бренды, производственные базы или транзитные поселения на федеральных трассах и крупнейших хабах) [3].

Тем более что крайне острой является ситуация, стоящая перед Россией в XXI веке – обеспечить социальное, экономическое и культурное развитие Дальнего Востока в условиях депопуляции на среднесрочную перспективу. Особенно учитывая, что ключевыми проблемами здесь являются как низкий уровень заселённости, так и не всегда благоприятные природно-климатические условия для ведения хозяйственной деятельности.

Существующую систему расселения Дальнего Востока можно разделить на три типа, каждый из которых, нуждается в специфической региональной политике. И уже в зависимости от демографического потенциала территории необходимо выделение нескольких типов государственной политики развития систем расселения под классы территорий [3]:

1. Территории инерционного развития систем расселения – с развитием свободной самоорганизации расселения;
2. Территории активного государственного вмешательства, где депопуляция нежелательна по геостратегическим усло-

виям (см., например, [4]), с проведением политики закрепления населения;

3. Территории демографического ресурса – сдержанное инвестиционное развитие, рамочное регулирование миграционных потоков из других регионов, в связи с тем, что численность населения и трудовых ресурсов на данных территориях выше потребности в них.

Ставя вопрос о перспективах всего дальневосточного макрорегиона, необходимо отдавать себе отчёт, что только территориальное развитие – это изменение функций, но пространственное – это уже эволюция системы.

Например, профессор Вячеслав Глазычев акцентировал основу пространственного развития как «формирование пространственного каркаса страны, включая узлы опережающего роста и связи между ними, планирование направлений развития узлов и связей, способного вовлечь в свою орбиту и депрессивные территории» [5].

Другими словами, пространственное развитие неотделимо от увеличения реального жизненного пространства. При отсутствии необходимой инфраструктуры и транспортной связанности, изолированные территории постепенно становятся деструктивными рудиментами государства и сталкиваются как с дефицитом ресурсов, так и с массовым миграционным оттоком.

Дальний Восток России – проблемы и перспективы. Дальневосточный федеральный округ (ДФО), с одной стороны, занимает более 40% территории России – причём это территории основного неразведанного шельфа нефти и газа и залежей полезных ископаемых, но, с другой, здесь проживают менее 6% граждан страны, при самой низкой плотности населения (1,18 чел./кв.км). Наличествуют – по списку Минэкономразви-

тия – 1 агломерация с вкладом свыше 1% ВВП (Владивостокская) и 1 агломерация с вкладом менее 1% (Хабаровская) (таблица 1) [7].

Таблица 1.

**Основные экономико-географические показатели
Дальнего Востока**

Территория (площадь)	6 952 555 км ² (40,6% РФ)
Кол-во субъектов	11
Кол-во городов	84
Население	8,189 млн чел.
Плотность населения	1,18 чел./км ²
Городское население	72,9 %

Кроме, собственно, малоосвоенности пространств, Дальний Восток России ярчайший пример последовательного (с конца 1980-х гг.) обезлюдивания (таблицы 2–4).

Таблица 2.

**Матрица изменения численности населения Сибири
и Дальнего Востока (2016–2018 гг.)**

Миграционные процессы Естественные процессы	Миграционная убыль	Миграционный прирост
Естественная убыль	Приморский и Хабаровский края; Амурская и Магаданская области; Еврейская автономная область	—
Естественный прирост	Республики Бурятия, Саха (Якутия); Забайкальский и Камчатский края; Чукотский автономный округ.	Сахалинская область

Сахалинская область – единственный регион, где удалось сохранить положительную динамику как естественного, так и миграционного прироста в 2016–2018 гг. И только естественный прирост пока наличествует в Республиках Бурятия и Саха (Якутия); Забайкальском и Камчатском краях; Чукотском автономном округе.

Таблица 3.

**Общий прирост/убыль населения (2016–2018 гг.)
и численность населения ДФО (на 01.01.2019 г.)**

Субъект	При- рост/убыль населения, %	Численность на- селения, тыс. чел.	Естественный прирост/убыль, тыс. чел.
Республика Бурятия	+ 0,10	983,27	+ 12,48
Республика Саха (Якутия)	+ 0,76	967,01	+ 18,92
Забайкальский край	- 1,59	1065,79	+ 4,63
Камчатский край	- 0,44	314,72	+ 0,59
Приморский край	- 1,36	1902,72	- 12,68
Хабаровский край	- 0,98	1321,47	- 2,75
Амурская область	- 1,55	793,19	- 3,66
Магаданская область	- 3,53	141,23	- 0,34
Сахалинская область	+ 0,48	489,64	+ 0,84
Еврейская автономная область	- 3,72	159,91	- 0,85
Чукотский автономный округ	- 1,07	49,66	+ 0,46

Одним из главных препятствий ДФО для устойчивого роста, являются пространственные диспропорции. Существует критическая потребность создания условий, привлекательных для конкурентной жизнедеятельности. Ключевая роль в дости-

жении этой цели принадлежит качественному территориальному планированию и устойчиво-безопасному пространственному развитию.

Вместе с тем, инфраструктуру в России на протяжении нескольких десятков лет строят не системно: чёткий план комплексного развития территорий отсутствует даже по отраслям. Единой статистики и оценки состояния инфраструктуры в стране также нет, то есть регионы и федеральные власти инвестируют в транспорт, ЖКХ, энергетику, благоустройство городов, школы и больницы, опираясь на потребности сегодняшнего дня. Горизонт планирования не превышает двух-трех лет, а утвержденные стратегии развития часто не выполняются.

В этой связи достаточно информативно и корректно исследование компании «InfraOne» «Инфраструктура России: индекс развития» [8] в котором были сведены общедоступные статистические данные о количестве и качестве транспортной, энергетической, социальной, коммунальной и телекоммуникационной инфраструктуры. Показатели по субъектам Дальнего Востока представлены в таблицу 4. Среднее значение индекса по стране – 5,7 (максимум – в Москве – 7,78 из 10).

Таблица 4.

**Миграционный прирост/убыль в ДФО (2016–2018 гг.),
индекс развития инфраструктуры (2018 г.)
и минимум необходимых инвестиций (2019 г.)**

Субъект	Миграционный прирост/убыль населения, тыс. чел	Индекс развития инфраструктуры	Мин. инвестиции, млрд руб.
Республика Бурятия	- 11,21	5,06	9,4
Республика Саха (Якутия)	- 11,74	4,82	34,0

Забайкальский край	- 21,85	5,2	13,9
Камчатский край	- 1,96	6,01	6,9
Приморский край	- 13,45	5,66	36,2
Хабаровский край	- 10,21	5,83	29,4
Амурская область	- 8,77	5,52	15,6
Магаданская область	- 4,8	6,03	8,3
Сахалинская область	+ 1,56	5,92	12,7
Еврейская автономная область	- 5,32	5,39	4,8
Чукотский автономный округ	- 0,94	6,14	4,3

Если в целом по стране минимальная инвестиционная потребность – 2,6 трлн. руб., то в Дальневосточном округе – 175,5 млрд руб. Учитывая существующий инфраструктурный дефицит, может продолжиться стягивание населения в крупные города и агломерации.

Причём полной прямой корреляции между уровнем инфра-дефицита и миграционным оттоком на первый взгляд нет. Но данный дефицит торпедует управленческие инициативы по повышению инвестиционной и миграционной привлекательности, приводит к снижению риск-аппетита инвесторов и падению деловой активности.

Более того, не является секретом, что в силу демографического сжатия России, территории ряда субъектов могут оказаться растянуты между крупнейшими узлами экономического тяготения, а в среднесрочной перспективе и утратить жизнеспособность. В то же время, действующая система расселения была выстроена под уходящие задачи: центры – по факту – уже не всегда такими являются.

Пространственный (опорный) каркас макрорегиона. Альтернативный вариант пространственной организации, чаще всего называемый «геоструктурным подходом» [9], подразумевает переформатирование каркаса развития макрорегиона на основе комплекса узлов опережающего роста и связи между ними (т.н. «вторые» и «третьи» города субъектов макрорегионов по правилу «ранг-людность» и скоростные транспортные оси между ними). Соответственно, в перспективе важно превентивное (проактивное) планирование перспективного развития таких узлов и связей. Структурно примеры достаточно известны: Владивосток – Находка – Артём, Якутск – Нерюнгри – Мирный и т.д. Нами были выделены из 84 городов макрорегиона 15 «вторых» и 22 «третьих» (Таблица 5). В основном «вторые» города несопоставимы по размеру и уровню экономической активности с «первыми», но есть и исключения, когда они начинают если не превосходить, то догонять центры субъектов.

Обращает на себя внимание и эффект некоторых «третьих» городов. Они могут быть меньше по численности населения и более удалены от центра субъекта, но уровень экономической активности (в т.ч. скрытой) превышает или на уровне «вторых» городов. Если подойти к вопросу переформатирования пространства макрорегионов через узлы «вторых» и «третьих» городов, это позволит структурировать новую планировочную сетку экономической активности [10].

Таблица 5.

Система узлов опережающего роста ДФО

Субъект	«Первый» город	«Второй» город	«Третий» город
Республика Бурятия	Улан-Удэ	Северобайкальск, Гусиноозерск, Кяхта	Закаменск

Республика Саха (Якутия)	Якутск	Нерюнгри	Алдан, Мирный, Ленск
Забайкальский край	Чита	Краснокаменск	Борзя, Петровск-Забайкальский, Нерчинск
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский	Елизово	Вилючинск
Приморский край	Владивосток	Уссурийск, Находка	Артём, Арсеньев, Большой Камень
Хабаровский край	Хабаровск	Комсомольск на Амуре	Амурск, Советская гавань
Амурская область	Благовещенск	Свободный, Белогорск	Тында, Зея
Магаданская область	Магадан	Ола	Палатка, Сусуман, Сокол
Сахалинская область	Южно-Сахалинск	Корсаков	Холмск, Оха
Еврейская автономная область	Биробиджан	Облучье	Николаевка
Чукотский автономный округ	Анадырь	Билибино	Певек

Так же представляется важным провести специальное разделение территории макрорегиона по признаку федерального присутствия. До середины 2000-х гг. «вторые города», как правило, не нуждались в федеральной поддержке, т.к. основные экономические объекты принадлежат достаточно крупному бизнесу, то уже сейчас они, так же, как и «третьи» города испытывают очевидную потребность в обязательной поддержке и развитии инфраструктуры, особенно транспортной (См. [8]).

Результаты исследования. Дальнейшая классификация «вторых» и «третьих» городов возможна по перспективам их жизнедеятельности на «точки роста», «зоны равновесия» и депрессивные поселения. Нами был проведён анализ, когда города распределяются по данным типам при совпадении четырёх и

более положительных («точки роста») или отрицательных («депрессивные поселения») значений таких показателей, как:

«прирост/убыль населения»; «рост/падение бизнес – активности МСБ»; «близость/удалённость от экономических центров»; «приграничное расположение» (да/нет); «рост/снижение безработицы»; «индекс развития инфраструктуры» ($5,7 <$ или $5,7 >$). При паритете показателей (3:3) – город причисляется к «зонам равновесия». Результаты представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Типология «вторых» и «третьих» городов ДФО

Субъект	«Точки роста»	«Зоны равновесия»	Депрессивные поселения
Республика Бурятия	–	Кяхта, Закаменск	Северобайкальск, Гусиноозерск
Республика Саха (Якутия)	Мирный	Алдан, Ленск	Нерюнгри
Забайкальский край	–	Борзя, Нерчинск	Краснокаменск, Петровск-Забайкальский
Камчатский край	Елизово	Вилучинск	–
Приморский край	Уссурийск, Большой Камень	Артём, Находка	Арсеньев
Хабаровский край	Комсомольск на Амуре	Советская гавань	Амурск
Амурская область	Свободный	Зея	Тында, Белогорск
Магаданская область	Палатка	Ола, Сусуман, Сокол	–
Сахалинская область	Холмск, Оха	Корсаков	–
Еврейская автономная область	–	Облучье, Николаевка	–
Чукотский автономный округ	–	Билибино, Певек	–

«Точки роста» основываются на стратегии поляризованного развития, способные оказать развивающее влияние на смежные по нахождению территории. Основные интересные представители среднего бизнеса, нуждающегося в качественной инфраструктуре. Отмечается отсутствие или, как минимум, не выявление таковых среди нашей выборки «вторых» и «третьих» городов в Республиках Бурятия, Забайкальском крае, Еврейской автономной области и Чукотском АО. «Зоны равновесия» – это территории, «на которых можно говорить об относительно устойчивом самоподдержании населения, при медленном росте потребления и (отчасти) производства, слабо поддающегося выявлению в официальном измерении» [5].

Основное отличие депрессивных поселений, в том числе и кризисных моногородов, от «зон равновесия» – настолько критическое ухудшение ситуации, что без федерального присутствия они находятся на грани социальной катастрофы. Такого рода поселения не выявлены среди «вторых» и «третьих» городов Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области и Чукотском АО. Но, депрессивные поселения в этих регионах есть в принципе.

Выводы и комментарии. Геоструктурный подход в изучении возможностей пространственного развития регионов Дальнего Востока позволяет структурировать имеющиеся показатели, отображающие современные тенденции и возможные перспективы. На наш взгляд, сложившаяся уникальность пространств нашей страны базируется на трёх «китах» [7]:

1. Дифференциация природных ландшафтов – от комфортных до абсолютно неблагоприятных, помноженная на изменчивую суровость климатических условий;

2. Система расселения – как производная от экономической модели, а российская система – это данность от советской догоняющей милитаризованной индустриализации;

3. Действующая рентно-сырьевая экономическая модель.

Исторически, территориальная структура населения Земли до недавнего времени была совокупностью ареалов или районов, где и складывались некие территориальные общности населения, объединённые, прежде всего, социокультурными и экономическими взаимосвязями. Но время не стоит на месте – в результате районная структура трансформируется в линейно-узловую, когда география пространства предстает в виде конкретных рисунков из узлов (города) и линий (транспортные артерии) [10].

Купирование проблем не только не способствует формированию новых «точек роста», но и причислению как минимум «к зонам равновесия» существующих. В свою очередь, скоординированное и поступательное развитие инфраструктуры может, как существенно повысить инвестиционную и миграционную привлекательность, так и способствовать удержанию местного населения ДФО.

Дальний Восток представляет собой геостратегическую территорию активного государственного регулирования, т. е. такую, на которой необходимо проводить политику внешнего заселения и закрепления уже живущего населения. Это территория с неблагоприятным демографическим потенциалом, где сложившаяся масштабная депопуляция нежелательна исходя из социально-экономических и геостратегических реалий, перспектив проблем национальной безопасности.

Поэтому здесь необходимо стимулирование миграционного притока посредством бюджетных и внебюджетных инвестиций в производственную сферу, социальную и коммуникаци-

онную инфраструктуру, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
2. Стратегия пространственного развития РФ до 2025г. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>
3. Фомин М.В. Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. № 3. С. 15–29. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024
4. Фомин М.В. Международное влияние: новые центры силы / Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение / В сб.: Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ 2010 год. Москва, 2011. С. 225–234.
5. Россия. Пространственное развитие: Докл. 2004. М.: Архитектура-С. 2004.
6. Фаляхов Р. Сельхозперепись: крестьяне забросили Россию // Газета.Ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2017/12/04/11031884.shtml?updated>
7. Фомин М.В., Безвербный В.А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33–53. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03.
8. Инфраструктура России: индекс развития. InfraONE Research. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf
9. Смирнягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. Т. 4. Фонд Институт экономики города Москва, 2009. С. 200–209.
10. Фомин М. Зачем развивать «вторые» города // Ведомости. 2018. №179.

ВКЛАД МИГРАНТОВ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Шевченко Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород (Россия). E-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности демографического развития российских регионов, анализируется динамика миграционных процессов, а также определяются социально-демографические характеристики мигрантов. Проводится оценка роли миграции в демографическом развитии принимающих территорий.

Ключевые слова: внешняя миграция, миграционные процессы, демографическое развитие, социально-демографические характеристики мигрантов.

CONTRIBUTION OF MIGRANTS TO DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Natalia V. Shevchenko, PhD (Economics), Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University», Belgorod (Russia). E-mail: Nshevchenko@bsu.edu.ru

Abstract. The article discusses the features of the demographic development of Russian regions, analyzes the dynamics of migration processes, and also determines the socio-demographic characteristics of migrants. The role of migration in the demographic development of host territories is assessed.

Keywords: external migration, migration processes, demographic development, socio-demographic characteristics of migrants.

Сегодня неблагоприятные тенденции демографического развития обостряют многие, не только социальные, но и экономические проблемы, превращая демографические проблемы в одни из самых значимых, как в практическом, так и теоретическом плане.

Демографические проблемы имеют схожий характер во всем мире. Это и снижение уровня рождаемости, и превышение смертности над рождаемостью, что приводит к естественной убыли населения; снижение числа женщин фертильного возраста, приводящее к понижению потенциала рождаемости; увеличение возраста матери по рождению первого и последующего детей, приводящее к низкой «детности»; повышающиеся показатели смертности населения в трудоспособном возрасте и молодого населения; старение общества.

В полной мере эти проблемы характерны и для России. Так, по данным Росстата, за первое полугодие 2019 года естественная убыль населения достигла уровня 198,8 тыс. чел., и по сравнению с аналогичным периодом 2018 года выросла на 21%. Уровень рождаемости за этот же период понизился на 8%. Несмотря на то, что уровень смертности замедлился по сравнению с аналогичным периодом 2018 года (за первое полугодие 2019 года уровень смертности снизился на 3,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), «доля людей младших возрастов среди всех умерших остается сравнительно высокой. Так, по данным за 2018 год, почти каждый десятый не дожил до возраста 45 лет (9,5%), каждый четвертый (24,6%) –

до возраста 60 лет, 45,5% не достигли возраста 70 лет, две трети – возраста 80 лет остается значительным» [3].

Самый активный репродуктивный возраст «сместился на один год вперед: теперь больше всего детей рождается у женщин в возрасте 30 лет (7,1% всех детей в стране). Самое большое количество первенцев, как и в 2017 году, приходится на 26-летний возраст матери. Однако возраст рождения первого ребенка тоже постепенно увеличивается: если в 2017 году 26-летние женщины произвели на свет 8,4% всех первенцев в России, то в 2018 году – уже только 7,7%» [4].

Так же для России характерны ухудшающиеся коэффициенты демографической нагрузки. «По оценкам ООН, коэффициент демографической нагрузки («до 14 лет плюс старше 65/15–64 года») сейчас составляет 512 детей и пожилых на 1000 человек в возрасте 15–64 лет – столько же, сколько, например, в Канаде и Польше. Но уже к 2030 году этот показатель вырастет на 14,5% – до 586 на 1000 – и перевалит за 600 к 2045 году, прогнозирует ООН в среднем варианте (примерно такую же траекторию рисует прогноз Росстата, но оценивает показатели нагрузки чуть ниже)» [7].

В этих условиях большое значение в процессах народонаселения приобретает миграция, выступая важной социальной, экономической и политической детерминантой изменений в глобальном масштабе. Интенсивные международные миграционные потоки оказывают значительное влияние на численность населения принимающих стран, её половозрастную структуру, образовательный уровень, этно-конфессиональный состав населения принимающих территорий.

Во всем мире отмечается рост потоков международной миграции. Так, «по данным ООН, число международных мигрантов во всем мире увеличилось за девятнадцать лет в пери-

од с 2000 по 2019 годы, достигнув 272 миллионов в 2019 году. Эта цифра выросла с 248 миллионов в 2015 году, 220 миллионов в 2010 году, 191 миллиона в 2005 году и 173 миллионов в 2000 год. В период 2000–2019 годов численность международных мигрантов увеличилась в среднем на 2,3 процента. Темпы роста снизились до 2,2 процента в период 2015–2019 гг. по сравнению с 2,4 процента в период с 2010 по 2015 год. Несмотря на увеличение абсолютных чисел, доля международных мигрантов по отношению к населению мира оставалась относительно стабильной в период с 1970 по 2015 годы. 2019 год – от 2,2 до 3,5 процента» [7].

По данным статистики ООН, Россия стала четвертым по величине государством, принявшим наибольшее количество международных мигрантов (порядка 12 млн. человек). Международный запас мигрантов (см. рисунок 1) имеет достаточно устойчивый рост, за исключением периода экономического кризиса, когда число прибывших сократилось.

О такой же динамике свидетельствуют и данные Росстата, за последнее десятилетие происходил рост основных показателей международных миграционных потоков. «Начиная с 2007 года в стране был достигнут и, в дальнейшем практически ежегодно (за исключением 2010 года), повышался один из целевых показателей, определенных Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года – обеспечение к 2016 году миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно» [6].

Рис. 1. Численность международных мигрантов в середине года в разбивке по полу [1]

Данные Росстата свидетельствует о том, что рост прибытий в основном обеспечивался за счет иммигрантов из стран СНГ, и значительно в меньшей степени за счет мигрантов из других государств (см. рисунок 2). Одновременно с этим динамика выбытий в рамках международной миграции носила несколько иной характер (см. рисунок 3).

Рис. 2. Динамика числа прибывших из-за рубежа в Россию [8]

Относительно стабильную динамику выбытий после 2010 года сменил скачкообразный рост в 2012 году и продолжающийся до сегодняшнего дня, при этом объем выбытий увеличивается как в страны СНГ, так и в другие государства.

Рис. 3. Динамика числа выбывших за рубеж из России [8]

Параметры прибытий и выбытий населения в рамках межгосударственной миграции сформировали миграционный прирост, величина и структура которого в разрезе направлений миграции имела положительную динамику за анализируемый период.

Расчет относительных показателей международных миграционных потоков (рисунок 4) позволил определить специфику динамики коэффициента эффективности миграции: незначительный рост в послекризисный период и падение в последующие анализируемые годы.

Рис. 4. Динамика относительных показателей международной миграции России

При этом значение самого коэффициента было положительным на протяжении всего периода, что свидетельствует о позитивной динамике международных миграционных процессов в Российской Федерации. Стоит обратить внимание на то, что такая динамика коэффициента эффективности международной миграции обусловлена тем, что миграционный прирост обеспечивался все более возрастающим миграционным оборотом. В результате чего «цена» единицы миграционного прироста в 2018 году практически в 6 раз превысила уровень 2010 года, а это, как следствие, увеличило издержки, связанные с обслуживанием миграционных процессов.

Оценка уровней миграционной ориентации населения стран СНГ в разрезе государств показало, что в наибольшей степени ориентировано на Россию население Армении, Таджикистана, Украины, Узбекистана и в наименьшей степени – население Туркменистана. Это отражает соотношение в общем

уровне благосостояния стран, так, если в России ВВП на душу населения, ППС (в текущих ценах) [2] составил по итогам 2018 года 27147,3 \$, то в Армении – 10324,9 \$, Таджикистане – 3443,7 \$, Молдове – 7300,9 \$, Украине – 9233,2 \$.

За весь анализируемый период растет «численность мигрантов из Киргизии – в связи с вступлением этой страны в ЕАЭС и, соответственно, появлением возможности трудиться в России без разрешительных документов. В то же время с каждым годом сокращается число трудовых мигрантов из Молдовы и Украины – у выходцев из этих стран есть альтернатива в виде выезда на работу в западные государства (тем более с учетом введенного безвизового режима с Европой» [5].

Рис. 5. Динамика иммиграции в Россию из стран СНГ в разрезе государств выбытия [2]

Внешние мигранты распределены по России достаточно неравномерно, большинство из них сосредоточено в Центральном федеральном округе (наибольшее количество приходится на Москву и Московскую область, среди других регионов сто-

ит отметить Воронежскую область) и Северо-Западном федеральном округе (в основном это Санкт-Петербург и Ленинградская область). В целом направления внешней миграции довольно близки с направленностью потоков внутренней. Среди наиболее «интересных» иностранцам регионов те же самые, что и для россиян: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Воронежская область, Ленинградская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Краснодарский край.

В связи со значительным и возрастающим влиянием миграционных потоков на численность населения принимающих стран важны демографические и социальные характеристики внешней миграции. Согласно представляемым данным Росстата, возможно, провести оценку половозрастных и образовательных параметров миграции.

Анализ гендерных параметров межгосударственной миграции позволяет оценить влияние перемещений на гендерные диспропорции России в интересах стимулирования демографического развития государства. Гендерный состав внешней миграции характеризуется превышением удельного веса мужчин как в составе иммиграционных, так и эмиграционных потоков, за исключением 2018 года (доля женщин незначительно превысила удельный вес мужчин) (см. рисунок 6).

Следовательно, можно предположить, что межгосударственные миграционные потоки способствовали сокращению гендерного дисбаланса населения, что представляет особую важность в условиях необходимости улучшения демографической ситуации в Российской Федерации.

Рис. 6. Динамика гендерного состава внешнего миграционного прироста России [8]

Возрастной состав миграционных потоков выступает важной социально-демографической характеристикой, позволяющей оценить не только демографический, но и экономический потенциал мигрирующего населения (рисунки 7 и 8).

Рис. 7. Динамика показателей возрастной структуры иммиграционных потоков [8]

Анализ возрастной структуры внешней миграции «в целом весьма благоприятен, поскольку обеспечивает приток в Российскую Федерацию молодежи и лиц трудоспособного возраста. Вместе с тем настораживает увеличение во внешней миграции, особенно в ее сальдо, доли лиц старших возрастов, с учетом их особых потребностей, удовлетворение которых сопряжено с дополнительными расходами бюджетной системы Российской Федерации. Данное обстоятельство целесообразно принимать во внимание в рамках проводимой Российской Федерацией миграционной политики» [6].

Рис. 8. Динамика показателей возрастной структуры эмиграционных потоков

Оценивая возрастную структуру межгосударственных миграционных потоков, следует учитывать тот факт, что население в трудоспособном возрасте в стране в ближайшем периоде продолжит сокращаться и схожие процессы будут происходить в большинстве постсоветских государств. При этом согласно прогнозным данным число людей в молодых трудоспособных

возрастах будет сокращаться еще быстрее (рисунок 9). Следовательно, будет сокращаться демографический потенциал внешней миграции из постсоветских стран.

Рис. 9. Ожидаемая динамика численности населения отдельных возрастных групп в постсоветских странах, 2035 к 2018 гг., в % [2]

Образовательные характеристики межгосударственной миграции позволяют провести оценку образовательного потенциала мигрантов в интересах социально-экономического развития России. Результаты оценки данных Росстата об уровне образования внешних мигрантов в возрасте 14 лет и старше представлены в таблице 1.

Проведенный анализ свидетельствует о достаточно умеренном росте удельного веса лиц имеющих профессиональное образование «следствием происходивших в 2010–2018 годах изменений объемов прибытий и выбытий внешних мигрантов с различным уровнем образования (причины которых требуют дополнительного изучения) явилось формирование миграционного прироста (сальдо миграции), в котором преобладает доля лиц, имеющих профессиональное образование» [6].

Наряду с этим позитивным эффектом выступает и то, что Россия приобрела дополнительное количество специалистов высшей квалификации, значительно сократилось количество лиц, не имеющих образования. «Данный результат может оцениваться позитивно с позиций повышения профессионального и квалификационного уровня населения страны в интересах стимулирования экономического роста, а также возмещения дефицита кадров на рабочих местах, малопrestiжных для россиян» [5].

Таблица 1

Динамика внешних миграционных потоков по уровню профессионального образования, человек [8]

	2 010	2 011	2 012	2 013	2 014	2 015	2 016	2 017	2 018
прибывшие									
количество мигрантов, имеющих профессиональное образование	75164	134164	162980	174837	216824	261677	252653	247535	238332
количество мигрантов, не имеющих профессионального образования и не имеющих образования	100426	198922	227453	277082	322919	279156	264480	285730	273806
выбывшие									
количество мигрантов, имеющих профессиональное образование	17085	18219	41965	63975	97196	116099	116850	151456	178450
количество мигрантов, не имеющих профессионального образования и не имеющих образования	12778	14581	74966	114862	198610	220835	174487	198835	227867
миграционный прирост									
количество мигрантов, имеющих профессиональное образование	58079	115945	121015	110862	119628	145578	135803	96079	59882
количество мигрантов, не имеющих профессионального образования и не имеющих образования	87648	184341	152487	162220	124309	58321	89993	88895	45939

Значительное влияние миграция оказывает и на этнический состав населения. Так, «изменение этнического состава мигрантов, прибывающих в Россию, показали данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Среди тех, кто приехал в страну за год до переписи (с октября 2009 г.) русских и представителей других титульных народов было 35%, тогда как среди уроженцев зарубежных стран, проживающих в России на

дату переписи, русских и титульных россиян было 62%. Это – одно из свидетельств исчерпания потенциала близкой в этнокультурном отношении миграции в будущем» [5].

Анализируя межгосударственные миграционные потоки, нельзя не обращать внимание на тот факт, что население стран к западу от России все более переориентируется на иные центры притяжения мигрантов. Свое влияние на этот процесс оказывает и разница в динамике экономического развития постсоветских государств. Сокращению миграции из Казахстана и Азербайджана немало способствовал их экономический рост. Казахстан в последние 10–15 лет из миграционного донора России превратился в ее основного «конкурента» на данном направлении.

Сложившиеся тенденции во внешних миграционных потоках свидетельствуют о необходимости выработке новых подходов к политике межгосударственной миграции и новых механизмов регулирования миграционных потоков в России, учитывающих перспективы социально-экономического развития регионов и Российской Федерации в целом.

Сегодня в России не существует политики интеграции, которая включала бы в себя программы натурализации (обучение языку, основам государственности) тех мигрантов, которые хотели бы здесь остаться и получить гражданство. В то же время у части временных мигрантов такая потребность есть. Отсутствие четкой категоризации мигрантов, а также механизмов возможного перехода при определенных условиях (натурализация, интеграция) из одной категории (например, временных) в другую (претендующих на гражданство) выталкивает из страны тех, кто желал бы интегрироваться в российское общество и стать его частью, или же «консервирует» мигранта во временном статусе на долгие годы.

Требует совершенствования и государственная программа содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в части необходимости ее более тесной взаимосвязи с программами территориального развития, предусматривающими создание высокопроизводительных рабочих мест.

Список литературы и источников

1. International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019). Migration data portal. The bigger picture. [Electronic resource]. Access mode: <https://migrationdataportal.org/themes/international-migrant-stocks#key-trends-2000-2019/>
2. Population Estimates and Projections. Data Catalog. The World Bank. [Electronic resource]. Access mode: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/population-estimates-and-projections>
3. Демографические итоги I полугодия 2019 года в России (часть II). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0825/barom05.php>
4. Для смертности стало меньше внешних причин. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/06/13/5cff83129a7947df01b310ea>
5. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. Центр стратегических разработок. [Electronic resource]. Access mode: hse.ru/mirror/pubs/share/218427665
6. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения. Социальный бюллетень. Май 2018. № 11.
7. ООН оценила демографические перспективы хуже Росстата. Российское население будет быстрее «стареть» и сокращаться. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/24/06/2019/5d0b43749a794718129aa169>
8. Численность и миграция населения Российской Федерации [Electronic resource]. Access mode: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283/>

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ РОССИИ

Войнов Сергей Михайлович, студент Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет), Москва (Россия). E-mail: ser.vojnov2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию миграционных процессов в особой отрасли народного хозяйства России – гражданской авиации. Негативные факторы, проявившиеся в середине 2010-х гг., такие как девальвация курса рубля, банкротство одной из крупнейших авиакомпаний страны – Трансаэро, сложные условия труда пилотов, спровоцировали рост числа специалистов, переехавших за рубеж. В связи с этим образовался определенный «кадровый голод», для покрытия которого Правительством Российской Федерации было принято решение о снятии ограничений на найм иностранных пилотов в отечественные авиакомпании. Было выделено 1000 квот на пять лет. Однако, реальное число трудовых контрактов не превысило тридцати. Причиной столь низкой эффективности принятых мер стал низкий уровень заработной платы российских пилотов по сравнению с иностранными компаниями. В настоящее время отток российских специалистов продолжается, что еще более осложняет ситуацию на рынке труда. Наибольшее число пилотов из России переезжают в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. По результатам проведенного анализа были выявлены последствия бездействия в решении данной ситуации, а также представлены пути выхода из сложившегося кризиса.

Ключевые слова: трудовая миграция высококвалифицированных специалистов, «утечка умов», пилоты, авиакомпании, причины и последствия «отлета» специалистов, мероприятия по регулированию миграции в гражданской авиации.

LABOR MIGRATION IN RUSSIAN CIVIL AVIATION

Sergey M. Voinov, student of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow (Russia). E-mail: ser.vojnov2013@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of migration processes in a special branch of the national economy of Russia – civil aviation. Negative factors that appeared in the mid-2010s, such as the devaluation of the ruble, the bankruptcy of one of the country's largest airlines, Transaero, and difficult working conditions for pilots, provoked an increase in the number of specialists who moved abroad. In this regard, a certain «personnel shortage» has formed, for which the Government of the Russian Federation decided to remove restrictions on hiring foreign pilots in domestic airlines. 1,000 quotas were allocated for five years. However, the actual number of labor contracts did not exceed thirty. The reason for such a low effectiveness of the measures taken was the low salary level of Russian pilots compared to foreign companies. Currently, the outflow of Russian specialists continues, which further complicates the situation in the labor market. The largest number of pilots from Russia move to China and the countries of the Asia-Pacific region. Based on the results of the analysis, the consequences of inaction in solving this situation were identified, as well as ways out of the current crisis were presented.

Keywords: labor migration of highly qualified specialists, «brain drain», pilots, airlines, the causes and consequences of the «departure» of specialists, measures to regulate migration in civil aviation.

Характерной чертой современной экономики является активизация процесса «перелива» человеческого капитала, осуществляемого в форме миграции населения, в том числе людей с высоким уровнем образования.

В 1990-е годы Россия столкнулась с так называемой «утечкой умов» – процессом эмиграции ученых, специалистов и квалифицированных кадров за рубеж. Основные причины данного явления лежали, прежде всего, в экономической плоскости. Сложная социально-экономическая обстановка в государстве вынудила людей искать лучшие условия жизни и труда, достойную заработную плату в других странах. Немаловажным фактором эмиграции из России стал кризис российской науки и образования, вызванный резким сокращением финансирования и отсутствием у государства интереса к научным изысканиям, а также к подготовке высококвалифицированных специалистов. В этой связи многие российские отрасли экономики пострадали не только от отсутствия финансовых вливаний, но и от потери кадров.

Не осталась в стороне и гражданская авиация. С середины 1980-х годов наметились кризисные тенденции в деятельности национального авиаперевозчика СССР – Аэрофлота, – связанные со слабой организаторской работой «номенклатуры» аппарата управления. Не было грамотного осмысления происходящих застойных процессов, а, следовательно, не проводились мероприятия по исправлению данной ситуации.

Сохранившиеся рудиментарные методы административного хозяйствования не лучшим образом влияли на экономику гражданской авиации. Многие руководители отрасли и предприятий понимали, что для того, чтобы выйти из тупика, надо полностью отказаться от командно-административной системы и задействовать все рычаги и стимулы нового механизма хозяйствования, пробудить у каждого авиатора заинтересованность в интенсивном труде, изжить иждивенчество. Верх стали брать узкогрупповые интересы и амбиции. Демократию многие посчитали как вседозволенность. Этому способствовала и по-

спешная отмена в Аэрофлоте важных ведомственных руководящих документов, хотя авиация всегда отличалась своей спецификой и требовала собранности, дисциплины и высочайшей ответственности всех, кто связал с ней свою судьбу. Потеря управления над личным составом и наземным персоналом не заставила себя долго ждать. Катастрофа самолета Як-42 при посадке в аэропорту Кольцово в сентябре 1990 года достаточно доходчиво показала ошибочность принятого метода управления отраслью.

Распад СССР в 1991 году только усугубил сложившиеся негативные тенденции. Прекратило существование Министерство Гражданской Авиации СССР. Вместо общесоюзного министерства образовались национальные авиационные структуры. В России с января 1992 года такой структурой стал Департамент воздушного транспорта Министерства транспорта РФ. Не стало и единого прежде авиаперевозчика – Аэрофлота. Он распался на множество новых авиационных структур – авиакомпаний, концернов, ассоциаций, объединений, корпораций.

В целом последнее десятилетие XX века для гражданской авиации России – своего рода переломный момент, время отхода от административно-командного планирования в сторону рыночных взаимоотношений. Вплоть до 2001 года показатели пассажиро- и грузоперевозок имели тренд к снижению с временным замедлением в 1994 и 1999 годах. Гражданская авиация России оказалась в долгах и вынуждена была надеяться на «инъекции» из госбюджета для выживания. Престиж отрасли упал. Была потеряна уверенность в завтрашнем дне и у авиаработников, тем более что в 1993 году начался новый виток роста цен, инфляции, а значит – и новое повышение тарифов на перевозки, ведущее к банкротству отрасли. И только реорганиза-

ция уже существующих служб по надзору за гражданской авиацией и создание Государственной службы гражданской авиации Министерства транспорта РФ позволило вывести отрасль из «кризисного пике» и создать условия стабильности и роста основных показателей.

Вместе с тем, современная гражданская авиация переживает новый «кризисный» период. Начиная с 2015 года в нашей стране сложилась ситуация так называемого «отлета» специалистов, то есть миграции пилотов и командиров воздушных судов из России за рубеж [2].

По данным Росавиации, в период с 2015 по 2017 годы из российских авиакомпаний уволилось 200 человек [6]. По данным газеты Коммерсантъ, это число заметно выше – 300 человек переехали за рубеж, и еще 400 находятся в процессе трудоустройства [8]. Притом, что в стране насчитывается свыше 12000 летчиков. На первый взгляд, ситуация не так критична, как она описывается в средствах массовой информации. Но, не будем забывать, что уходят опытные и высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы. А кроме того, по сравнению с числом пилотов, которые могут занимать должность командира воздушного судна (около 3,5 тыс. человек) – это весьма ощутимые «потери» [1].

Данная ситуация сложилась по ряду причин (рис. 1). Первая причина заключается в падении курса рубля по отношению к доллару [1]. Заработная плата специалистов в отечественных авиакомпаниях оказалась ниже, чем в компаниях за рубежом. Так заработок командира воздушного судна в Китае при пересчете в рублях был в 2–4 раза выше зарплат отечественных специалистов.

Вторая причина – активное развитие рынка авиаперевозок в странах Юго-Восточной Азии и нехватка специалистов граж-

данской авиации на рынках Китая, Индии и Вьетнама. При этом в азиатских странах нет квот на иностранных пилотов, а Китай еще и упростил выдачу для них разрешений на работу.

Рис. 1. Причины «отлета» гражданских специалистов в области гражданской авиации [13]

Стоит отметить, что российским авиакомпаниям было запрещено нанимать зарубежных специалистов. Однако, в настоящее время, по настоянию российских авиакомпаний, этот запрет отменен в связи с необходимостью «перекрытия» нехватки в российских специалистах. Но численность иностранных пилотов не должна выходить за пределы установленных квот.

Вместе с тем, данная мера не показала свою эффективность. По данным Росавиации с 1 августа 2014 г. по 31 декабря 2018 г. распределено 883 квоты, из них в 2018 году – 303 квоты. Остаток нераспределенных квот на оставшийся заявочный период (до 31 июля 2019 г.) составлял 117. При этом, по данным, полученным от эксплуатантов и МТУ Росавиации, с начала заявочного периода до марта 2019 года российскими эксплуатантами заключены трудовые договоры с 26 иностранными командирами гражданских воздушных судов, 20 из которых работают в Аэрофлоте, 1 пилот – в S7, 1 пилот – в

компании Utair [6]. Главным образом, это специалисты из Чехии, которые, вероятнее всего, в России временно. Дело в том, что крупнейшая авиакомпания этой страны – Czech Airlines – находилась в простое. А уровень заработных плат в России сопоставим с заработной платой летчиков в этой стране. Получая, помимо заработка, компенсацию «за простой», командиры воздушных судов имеют вполне достойную оплату труда [1].

Авиакомпания «Россия» в 2018 году также начала прием иностранных пилотов. Однако, проанализировав уровень заработных плат и сравнив его с практикой иностранных авиакомпаний, руководству стало очевидно, что им, вероятнее всего, удастся привлечь только специалистов из стран СНГ (Казахстана, Беларуси и ряда других государств) [9].

Приведем усредненные оценки по зарплате командиров воздушных судов (таблица 1).

Таблица 1.

Заработная плата командира воздушного судна в России в сравнении с другими странами в долл. США [10]

Страна	Заработная плата, долл. США
Китай	25000
Вьетнам	12000–14000
ОАЭ	15000–16000
Россия	5500

Таким образом, можно говорить, что российский рынок труда для иностранных специалистов гражданской авиации не так уж востребован, по сравнению с быстро развивающимися рынками стран Юго-Восточной Азии.

Не стоит также забывать о возникшем временном избытке специалистов на отечественном рынке после закрытия второй крупнейшей российской авиакомпании «Трансаэро»: людям

нужно было срочно найти работу, а имеющееся предложение труда удовлетворяло имеющийся спрос со стороны азиатского и, в том числе, китайского рынка гражданской авиации.

Третьей причиной и, пожалуй, основным фактором, побуждающим к поиску лучшего места работы, можно назвать условия труда в отечественных авиакомпаниях. Многие специалисты, работавшие в гражданской авиации, утверждают о постоянной «эксплуатации» летного персонала и пилотов в частности. Это наблюдается в следующих моментах:

1. Компании могут эксплуатировать своих специалистов по два или три дня без отдыха.
2. Время налета в месяц доходит в среднем до 90 часов (в СССР этот показатель ограничивался санитарными правилами до 60 часов).
3. График работы во многих компаниях составляет шесть рабочих дней и один выходной. В месяц получается четыре выходных, вместо восьми у других категорий работников.
4. Происходит омоложение ранних заболеваний. Так после пяти лет работы у молодых специалистов проявляются заболевания сердца, сосудов, органов слуха. Фиксировались даже онкологические заболевания.

Анализируя интервью пилотов, переехавших в Китай с целью трудоустройства, можно отметить, что в целом в Китае условия работы более комфортны. Это отмечается в таких аспектах как: состояние самолетов, отношение к персоналу, вопросы безопасности, организация труда и отдыха летного состава.

В среднем китайские авиакомпании предлагают следующие условия труда [7]:

1. Зарплата в среднем 19000 долл. США в месяц.
2. Компенсация расходов на жилье.

3. Суточные и расходы в поездках.
4. Бонус за безопасность.
5. Премия по итогам года – в пределах 16000 долл. США.
6. Программы обучения для детей: каждый пилот имеет право на субсидию на образование детей, если они получают его в Китае, в размере 1000 долл. США в месяц.
7. Медицинское страхование: участие в международной программе медицинского страхования.
8. С самого начала линейного обучения, пилоты и их ближайшие родственники могут пользоваться 75% льготными билетами в рамках внутренних и международных маршрутов столичных авиакомпаний без ограничений числа поездок.
9. Пилоты, завершившие один годичный период назначения, могут пользоваться 75% льготными билетами в рамках действующих внутренних и международных маршрутов авиакомпании без ограничений. Их ближайшие родственники могут пользоваться 75% скидочным билетом в рамках действующих внутренних маршрутов не более тридцати раз.

Таким образом, первопричиной миграции пилотов из России за рубеж, вероятнее всего, является низкий уровень организации труда в отечественных авиакомпаниях, которая, в свою очередь, происходит на фоне более низкой заработной платы в сравнении с зарубежными конкурентами.

С целью остановить отток пилотов за рубеж Росавиация задействовала административный ресурс – ведомство отказывало зарубежным компаниям в подтверждении пилотских свидетельств. Однако такие попытки ведомства «остановить течь» из отрасли не смогли решить ситуацию и усилили «исход» пилотов в поисках лучших условий работы. Многие нашли способ обхода сложившихся заградительных мер Росавиации. В

Малайзии, Корею, да и в самом Китае достаточно много специализированных учебных заведений, где пилот с опытом может легально и достаточно быстро получить новую лицензию – уже не российскую.

В связи с этим, согласно данным Российской ассоциации эксплуатантов воздушного транспорта ежегодное увеличение дефицита персонала оценивается на уровне 300–500 только коммерческих пилотов [11].

Таким образом, можно судить о том, что отток в 2015–2017 годы в совокупности со сложившейся нехваткой кадров негативно сказывается на всей отрасли гражданской авиации. Несвоевременное принятие мер по решению данной проблемы может привести:

1. К потере престижа отрасли и наращиванию дефицита специалистов, на покрытие которого может потребоваться достаточно большое количество времени и денежных средств.

2. К дефициту пилотов, что скажется на всей системе авиационных перевозок в целом, поскольку уменьшение числа пилотов косвенно ведет к уменьшению числа самолетов, обслуживаемых ушедшими пилотами.

3. К увеличению цены за перевозку пассажиров и грузов, связи с возможным недостатком воздушного транспорта для обслуживания возрастающего спроса на авиаперевозки.

Для решения сложившейся проблемы нехватки специалистов заинтересованным сторонам (авиакомпаниям и государству) необходимо начать работу по:

– повышению престижа отрасли за счет увеличения заработной платы пилотам и командирам воздушных судов и улучшения условий труда в авиакомпаниях за счет грамотной системы поощрения персонала для возвращения уже уехавших специалистов и привлечения новых кадров;

– осознанию ответственности за жизнь и здоровье людей, как пилотов, так и пассажиров. Не исключается принятие мер законодательного характера по ужесточению правил безопасности для пассажиров и экипажа с целью уменьшения риска несчастного случая;

– наведению порядка в отрасли путем реорганизации системы обучения и переобучения пилотов;

– реорганизации системы государственного контроля за отраслью.

Это позволит ввести в отрасль гражданской авиации людей, знающих о проблеме изнутри, у которых есть понимание в решении данной проблемы, а также позволит упразднить не актуальные и неэффективные процедуры и правила, мешающих дальнейшему развитию отрасли и оттоку из нее высококвалифицированных специалистов, без которых ни одна отрасль в целом не сможет качественно функционировать в рамках народного хозяйства.

Список литературы и источников

1. Аксенов П. «Они только злят»: почему пилоты массово уезжают из России // Сайт [bbc.com](https://www.bbc.com). 11 августа 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-40593216>
2. Аракелян Е. Российские пилоты уезжают работать за рубеж // Сайт kp.ru. 09 июня 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26690.7/3713786/>
3. Байкалова К. В. Отток квалифицированных кадров из России – пути решения проблемы // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. №2 (23). С. 32–34.
4. Богданова К. Иностраный пилот – об условиях работы в «Аэрофлоте»: «Сегодня это одна из лучших международных авиакомпаний» // Сайт kp.ru. 27 августа 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27021/4084160/>
5. Девятьяров Е. Росавиация пересчитала уехавших пилотов // Сайт iz.ru. 28 июля 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://u.to/NcxhFw>

6. Доклад «Об итогах работы Федерального агентства воздушного транспорта в 2018 году, основных задачах на 2019 год и среднесрочную перспективу». Доклад. – М.: Федеральное агентство воздушного транспорта, 2019. 101 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.favt.ru/o-rosaviacii-kollegija-materially/?id=5204>
7. Зарплата пилота гражданской авиации в 2019 году // Сайт emigrant.expert. 15 июня 2019 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://emigrant.expert/rabota-rf/zarplata-pilota>
8. Кузнецова Е. Перелетчики гражданской авиации // Сайт kommersant.ru. 09 июня 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3320307>
9. Маринин В. Авиакомпания «Россия» впервые начала набор иностранных пилотов // Сайт rbc.ru. 16 августа 2018 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/16/08/2018/5b752f7e9a79473d3dd96e7d>
10. Пилоты из России массово бегут на работу в Азию // Сайт vesti.ru. 09 июня 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2897323&cid=6#/video/https%3A%2F%2Fplayer.vgtrk.com%2Fiframe%2Fvideo%2Fid%2F1677332%2Fstart_zoom%2Ftrue%2FshowZoomBtn%2Ffalse%2Fsid%2Fvesti%2FisPlay%2Ftrue%2F%3Facc_video_id%3D719472
11. Письмо АЭВТ в Министерство транспорта Российской Федерации Директору Департамента государственной политики в области гражданской авиации. Письмо. – М.: Российская ассоциация эксплуатантов воздушного транспорта, 2018. 4 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aevt.ru/News/Pages/NewsDetail.aspx?NewsId=206>
12. Прогноз мирового рынка гражданской авиации 2017–2036 // Сайт aex.ru. 14 августа 2017 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aex.ru/docs/3/2017/8/14/2645>
13. Федорова П. Три фактора краха гражданской авиации в России: почему через год в компаниях будет некому летать // Сайт riafan.ru. 27 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riafan.ru/1092274-tri-faktora-krakha-grazhdanskoi-aviacii-v-rossii-pochemu-cherez-god-v-kompaniyakh-budet-nekomu-letat>
14. Шадрина Т. А вас я попрошу остаться // Сайт rg.ru. 12 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/12/mintrans-ostanovit-ottok-pilotov-iz-rossii.html>

ЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ ЗА ГРАНИЦУ: ОСНОВНЫЕ ПОТОКИ МИГРАЦИИ

Красникова Екатерина Сергеевна, студентка 1 курса магистратуры Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия). E-mail: kate@spivak.ru

Аннотация. Реформы системы здравоохранения в последние несколько лет были направлены на оптимизацию медицинских учреждений с целью повышения эффективности и качества обслуживания. Но в последствии реформы привели к сокращению больниц, поликлиник и амбулаторий. В связи с ухудшением условий труда и системы здравоохранения в целом ежегодно уезжают из страны врачи, родившиеся и получившие образование в РФ, что приводит к сокращению высококвалифицированного медицинского персонала в стране и негативно сказывается на системе здравоохранения.

В данной статье представлены статистические данные о российских врачах, получившие образование в РФ и проживающие за рубежом. Источником данных послужили исследования организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Миграция кадров здравоохранения», опубликованное на английском языке на официальном сайте. Согласно данным за 2016 год, большая часть российских врачей-мигрантов проживает в Израиле, США, Германии. Значительно меньше проживает в Великобритании, Латвии, Франции, Канаде, Норвегии, Чехии, Венгрии и Польше. Также в небольшом количестве российские врачи работают в Швейцарии, Эстонии, Чили, Новой Зеландии, Ирландии, Сербии, Бельгии, Литвы, Словении, Мальты, Хорватии, Румынии, Австрии.

Ключевые слова: международная миграция, международная миграция врачей, эмиграция врачей, российские врачи, врачи эмигранты.

THE EMIGRATION OF RUSSIAN DOCTORS ABROAD: THE MAIN FLOWS OF MIGRATION

Красникова Екатерина Сергеевна, студентка 1 курса магистратуры Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия). E-mail: kate@spivak.ru

Abstract. Reforms in the healthcare system over the past few years have been aimed at optimizing medical facilities in order to increase the efficiency and quality of services. But subsequent reforms led to a reduction in hospitals, clinics and outpatient clinics. Due to the worsening working conditions and the healthcare system as a whole, doctors born and educated in the Russian Federation leave the country every year, which leads to a reduction in highly qualified medical personnel in the country and negatively affects the healthcare system.

This article presents statistics on Russian doctors who have been educated in the Russian Federation and residing abroad. The data source was a study by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), Migration of Health Personnel, published in English on the official website. According to data for 2016, the majority of Russian migrant doctors live in Israel, the USA, and Germany. Significantly less lives in the UK, Latvia, France, Canada, Norway, the Czech Republic, Hungary and Poland. Also, a small number of Russian doctors work in Switzerland, Estonia, Chile, New Zealand, Ireland, Serbia, Belgium, Lithuania, Slovenia, Malta, Croatia, Romania, Austria.

Keywords: international migration, international migration of doctors, emigration of doctors, Russian doctors, doctors-emigrants.

Введение. Российские реформы системы здравоохранения в последние несколько лет были направлены на оптимизацию медицинских учреждений с целью повышения эффективности

и качества обслуживания. Но в последствии реформы привели к сокращению больниц, поликлиник и амбулаторий. В связи с ухудшением условий труда и системы здравоохранения в целом ежегодно уезжают из страны врачи, родившиеся и получившие образование в РФ, что приводит к сокращению высококвалифицированного медицинского персонала в стране и негативно сказывается на российской системе здравоохранения.

Российские врачи-эмигранты внесли значительный вклад в рост общего числа врачей и медсестер за последнее десятилетие во многих странах ОЭСР. В данной статье представлены самые последние данные о количестве российских врачей, работающих в странах ОЭСР [1].

Прежде чем приступить к анализу статистических данных стоит обратиться к подходам мониторинга международной миграции работников здравоохранения, которые использует ОЭСР [1]. Регулярный мониторинг международной миграции медицинского персонала основывается на двух ключевых критериях: 1) актуальность как для стран происхождения, так и для стран назначения; 2) возможность регулярного сбора данных.

Подходы для измерения миграции медицинского персонала. Модели миграции могут быть измерены на основе национальности, места рождения или места получения образования. Первый подход, основанный на национальности, сталкивается с рядом недостатков [1]. Во-первых, иностранцы исчезают из статистики, когда они ассимилируются. Во-вторых, в нескольких странах ОЭСР многие люди, которые родились и выросли в стране, имеют различное гражданство, поэтому систематической связи между миграцией и национальностью не существует.

Второй подход, основанный на месте рождения, является более информативным, поскольку, когда страна рождения отличается от страны проживания, это означает, что человек действительно пересек границу в какой-то момент времени [1]. Тем не менее, основной вопрос, который возникает при оценке миграции медицинского персонала – это в какой стране было получено образование. Некоторые люди, родившиеся за границей, приехали в более молодом возрасте, скорее всего, в сопровождении своей семьи, в то время как другие приехали в страну, чтобы получить высшее образование, и остались после завершения учебы. В этих случаях большая часть стоимости обучения будет покрываться принимающей страной и (или) самими мигрантами, а не страной происхождения.

Третий подход, основанный на стране, в которой было получено образование. В рамках данного подхода тоже есть недостаток, который заключается в том, что сестринское и медицинское обучение могут быть очень длительными и проходить разные стадии. Определение, используемое в ежегодном совместном вопроснике ОЭСР / Евростата / ВОЗ-Европа, основано на том, где люди получили свою первую медицинскую или медицинскую степень [1]. Другая проблема связана с интернационализацией медицинского образования, что означает, что определенное количество врачей или медсестер, прошедших обучение за рубежом, могут быть людьми, которые родились в одной стране и решили продолжить обучение в другой стране, прежде чем вернуться в свою страну. Объединенная анкета направлена на сбор данных о количестве таких людей, которые получили образование за рубежом.

Источники данных. Данные международной миграции работников здравоохранения, представленные в ОЭСР, основаны на втором и третьем подходах (врачи и медсестры, ро-

дившиеся за границей, а также врачи и медсестры, прошедшие подготовку за рубежом). Для определения страны рождения использовались два источника данных: последние переписи населения и обследования рабочей силы (ОРС) для некоторых европейских стран. Национальные переписи обычно включают всех лиц в возрасте от 15 лет и старше, в то время как ОРС ограничивается лицами в возрасте от 15 до 64 лет [1]. Работники здравоохранения обычно определяются на основе Международной стандартной классификации занятий (ISCO), пересмотренной в 2008 году.

Данные о врачах и медсестрах, получивших образование за рубежом, взяты из ежегодного совместного вопросника ОЭСР / Евростата / ВОЗ-Европы, который направляется назначенным координаторам в странах, входящих в ОЭСР [1]. Основным источником данных, используемым странами для предоставления этих данных, являются профессиональные реестры, управляемые либо профессиональной организацией (например, Национальным советом по медицине или уходу), либо государственным учреждением, хотя некоторые страны использовали другие источники данных.

Статистические данные о российских врачах за границей. Данные за 2017 и 2018 годы предварительные и ещё будут дополнены, поэтому по ним пока невозможно сделать обобщённые выводы. Согласно статистическим данным ОЭСР за 2016 год (таблица 2), большая часть российских врачей-мигрантов проживает в таких странах как Израиль (6068), США (6021), Германия (1832) [2]. Значительно меньше проживает в Великобритании (429), Латвии (306), Греции (271), Франции (270), Канаде (245), Норвегии (232), Чехии (205), Венгрии (189), Польше (183), Швейцарии (86), Эстонии (85), Чили (68), Новой Зеландии (51). В небольшом количестве рос-

сийские врачи работают в таких странах как Ирландия, Сербия, Бельгия, Литва, Словения, Нидерланды, Мальта, Хорватия, Румыния, Австрия. По данным 2017 года список стран, в которых работают российские врачи, вошли такие страны как Финляндия, Португалия, Испания, Швеция, Турция. По статистическим данным можно сделать вывод, что российские врачи работают в более чем в 30 странах мира.

Что касается общего количества российских врачей мигрантов, то их количество с каждым годом растёт. В 2000 году было зафиксировано 7168 российских врачей (таблица 1), в 2001 уже 7621 человек, в 2002 – 8080, в 2005 – 8860, в 2010 – 15538, в 2016 количество российских врачей уже составило 16659 человек (таблица 2) [2]. То есть за последние 20 лет РФ потеряла более 16 000 высококвалифицированных врачей, которые могли трудиться на благо российских граждан. Также наше государство терпит и финансовые убытки, так как часть уехавших врачей обучались в РФ на бюджетной основе. К тому же всё усугубляет тот факт, что уезжают за границу чаще всего лучшие, те кто хорошо проявили себя в учебе и на практике.

Таблица 1.

**Общее количество российских врачей за границей
в 2000–2008 гг.**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Австрия	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Бельгия	..	..	..	..	..	..	..	2	3
Канада	80	88	92	95	109	122	132	156	172
Чили	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Чехия	18	19	20	28	28	36	37	45	51
Эстония	..	..	..	..	..	4	8	13	20
Германия	610	802	995	1140	1110	1091	1162	1200	1309
Греция	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Венгрия	..	..	..	..	56	55	55	55	54

Израиль	6287	6509	6734	6891	6917	6842	6772	6708	6611
Латвия	..	..	..	..	379	382	390	397	403
Нидерланды	..	7	6	8	7	8	7	..	5
Новая Зеландия	10	12	13	15	18	19	25	27	27
Швеция	158	179	211	240	255	290	329	354	392
Швейцария	..	..	..	..	..	..	..	..	45
Турция	5	5	9	10	10	11	11	11	11
Великобритания	..	..	..	..	..	..	..	..	395
США	..	..	..	..	..	..	4508	4620	4775
Всего:	7168	7621	8080	8427	8889	8860	13436	13588	14273

Таблица 2.

**Общее количество российских врачей за границей
в 2009–2018 гг.**

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Австрия	..	1	1	1	1	..	1	1	2	1
Бельгия	5	8	12	15	17	20	17	17	19	22
Канада	207	208	217	225	233	234	238	245	248	..
Чили	..	..	..	..	..	63	67	68	71	73
Чехия	59	62	70	88	37	38	155	205	232	234
Эстония	25	30	39	49	58	66	75	85	92	97
Финляндия	573	609	643	669	..	..	..	..	..	..
Франция	..	..	153	167	183	217	248	270	280	301
Германия	1394	1399	1440	1461	1523	1587	1717	1832	1984	..
Греция	..	..	..	287	287	283	270	271	297	0
Венгрия	54	52	51	50	49	206	175	189	211	..
Ирландия	..	..	24	22	24	27	32	38	45	49
Израиль	6596	6601	6584	6518	6430	6308	6169	6068	5953	5894
Латвия	355	363	350	366	363	346	333	306	291	..
Литва	..	..	..	..	..	9	9	11	16	19
Нидерланды	6	6	7	..	..	7	6	6	..	..
Новая Зеландия	34	36	37	41	39	45	48	51	48	53
Норвегия	139	147	162	172	188	203	211	232	239	255
Польша	..	..	..	..	..	182	184	183	180	..
Португа-	..	..	..	..	..	..	..	..	249	..

лия										
Словения	..	6	6	9	8	8	8	9	9	9
Испания	..	..	197	..	..	..	..	..	..	..
Швеция	412	435	450	457	486	497	508	..	..	..
Швейцария	49	47	50	50	63	64	73	86	96	..
Турция	11	11	11	11	11	11	11	..	..	..
Великобритания	408	393	407	407	427	442	420	429	443	453
США	..	5112	5566	5887	5925	5927	5978	6021	..	..
Хорватия	..	..	..	..	..	..	..	4	..	..
Мальта	..	..	..	..	..	6	6	6	6	..
Румыния	..	..	..	..	..	..	2	4	..	..
Сербия	..	12	13	20	23	34	37	22	..	..
Всего:	1032	1553	1649	1697	1637	1683	1699	1665	1101	7460
	7	8	0	2	5	0	8	9	1	

Пик миграции приходится на 2002 год (таблица 3), в этот год за границу уехало 800 человек [2]. В среднем РФ ежегодно теряет около 500 квалифицированных врачей. Например, в 2000 году количество российских врачей мигрантов составило 409 человек, в 2005 году – 413, в 2011 году – 431, в 2013 году – 465, в 2016 году – 440 человек (таблица 4). По предварительным данным, в 2017 году РФ покинуло 522 врача, в 2018 – 254 человека (таблица 4). По данным 2016 года большинство врачей ежегодно уезжают в такие страны как Германия (115 человек), Израиль (104 человека) (таблица 4). В этот же год значительно меньше российских врачей уехали в США (37), Великобритания (33), Норвегия (30), Франция (27), Чехия (24), Канада (17), Эстония (10), Ирландия (8), Швейцария (6), Сербия (6), Дания (5), Новая Зеландия (5), Литва (3), Чили (2), Латвия (2), Словения (2), Болгария (2), Венгрия (1), Румыния (1).

Таблица 3.

**Ежегодный приток российских врачей-мигрантов
в зарубежных странах в 2000–2009 гг.**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Австрия	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Бельгия	..	..	..	..	..	..	..	2	1	2
Канада	16	20	17	17	33	21	23	35	33	47
Чили	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Чехия	1	1	1	6	2	8	3	8	6	8
Дания	10	6	14	17	17	20	16	10	18	9
Эстония	..	..	..	..	..	4	4	5	7	5
Германия	..	192	193	145	..	..	71	38	109	85
Венгрия	4	1	1	1	1	1	..	1	..	2
Израиль	306	315	319	256	173	90	66	50	62	79
Южная Корея	..	..	..	..	..	..	..	1	..	..
Латвия	..	..	..	..	24	18	26	33	23	21
Новая Зеландия	4	3	3	4	5	4	4	4	3	9
Норвегия	14	14	15	20	27	19	28	30	19	24
Португалия	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Словения	..	..	1	1	1	1	1	..	..	..
Швеция	18	24	31	34	23	32	47	37	54	35
Швейцария	..	..	..	1	1	2	1	2	6	3
Турция	5	0	4	1	0	1	0	0	0	0
Великобритания	31	40	49	38	89	107	79	65	58	48
США	..	..	152	130	120	104	121	81	78	101
Болгария	..	..	..	..	..	..	..	..	2	9
Всего:	409	616	800	671	486	413	490	402	479	487

Таблица 4.

**Ежегодный приток российских врачей-мигрантов
в зарубежных странах в 2010–2018 гг.**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Австрия	1	..	..	..	..	..	..	1	..
Бельгия	3	4	3	2	3	1	..	3	2
Канада	33	28	25	26	17	21	17	14	..
Чили	..	13	9	9	5	..	2	3	2
Чехия	3	9	19	21	26	22	24	25	8
Дания	7	6	3	2	5	5	5	..	..

Эстония	5	9	10	9	8	9	10	7	5
Финляндия	36	34	26	..	..	..	..	..	..
Франция	..	19	20	17	38	25	27	11	27
Германия	5	41	21	62	64	130	115	152	..
Греция	..	..	7	7	3	2	0	9	..
Венгрия	..	..	1	..	2	..	1	..	..
Ирландия	2	4	2	3	2	7	8	7	8
Израиль	81	85	85	100	114	98	104	105	121
Южная Корея	..	..	..	..	..	..	..	..	..
Латвия	20	8	22	14	4	2	2	3	..
Литва	..	..	..	..	1	1	3	4	3
Новая Зеландия	2	5	6	4	4	6	5	0	6
Норвегия	21	24	30	68	42	54	30	78	15
Португалия	..	..	..	..	..	..	..	11	..
Словения	..	..	..	..	..	1	2	..	..
Испания	..	27	..	..	..	..	..	..	..
Швеция	28	21	10	28	23	14	..	..	..
Швейцария	9	5	6	12	10	12	6	6	1
Турция	0	0	0	0	0	0	..	..	..
Великобритания	46	30	53	38	49	36	33	32	56
США	63	57	46	35	47	45	37	49	..
Болгария	9	1	..	..	1	2	2	2	..
Румыния	..	..	..	1	..	1	1	..	..
Сербия	..	1	7	7	15	7	6	..	..
Всего:	374	431	411	465	483	501	440	522	254

Таким образом, согласно статистическим данным организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) можно сделать вывод о том, что количество российских врачей за рубежом с каждым годом становится всё больше и больше. По данным за 2016 год количество российских врачей, работающих и проживающих за границей, составило 16659 человек. Большая часть российских врачей-мигрантов проживает в Израиле, США, Германии. Значительно меньше проживает в Великобритании, Латвии, Франции, Канаде, Норвегии, Чехии,

Венгрии и Польше. Также в небольшом количестве российские врачи работают в Швейцарии, Эстонии, Чили, Новой Зеландии, Ирландии, Сербии, Бельгии, Литвы, Словении, Мальты, Хорватии, Румынии, Австрии.

Список литературы и источников

1. OECD Recent Trends in International Migration of Doctors, Nurses and Medical Students, Paris, OECD Publishing, 2019. 139 p. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/5571ef48-en/index.html?itemId=/content/publication/5571ef48-en>
2. OECD Health workforce migration [Electronic resource]. Access mode: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-health-statistics/health-workforce-migration_1497601f-en

БРАЧНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полянская Екатерина Валерьевна, студент, Московский авиационный институт, Серпухов, Московская область (Россия). E-mail: katerina.pol98@mail.ru

Аннотация. Данная работа является анализом последних статистических данных о брачной миграции. Брачная миграция, как правило, это безвозвратная миграция, осуществляемая в связи с заключением брака и соответствующим переездом одного из супругов на постоянное место жительства к другому супругу. Может иметь как внутренний, так и международный характер. В последнем случае чаще всего речь идет об эмиграции женщин. В рамках данной работы проанализированы эмиграционные и иммиграционные потоки брачной миграции, а также определены особенности и взаимосвязь между ними. По результатам анализа удалось определить превышение иммиграционных потоков над эмиграционными потоками. Выявлены основные страны лидеры по иммиграционному притоку иностранных граждан, желающих заключить брачные отношения с россиянами. При исследовании эмиграционного потока определены основные причины, побуждающие к брачной эмиграции, основная группа населения, подверженная брачной миграции и негативные последствия продолжительной миграции данной группы населения. В настоящем исследовании рассматриваются некоторые теоретические аспекты брачной миграции, выявляется социально-демографическая структура эмиграционных потоков из России, определяются социально-демографические последствия женской брачной эмиграции для страны.

Ключевые слова: брачная миграция, экономическая ситуация, иммиграция, браки с иностранными гражданами, женская эмиграция.

MARRIAGE MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ekaterina V. Polyanskaya, student, Moscow aviation Institute, Serpukhov, Moscow region (Russia). E-mail: katerina.pol98@mail.ru

Abstract. This work is an analysis of the latest statistical data on marriage migration. Marriage migration, as a rule, is an irrevocable migration carried out in connection with the conclusion of marriage and the corresponding move of one of the spouses to a permanent place of residence to the other spouse. It can have both domestic and international character. In the latter case, most often it is the emigration of women. In the framework of this work, the emigration and immigration flows of marriage migration are analyzed, as well as the features and interrelation between them are determined. According to the results of the analysis, it was possible to determine the excess of immigration flows over emigration flows. The main countries leaders on immigration inflow of the foreign citizens wishing to conclude marriage relations with Russians are revealed. The study of the emigration flow identified the main reasons for marital emigration, the main population group exposed to marital migration and the negative consequences of prolonged migration of this population group. This study examines some theoretical aspects of marital migration, reveals the socio-demographic structure of emigration flows from Russia, determines the socio-demographic consequences of female marital emigration for the country.

Keywords: marriage migration, economic situation, immigration, marriages with foreign citizens, female emigration.

Одним из важнейших источников формирования населения в отдельных регионах мира, в том числе в России, является миграция населения. Трансформация социально-экономических и политических условий жизни способствовала

кардинальным изменениям в межгосударственных миграциях населения России.

Сама по себе миграция оказывает положительное влияние на развитие общества. По большому счету она выполняет важные функции, которые выражаются в равномерном перераспределении трудовых ресурсов, преодолении существенных отличий в уровне жизни граждан, взаимном обогащении культур, решении демографического кризиса [1].

В данных функциях ключевую позицию занимает брачная миграция.

Брачная миграция рассматривается как результат перемещения населения по причине создания брака с представителем другого государства. Она относится к безвозвратной миграции, которая связана с заключением брака и соответствующим переездом одного из супругов на постоянное место жительства к другому супругу.

Брачная эмиграция – специфически женский вид перемещений для России.

Демократизация социальной жизни в стране, увеличив возможности международных контактов людей, вывела проблему брачной миграции на уровень социальной видимости. При этом, проблема брачной миграции является практически белым пятном в российских исследованиях.

В первую очередь необходимо определить само понятие брачной миграции. К ней относятся такие передвижения населения, которые мотивированы вступлением в брак и переездом к супругу или супруге. Однако, это только часть традиционных понятий брачной миграции, принятого в международных исследованиях. Кроме тех мигрантов, чьи передвижения связаны с реальным вступлением в брак, оно обычно включает и тех,

кто решился на выезд, не имея реальных перспектив, а просто в поисках подходящего – брачного партнера.

Брачная миграция может быть как внутренней, так и внешней. По статистическим данным Росстата количество официально заключаемых браков на 2018 год составляет 893 тыс., что показывает небольшое снижение по сравнению с 2017 годом – 1 049 тыс. (рис. 1) [7].

Рис. 1. Количество официально заключаемых браков за 2017–2018 гг. [8]

Одним из основных показателей при заключении брака является возраст жениха и невесты (табл. 1).

Таблица 1.

Возрастное распределение браков среди населения России в 1998–2018 гг. (%) [6]

	1998 год		2008 год		2018 год	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 18 лет	0,1	0,4	1,2	5,3	0,5	1,1
18 – 19 лет	2,3	2,8	3,4	11,8	1,2	2,4

20 – 24 лет	45,2	47,5	32,8	33,5	19,2	10,4
25 – 29 лет	22,4	18,2	21,4	17,2	33,5	45,2
30 – 34 лет	17,7	15,1	12,4	21,2	27,2	33,4
35 – 39 лет	5,2	13,4	16,2	6,1	9,8	5,2
40 – 49 лет	5,1	4,5	13,6	2,8	5,2	1,0
50 – 59 лет	1,1	2,5	4,2	1,1	2,1	0,7
60 лет и более	0,9	2,6	4,8	1,0	1,0	0,6

По данным Росстата, возрастные категории мужчин, вступающих в брак, за исследуемый период смещаются в сторону увеличения: в 1998 году чаще всего вступали в брак в возрасте 20 – 24 года, в 2018 году – в 25 – 29 лет. Это связано с тем, что мужчины к 25 – 29 лет с позиции получения образования и профессии практически уже имеют возможность состояться. Возраст женщины, в котором она чаще всего вступает в брак в 2018 году варьируется от 25 до 34 лет [8].

Брачная иммиграция имеет ряд особенностей. Во-первых, большинство мужчин-иммигрантов в Россию в 2016 году имеют следующую национальность: азербайджанцы (14,65%), армяне (6,88%), таджикистанцы (18,47%), узбекистанцы (9,7%), молдаване (6,83%), украинцы (23,98%). Причём, лидерами являются украинцы, что связано с нестабильной экономической ситуацией в Украине. Представители мужской половины из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, создают брак с женщинами из России в основном, чтобы улучшить качество жизни и найти достойную заработную плату (табл. 2).

Во-вторых, большинство женщин-иммигранток в Россию в 2016 году имеют следующую национальность: казахстанки (9,99%), киргизстанки (6,76%), таджикистанки (8,82%), узбекистанки (10,06%), молдаванки (8,76%), украинки (53,41%). Лидерами среди являются представительницы Украины, по аналогичным показателям, превышающим практически в 5 раз остальные (табл. 3).

В-третьих, среди браков в России между россиянами и украинцами приток населения пополняется больше женским населением, чем мужским.

Таблица 2.

**Статистические данные по брачной миграции
(невеста – россиянка, жених – иностранец)
за 2016 год по России [9]**

Жених иностранец	Невеста – россиянка
Азербайджан	5974
Армения	2808
Афганистан	386
Беларусь	1776
Болгария	72
Великобритания	269
Вьетнам	205
Германия	525
Греция	80
Грузия	736
Египет	239
Израиль	325
Индия	107
Италия	238
Казахстан	2119
Киргизия	857
Молдова	2785
Таджикистан	7530
Узбекистан	3957
Украина	9777

ИТОГО	40765
-------	-------

Таблица 3.

**Статистические данные по брачной миграции
(невеста – иностранка, жених – россиянин)
за 2016 год по России [9]**

Невеста иностранка	Жених – россиянин
Германия	63
Греция	9
Грузия	398
Египет	0
Израиль	52
Индия	2
Италия	4
Казахстан	2423
Киргизия	1640
Молдова	2124
Таджикистан	2138
Узбекистан	2441
Украина	12949
ИТОГО	24243

Сегодня в России массовым становится заключение браков между российскими женщинами с иностранцами с последующим отъездом из России [3]. Брачная эмиграция, как говорилось ранее, – это эмиграция на постоянное место жительства. И даже если брак неудачен, многие российские женщины предпочитают оставаться за рубежом, приобретая там вид на жительство или гражданство. На первый взгляд выбор супруга и места жительства является личным делом, характеризует свободу личности.

Для России отток женщин репродуктивного возраста, влияет на сокращение не только численности населения, но и рождаемости, т.е. женская эмиграция влечет за собой, кроме

прямых потерь (уехавшие за рубеж женщины), потери косвенные (не рожденные в России дети). Учитывая еще и то, что основу эмиграционного потока составляют внешне привлекательные девушки репродуктивного возраста, следует отметить: данная форма миграции чревата потерей не только демографического, но и генетического потенциала страны.

За 2008 – 2018 годы основным мотивом брачной эмиграции является непосредственно мотив вступления в брак. Разницу между 2008 и 2018 годом можно увидеть на гистограмме (рис. 2).

Рис. 2. Основные мотивы выезда эмигрантов-женщин (%)

Проанализировав брачную миграцию граждан по гендерному признаку, можно заметить, что женщин эмигранток больше, чем мужчин. Специфика женской брачной эмиграции в России практически не изучалась и проблематика исследований в этой области достаточно обширна, но есть определённые

сведения, что женская брачная миграция как социальный феномен появилась в 1990-х годах, сразу после распада СССР [5].

За короткое время исследователи смогли понять, что это не просто тенденция, а серьезная проблема. Однако и на сегодняшний день женщины выходят замуж за представителей иностранных государств и покидают Россию, чтобы стать гражданами других стран [2].

Согласно современным стереотипам и религиозным убеждениям, в основном женская миграция при заключении брака более активна, нежели мужская. По данным Федеральной миграционной службы, если сравнивать брачную эмиграцию и иммиграцию, то вторая более активная, чем первая (рис. 3).

Рис. 3. Данные по брачной эмиграции и иммиграции в России за 2018 год

Таким образом, процессы брачной миграции являются причиной возникновения различных форм взаимоотношения между людьми в социальной сфере, с определением мотивов вступления в брак.

По результатам анализа притоков и оттоков, связанных с брачной миграцией, можно прийти к следующим выводам:

1. Наибольший иммиграционный поток иностранных граждан, желающих заключить брачные отношения с гражданами РФ, приходится на Украину. В основном, в Россию из этой страны приезжают женщины.

2. Брачная эмиграция характеризуется большим оттоком из страны женщин репродуктивного возраста, что является негативной тенденцией для демографической ситуации России в будущем.

3. Вместе с тем эмиграционные потоки меньше иммиграционных, что свидетельствует о сглаживании негативных тенденций, связанных с оттоком женского населения из России.

Список литературы и источников

1. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. – М.: Издательство РГСУ; 2007. – 472 с.
2. Заиграйкина И. Н., Чернышова С. Н. Экономические аспекты российской миграции // Молодой ученый. 2015. – №7.3. – С. 20–23.
3. Каюков В. В., Мельчакова Ю. Л. Взаимосвязь демографических процессов с состоянием экономики / В сб.: Экономика, управление, финансы: материалы III Междунар. науч. Конф. – 2015. – С. 177–180.
4. Крицкая А. А. Анализ современной миграционной ситуации в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. – №7. – С. 253–256.
5. Мкртчян Н.В. Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин М.: МАКС Пресс, 2016. с.546–561.
6. Тюрюканова Е. В. Гендерные аспекты социальной трансформации. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М., 2016. С. 84–102.
7. Щукина К. В. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России / В сб.: Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. – 2015. – С. 149–152.

8. Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ufms-gov.ru> Дата обращения 13.10.2019
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> Дата обращения 05.10.2019
10. Ryazantsev S., Sivoplyasova S. Russian women in the international marriage market: ways of migration and adaptation in host societies // Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2018. – № 5 (147). – С. 183–203.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово

Раздел 1. Проблемы международной миграции

Алистратова О.С. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА О ПРОБЛЕМЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Баженова Е.С. МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В КНР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бутенко В.А. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ: ДО И ПОСЛЕ 2015 ГОДА

Волох В.А., Суворова В.А. УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Кочнев Д.В. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КНР В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Кузнецов В.Б. В ПОИСКАХ СОЛИДАРНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРИИ, ИТАЛИИ И СТРАН ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕС

Лючибелло С. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ В ЕВРОПЕ: ДИХОТОМИЯ МЕЖДУ ПРАВОВЫМ И НРАВСТВЕННЫМ

Турко Т.И., Турко Е.В. МОЛДАВСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И ВОЗВРАЩЕНИЯ

Тихонова Л.Е., Драгун М.В. СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Раздел 2. Миграция, интеграция и роль цифровых технологий в информационном пространстве мигрантов

Воронина Н.А. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Воронова Ю.А., Капустина М.А. РОССИЯ В МИГРАЦИОННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РУССКИЙ КАК МИРОВОЙ ЯЗЫК

Плетнева Ю.Э. МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: НА ПРИМЕРЕ НИДЕРЛАНДОВ

Ратушняк Е.С., Батальщикова И.П. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РАМКАХ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЕАЭС

Хорбаладзе Э.Л. МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Храмова М.Н., Варгина В.М. ВНЕДРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МИГРАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дмитриева Ю. В. УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

Зуева А.С. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Карабулатова И.С., Воронцов К. В. ЦИФРОВАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МИГРАТОЛОГИЯ И МОНИТОРИНГ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ТЕКСТОВ О МИГРАЦИИ

Раздел 3. Российская миграционная политика и вопросы управления миграцией

Акбюлов Р.И., Акбюлова Е.И. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Воробьева О.Д., Субботин А.А. СОБРАНИЕ РОССИЙСКОГО НАРОДА (ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ, ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ) – ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Гришанова А.Г. МИГРАЦИОННЫЙ ТРЕНД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Доброхлеб В.Г. МИГРАЦИЯ В РОССИИ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ПЕРЕМЕНАМ

Кожевникова Н.И. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Кулиш В.В., Алексеенко В.Н. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ «ERASMUS+»)

Пискунов С.А. ГЕОГРАФИЯ ВЫХОДА ПЛАНОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – 1980-Е ГГ.

Смирнов А.В. ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Фомин М.В. МИГРАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КАРКАС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: «ВТОРЫЕ» И «ТРЕТЬИ» ГОРОДА

Шевченко Н.В. ВКЛАД МИГРАНТОВ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Войнов С.М. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ РОССИИ

Красникова Е.С. ЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ ЗА ГРАНИЦУ: ОСНОВНЫЕ ПОТОКИ МИГРАЦИИ

Полянская Е.В. БРАЧНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ В ЕВРАЗИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ**

Материалы

XI Международного научно-практического форума

Москва, 5–6 декабря 2019 г.

Подписано в печать 03.02.2020 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,25. Заказ 3158. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru